Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Учебно-научная лаборатория
«Философские основы гражданской культуры» СВФУ
Якутское региональное отделение
Российского гуманистического общества

ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

Материалы
международной научной конференции

Якутск, 13-15 июня 2012 г.

Часть 2

Якутск 2012

УДК 130.12(063)
ББК 87.7 (2Рос)
П77

Проведение конференции и издание сборника осуществлены при финансовой поддержке проекта 4.2 «Формирование современной практики междисциплинарных гуманитарных исследований и создание культурно-образовательной среды для арктических циркумполярных территорий» Программы развития СВФУ

Редакционная коллегия:
П.Н. Жондоров, В.Д. Михайлов, В.В. Михайлова, В.Б. Надькин, Н.С. Павлова (отв. ред.), А.Г. Пудов, В.П. Старостин, А.О. Харабаева, Р.Д. Ушканова

Перевод с английского языка:
А.О. Харабаева

Природа и культура : материалы международной научной конференции (Якутск, 13-15 июня 2012 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.С. Павлова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. – Ч. 2. – 162 с.
ISBN 978-5-7513-1716-4

13-15 июня 2012 года в г. Якутске состоялась международная научная конференция «Природа и культура», в работе которой приняли участие представители различных наук, практические работники и педагоги, а также студенты из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Междисциплинарный характер социоприродного взаимодействия, острота экологических проблем обусловили разнообразие тематики докладов и выступлений, а также состав участников конференции.

Во вторую часть сборника включены материалы третьей и четвертой секций.

УДК 130.12(063)
ББК 87.7 (2Рос)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2012

ISBN 978-5-7513-1716-4

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 3. ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Борисов А.А., Шадрин В.И. Природные катаклизмы в Якутии: историко-этнографические свидетельства о природных аномалиях и способах адаптации народов Якутии 7
Винокурова Д.М. Миграция как коммуникативный и селективный процесс в контексте культурного ландшафта 15
Винокурова Л.И. Культурный ландшафт якутских сел: к исторической экологии XX века 17
Давыдов А.Н. Множественность культурных пространств путешествия: историко-географический эксперимент в рамках программы «Арктика – территория открытий» 18
Дмитриева А.А. Локальные особенности в изображении мира в якутском героическом эпосе (на материале олонхо вилюйской группы улусов) 20
Калуцков В.Н., Глухов А.И. Странствующие города Сибири 23
Калуцков В.Н., Латышева А.Ю. Этнические деревни России как ресурс развития этно- и экотуризма 25
Надькин В.Б. Город Якутск: между природой и культурой 26
Попова Д.В., Иванова В.Н., Гаенкова И.В., Иванов Н.Ю., Ефимов А.Б. Современные трансформации северных городов РФ с применением эстакад 34
Степанова К.А. Культурный туризм: инновационный потенциал арктических регионов 36
Тотонова Е.Е. Канадский опыт развития экологического туризма 38
Ушницкий В.В. Сакральный ландшафт Горного Алтая 40
Чарина О.И. Культурный ландшафт: традиции и современность в русском эпосе 41
Черкашина А.Г., Федотова М.А. Отражение традиций и современности в ювелирном искусстве 46

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Гайманова Е.В. Культурная география России и образ Севера в дореволюционной периодике для детей и юношества 49
Григорьев А.А. Древние каменные памятники Севера Европейской России: индикаторы географического освоения территории 57
Григорьев А.А. Знаковые феномены Европейского Севера в художественном творчестве Н.К. Рериха 59
Жерносенко И.А., Мамыев Д.И. Реализация концепции ноосферного туризма в условиях культурных ландшафтов Горного Алтая 60
Куприянова Е.С. Частотные зооморфные образы олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» 66
Милохин Д.В., Витязева Т.Ю. Традиционные этнокультурные ландшафты Севера как устойчивый ресурс развития регионального туризма (на примере детского Международного этноэкологического лагеря) 70
Паранина Г.Н., Субетто Д.А. Семиотика географического пространства и освоение Севера 73
Рудь Я.С. Культурный потенциал сельского зеленого туризма Украины в проектной идеологии 76
Ховалыг А.А. Развитие туризма в Республике Тыва 78

Секция 4. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС ИЛИ КОЭВОЛЮЦИЯ

Афанасьева Л.Н., Афанасьева Т.П. Массовая педагогика и современное общество 82
Егорова Л.И. Природа и сущностная картина мира (на материале текстов олонхо) 85
Жондоров П.Н. Природа и местное сообщество в условиях культурно-цивилизационной экспансии 87
Ильин А.А. Коэволюция природы, культуры и общества 92
Ким В.В. Национальное самосознание: состояние и проблемы его формирования у корейцев СНГ 94

Маякунов А.Э. К вопросу соотношения морали и политики
в творчестве Н.Я. Данилевского 96
Михайлов В.Д. А.Е. Кулаковский о соотношении природного
и социального в «культивизации» 98
Мыреева А.Н. Геокультурный образ мира в якутском
историко-философском романе конца XX века 102
Павлова Н.С. Север: природа и культура 107
Пирс Элеонор. Популярная культура, поэзия и боги:
изменяющееся взаимодействие ландшафта, красоты и духовности
в якутском обществе 113
Поскачина М.Н. Право и государство: культурологический подход..... 118
Пудов А. Г. Экологический коллапс в свете конфликта мировоззрений:
миф vs логос 120
Саввинов А.С. Субъект-субъектный характер взаимодействия
человека и природы 125
Сидорова Т.Е. Эволюция понятия природы в художественных стилях
Нового времени 132
Старостин В.П. Философия благоговения перед жизнью 133
Ушканов А.Ф. Опыт рефлексии над интерпретацией времени
А. Тоффлера 135
Ушканова Р.Д. К вопросу о культуре природосообразности 136

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Григоренко П.И., Гукова А.В., Яткина Е.О. Этика благоговения
перед жизнью как принцип взаимодействия с окружающей средой ... 139
Гоноцкая Н.В. Вариативность мифологизации природы
в самосознании культуры 140
Исаев А.А. Экзистенциализм о существовании человека
в созданном им мире 142
Кириленко Г.Г. Природа как метафора 143
Кирсанова О.Т. Значение природы для мышления и культуры
(концепция К. Леви-Стросса) 144
Нехамкин В.А. Географический детерминизм:
в поисках детерминант исторического процесса 146

Anastasia Nikolopoulou. UNESCO's new humanism, transdisciplinarity, and environmental studies 147
Паранина Г.Н. Информационные модели мира: приоритеты времени 149
Разин А.В. Отношение к природе как нравственная проблема 152
Рымарович В.С. Образ природы в языческой и христианской картинах мира 153
Рымарович С.Н. Природа как источник духовности русской культуры 154
Яровицкая Н.А. Культура как аутентичная «природа» человека 156

Резолюция международной междисциплинарной научной конференции «Природа и культура» 158

Секция 3.
ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

А.А. Борисов, В.И. Шадрин,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Природные катаклизмы в Якутии: историко-этнографические свидетельства о природных аномалиях и способах адаптации народов Якутии[1]

Актуальность исследования проблемы обусловлена тем фактом, что в исторической науке Якутии исследования проводились в основном вне контекста влияния климатических изменений на исторический процесс.

Закономерности развития общества выводились на основании анализа социально-экономических, идеологических, политических факторов. Исключение составляли работы Г.П. Башарина, который фиксировал факты засух, наводнений и др. природных явлений, но рассматривал их в широкой исторической ретроспективе. Ранние исследователи истории якутов, такие как Р.К. Маак, В.Л. Серошевский, Л.Г. Левенталь, напротив, придавали решающее значение природным факторам, несколько биологизируя закономерности развития примитивных обществ, к каковым они относили и общества аборигенов Якутии.

Между тем, современная тенденция развития науки в связи с актуализацией проблемы климатических изменений и их воздействия не только на животный и растительный мир, но и на жизнь человека заставляет обращать внимание на перечисленные факторы.

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-98504 «Природные катаклизмы XVII-XIX вв. в Якутии (по данным дендрохронологии и исторических источников)».

За последние десятилетия в зарубежной и российской науке накоплен опыт проведения исторического мониторинга климатических изменений в Сибири методами дендрохронологии (Е.А. Ваганов, М.М. Наурзбаев, М.К. Хьюс, Шайдуров и др.).

Изучение 250-летней синхронии аномальных явлений в Сибири позволяет сделать вывод о краткосрочности тенденций повышения температуры и обратимости этих процессов в скором будущем (К.Г. Леви, С.А. Язев, Н.В. Задонина).

Проведенные в институтах СО РАН исследования средневековых китайских и корейских хроник с точки зрения фиксации в них упоминаний природных катастроф в Восточной и Центральной Азии позволили выявить цикличность последних и установить причинно-следственные связи между природными и космическими аномалиями.

Школой Е.А. Ваганова в результате мониторинга лесов Северной Евразии, по данным древесно-кольцевой хронологии на Таймыре и наблюдениям температуры в Южной Сибири предпринята попытка проследить влияние климатических изменений на природные и социальные процессы в Сибири XVII – сер. XIX вв.

Создается геоинформационная система по различным периодам истории климата Сибири (В.В. Шайдуров). Хотя по Якутии проводились поиск и выявление исторических свидетельств о колебаниях климата и природных катастрофах, но они носили спорадический характер и допускались некоторые неточности. Специализированный мониторинг с применением современных методик восполнил бы эти недостатки.

Ученые ИБПК СО РАН, Института мерзлотоведения СО РАН, СВФУ им. М.К. Аммосова разработали методику и успешно применяют ее в решении различных проблем, хронологически охватывающих в основном конец XIX - XX вв.

Напомним, что в масштабе Сибири, преимущественно западной и южной частей, за последние годы проведены мониторинг и выявление таких важных явлений, как засухи, наводнения, эпидемии и эпизоотии [1].

Целью настоящего исследования является проведение исторического мониторинга по выявлению и уточнению периодов, во время которых происходили природные аномалии. Это предполагается осуществить методами дендрохронологии, картографии и других естес-

твеннонаучных приемов, путем выявления фактов упоминания в исторических источниках и фольклоре стихийных бедствий, постигших названные народы.

Известно, что у бесписьменных народов наиболее значительные исторические события и контакты находят отражение в фольклоре. В фольклоре народов Севера особое положение занимают легенды и исторические предания, основанные и повествующие о реальных событиях, происходивших в прошлом.

Сведения, отраженные в сказаниях и мифах, имеют не менее ценную историческую суть и информативность. В них отражено многое из того, что происходило в реальной жизни на протяжении длительного исторического времени, но по своим законам, в соответствии с жанровыми особенностями. В эпосе северных народов редко встречаются конкретные исторические факты, но присутствуют крупные исторические явления, сопровождавшие этнос на протяжении длительного исторического пути его развития.

В начале XIX в. юкагиры бассейнов Яны, Индигирки и Колымы испытывают настоящие бедствия, связанные с изменениями в окружающей среде: повсеместно появляются сообщения о недоходе рыбы, массовом падеже оленей, изменении маршрутов миграций диких оленей. Это приводит к первым голодовкам, ставшими регулярными в течение всего XIX в.

В фольклорных текстах часто упоминается о голоде, страшных его последствиях. Так, в легендах часто рассказывается о родах, в результате голода или исчезнувших, или присоединившихся к родственным соседям. Встречаются упоминания о фактах каннибализма. Соотнося эти тексты с историческими данными, можно их датировать временем не ранее XIX в.

Есть документы, посвященные одному из первых голодовок, произошедших среди юкагиров в 1810 году. Сохранилось обращение князцов верхнеколымских юкагиров Николая Трифонова (Нартенный род) и Михаила Никифорова (Ушканский род), в котором они просят о «вспоможении» по случаю голодовки, начавшейся после «чрезвычайного наводнения на Колыме и впадающих в нее реках…». Ситуация усугубилась резким сокращением миграций дикарей (зверей) и исчезновением лосей. Данная ситуация повторилась в верховьях Колымы

и в последующие два года. Еще более худшая ситуация сложилась в низовьях Колымы: с 1812 по 1820 г. ежегодно повторялись голодовки из-за отсутствия зверя (дикарей). В довершение всего в 1821-1822 гг. исчезла рыба, ситуация повторилась в 1850-1854 гг.

В одной из легенд говорится о наказании Хойлом (богом) юкагиров за промысел оленя-вожака, на котором сидел педьул – дух-охранитель. Из-за этого дикие олени ушли и много лет не возвращались на эти места, пока это племя не исчезло с голоду. Подобные легенды есть у оленекских эвенков, березовских и аллаиховских эвенов, где такому же наказанию подвергаются роды за добычу стельных важенок или маленьких оленят. В ряде легенд виновниками исчезновения оленей или лосей становятся женщины, пожалевшие их.

Если обратиться к данным исторических источников, отчетливо видно, что на протяжении XVII-XIX вв. происходили климатические катаклизмы (засухи, аномальные похолодания, наводнения и т.д.), серьезно повлиявшие на исторические процессы в Якутии.

Таблица 1

Аномальные природные события в Якутии XVII-XIX вв. [2]

Год	Событие	Последствия
1633-1642[2]	**Наводнения на р. Лене**	**Затопление Ленского острога. Перенесение его на новое место**
1672	**Наводнение на р. Лене**	**Затопление Якутского (Ленского) острога. Перенесение его на новое место**
1683	Лесные пожары	Указы воевод о запрещении вырубки леса и пускании палов
1687	Лесные пожары	Указы воевод о запрещении вырубки леса и пускании палов
1688	Выпадение большого снега на рр. Лене, Алдане, Мае, Яне, Вилюе	Помеха соболиному промыслу
1690	Лесные пожары	Указы воевод о запрещении вырубки леса и пускании палов

[2] Жирным выделены стихийные бедствия, связанные с наводнениями.

1700, 1701	Засуха (?)	Большой пожар в г. Якутске
1788-1789		Неурожай трав на р. Вилюй. Падеж скота
1806-1807	**Наводнение на р. Лене**	**Помощь правительства**
1813	Заразные болезни и плохая погода	Падеж скота в Батурусском улусе
1814		Сильный голод среди ламутов Эльгетского улуса
1821		Голод среди якутов Эльгетского улуса вследствие неулова рыбы и плохого промысла зверей
1822-1823	Засуха (?)	Неурожай трав среди якутов Якутского округа
1836		Голод среди якутов Мегинского улуса. Помощь правительства
1842-1843	Ранняя зима и поздняя весна. Засуха. Кобылка	Повсеместный неурожай трав
1843	**Наводнение из-за позднего вскрытия р. Лены (7 июня)**	**Затопление г. Якутска**
1844-1845		Массовый голод среди юкагиров Колымы
1848	**Наводнение на р. Лене (превышение уровня воды на 13 м. зимнего уровня)**	**Затопление г. Якутска**
1850		Голод среди населения Нижней Колымы
1866	**Наводнение на р. Колыме**	**Затопление г. Среднеколымска**
1869	**Наводнение на р. Лене**	**Пострадали жители Олекминского округа**
1883	**Наводнение на р. Колыме**	**Затопление г. Среднеколымска**
1885	Холодная зима. Засуха	Самая низкая температура -67,8 ºС в Верхоянье
1887	**Наводнение на реках Якутии. Продолжительная зима**	**Неурожай трав, падеж скота**
1897	Холодная температура в июне. Засуха	Снижение урожайности хлебов в Якутском и Вилюйском округах

Если сопоставить данные свидетельства с материалами по Сибири и Монголии, то нетрудно заметить определенные закономерности.

Таблица 2

Природные аномалии в Сибири и Монголии XVII-XIX вв. (по Леви К.Г., Язеву С.А., Задониной Н.В.) [3]

Засухи	Дзут (сут дьыл)	Наводнения
1632-1637[3]	**1637-1640**	**1635**
	1664	
		1667
	1685-1688	
1690-1697	1696-1703	
1719-1735		
1746-1761	1746-1761	1752-1756
1782-1804	**1782-1786**	
	1794-1801	
1815-1821	1819	
	1826	
1827		
	1834	
1837-1842	**1839-1842**	
1850-1853		1853
1861-1874		1865-1871
	1854	
1883-1890	**1868-1885**	**1887**
		1896

Засушливые годы в лесо-степных и степных регионах Сибири и Монголии: 1632-1637, 1690-1697, 1719-1735, 1746-1761, 1782-1804, 1815-1821, 1827, 1837-1842, 1850-1853, 1861-1874, 1883-1890 гг.

Зимние бескормицы домашнего скота – дзуд наблюдались в 1637-1640, 1664, 1685-1688, 1696-1703, 1746-1761, 1782-1786, 1794-1801, 1819, 1826, 1834, 1839-1842, 1854, 1868-1885 гг.

[3] Жирным выделены периоды, общие и для Якутии.

Максимальное число наводнений на реках Сибири фиксировались в: 1635, 1667, 1752-1756, 1853, 1865-1871, 1887, 1896 гг.

Обратим, например, внимание на факты затопления Ленского (Якутского) острога в первые годы его существования. Приходилось почти каждый год переносить его с места на место. Как считают специалисты, за десять лет острог менял свое местоположение четыре раза.

В результате предварительных наблюдений можно провести следующие причинно-следственные связи между историческими фактами и изменениями климата.

Таблица 3

Хронология важнейших исторических событий в Якутии XVII-XIX вв.

Периоды	Исторические события и тенденции
Середина XVII в.	Миграция якутов на окраины
2-я пол. XVII в.	Сокращение популяции соболя в Центральной Якутии. Проблемы с уплатой ясака. Три эпидемии оспы. Начало вымирания юкагиров
Начало XVIII в.	Интенсивные миграции якутов и северных народов
XVIII в.	Интенсивный прирост якутского населения
Конец XVIII в.	Нехватка земельных угодий у якутов («План о якутах» А. Аржакова)
Начало XIX в.	Изменение маршрутов миграции диких оленей. Вымирание юкагиров бассейнов рр. Яны, Индигирки, Анюя, Омолона. Расселение якутов на северо-запад Якутии, а эвенов в Нижнеколымской тундре, северном Приохотье и Камчатке
2-я четв. XIX в.	Социальная напряженность в якутском обществе. Бунтарство. Высокие темпы прироста якутов (до 12,3% в год). Политическая активность (образование Якутской Степной думы)
Середина XIX в.	Изменение соотношения конного и крупного рогатого скота у якутов, соответственно 40% к 60%
2-я пол. XIX в.	Замедление темпов демографического прироста у якутов (до 3% в год). Увеличение эпидемий. Приобщение якутов и эвенков к земледелию
Конец XIX в.	Исчезновение ездового собаководства. Переход тундренных юкагиров на оленеводство и кочевой образ жизни

Данные процессы в результате привели к изменению этнической карты расселения на севере Якутии: вымерли многие юкагирские роды на Яне, Индигирке, Анюе и Омолоне, на освободившиеся земли заселились якутские и эвенские роды. Усилились миграционные процессы: юкагирские роды стали селиться вблизи русских поселений, подвергаясь все большей ассимиляции, эвенские племена в поисках более обильных угодий и новых пастбищ распространились в Нижнеколымской тундре, северном Приохотье и Камчатке, якутские роды Вилюйской зоны переселилась в Ессейскую волость и освоили северо-запад Якутии.

Серьезные изменения произошли и в хозяйственной деятельности: к началу XX в. практически полностью исчезает ездовое собаководство, требовавшее большое количество рыбы, тундренные юкагиры постепенно переходят на оленеводство, как более стабильный тип хозяйства, перейдя на кочевой образ жизни.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Выявлены источники, позволяющие судить о крупных событиях истории климатических изменений XVII-XIX вв.

Периоды катастрофичных наводнений в основном коррелируют с данными по всей Сибири, но особенно серьезными являются периоды середины XVII в. и второй половины XIX в.

Засушливым стал период конца XVIII – середины XIX вв. Он же характеризовался зимними бескормицами домашнего скота.

Все эти обстоятельства прямым образом сказались на некоторых исторических событиях изучаемого времени. Их необходимо учитывать при оценке социальных, экономических, политических процессов.

Необходимо рассмотреть вопросы, связанные с борьбой с последствиями климатических изменений. Это бесценный опыт наших предков.

Предстоит соотнести результаты исторических исследований с данными, полученными при помощи методов естественных наук.

Литература

1. Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. – Красноярск, 2010.

2. По данным архивных фондов РГИА и НА РС (Я), а также см.: Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. / сост. Калашников А.А. Якутск, 2000; Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1632-1914 гг.). I том (1632-1800 гг.). – Якутск, 2002.

3. Леви К.Г., Язев С.А., Задонина Н.В. Глобальные природно-климатические изменения в истории Земли – исторический мониторинг природных аномалий в Сибири и возможности их прогноза // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. – Иркутск, 2004. – С. 43-44.

Д.М. Винокурова,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Миграция как коммуникативный и селективный процесс в контексте культурного ландшафта

Исследование проведено в рамках Приоритетного направления 9.6. Программы 9.6.1. Сибирского отделения РАН на тему: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» (2010-2012). Объектом изучения являются различия внешней и внутренней коммуникативной среды мигрантского и местного сообществ.

В контексте современных представлений об обществе миграция предстает как автономная социальная функция, имеющая свой масштаб и каналы взаимодействия с другими функциональными системами, которая, в свою очередь, имея коммуникативные структуры, «вызывает» территориальную мобильность. Из операционной закрытости вытекает зависимость миграции от самоорганизации: формирования социальных сетей и других форм связей. Выделение миграции как одной из функциональных коммуникативных подсистем общества

исходит из ее эксклюзивной ориентированности на одну функцию: обеспечение территориального распределения населения в любое время, изменяя сложившиеся модели расселения, смешивая/разъединяя культуры, языки и т.п. Она компенсирует свою малую комплексность в современном обществе через повсеместное распространение краткосрочной миграции.

Собственные коммуникативные структуры миграции могут выстраиваться и изменяться благодаря своим же операциям, т.е. смене постоянного места жительства. Согласно Н. Луману, все операции (коммуникации) выполняют двойную функцию: с одной стороны, устанавливают историческое состояние системы, из которого она должна исходить в своих следующих операциях. С другой стороны, они образуют структуры в виде схем отбора, которые позволяют вновь распознавать и повторять данные операции во все новых ситуациях, а значит обобщать их. По Н. Луману, смысловые структуры коммуникации устроены так, что они образуют горизонты ожидания, которые считаются с избыточностями, т.е. с повторениями одного и того же в других ситуациях.

В данном случае, повторяющийся выбор смены постоянного места жительства в разнообразных ситуациях придает логическую связанность коммуникации (операциям), а многократное обращение к нему делает поступки зависимыми. Другими словами, «с помощью» миграции осуществляется реакция (коммуникация) на возрастающее разнообразие экономических, экологических, политических, правовых, образовательных, семейных и других отношений, которые открываются современному индивиду.

Л.И. Винокурова,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Культурный ландшафт якутских сел: к исторической экологии XX века

По данным переписи 2002 г., 65,3% якутов проживает на селе (74,3% в 1989 г.). Остаются в сельской среде обитания и другие коренные народы Якутии: 80,4% долган, 70,4% чукчей, 66% эвенков, 63,7% юкагиров, 59,4% эвенов. Поэтому изменения в сельском культурном ландшафте, состояние сельской экологии – важный фактор жизнедеятельности коренного населения республики. В докладе рассматриваются социальные вопросы исторической экологии якутских сел: трансформации в системе расселения и организации хозяйствования, природные и антропогенные векторы развития сельского культурного ландшафта. Источниками служат архивные и полевые материалы, собранные в улусах республики в 1990-2000-е гг.

Сельские районы Якутии расположены в зоне вечной мерзлоты, что обуславливает рискованность ведения хозяйства. Северная природа чувствительна к внешнему воздействию, включая случайные негативные факторы. Эти обстоятельства ограничивают численность проживающих в рамках локальных систем, лимитируют степень воздействия на экосистемы. Именно традиционная система взаимоотношений человека с окружающей средой диктовала специфику рассеянного расселения, разрушенного в ходе так называемого поселкования. Во второй половине XX в. возросли антропогенные нагрузки на почву, окружающих, природные ресурсы. Аграрные реформы 1960-1970 гг. сопровождались концентрацией производства, кампанией по укрупнению хозяйственных поселений. Все это спровоцировало истощение водоемов и почвы, деградацию флоры и фауны локальных экосистем. В целом, культурный ландшафт якутских сел отразил тот длительный стресс, который пережила эко-экономическая система сельской Якутии.

Литература

1. Винокурова Л.И. Культурный ландшафт приарктического Севера Якутии (к постановке проблемы) // Север Азии в этнокультурных исследованиях: матер. Межд. науч.-практ. конф. «Йохельсоновские чтения» (Якутск, 15-16 августа 2005 г.). – Новосибирск: Наука, 2007. – С. 182-188.

2. Винокурова Л.И. Север меняющийся и устойчивый: традиционные занятия коренных народов Якутии // «Aus Sibirien-2009»: научно-информационный сборник. – Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2009. – С. 32-34.

3. Григорьев С.А. Общественные организации коренных народов Якутии и экологическое движение // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 162-170.

4. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. – Новосибирск: Наука, 2007.

А.Н. Давыдов,
Институт экологических проблем Севера
Архангельского научного центра УрО РАН (г. Архангельск)

Множественность культурных пространств путешествия: историко-географический эксперимент в рамках программы «Арктика – территория открытий»

«Арктика – территория открытий» – проект межрегионального сотрудничества арктических регионов России в 2011-2013 гг., организуемый и финансируемый Правительством Чукотского автономного округа. В рамках этого проекта со 2 июня по 3 июля 2011 г. проходила историко-культурная экспедиция «Поморское кольцо» по маршруту: Петрозаводск – о. Кижи – Вытегра – Белозерск – Кириллов – о. Каменный – Тотьма – Великий Устюг – Красноборск – Холмогоры – Архангельск – Соловецкие острова – Беломорско-Балтийский канал – Петрозаводск. Экспедиция прошла на кочах (поморских судах) «Св. Ни-

колай» и «Апостол Андрей». Задачами экспедиции были мониторинг памятников истории и культуры Поморья, эксперимент исторической навигации, сбор материалов по морской/речной культуре и освоению Севера. Экспедиция проходила как первый этап историко-географического эксперимента реконструкции плаваний русских первопроходцев по рекам России и морям Арктики (научный руководитель эксперимента д.и.н., профессор П.В. Боярский, начальник экспедиции Т.А. Рогожин). Организаторы экспедиции: туристическая компания «RussiaDiscovery», Морская арктическая комплексная экспедиция НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (МАКЭ), ООО «Петровские верфи» и клуб «Полярный Одиссей». Второй этап историко-географического эксперимента пройдет в 2012 г. по реке Лене в июне-июле от Усть-Кута до Якутска и в июле-августе от Якутска до Тикси. В навигацию 2013 г. кочи пойдут в арктическое каботажное плавание по маршруту Тикси – Анадырь.

Автор доклада, являющийся участником историко-географического эксперимента, обсуждает категорию множественности культурных пространств путешествия. Пространство – 1 (судно как дом, контаминация символов микрокосма и макрокосма). Замкнутое внутреннее пространство судна, в котором проходит повседневная жизнь, размеренная на вахты. Это пространство имеет семиотически обусловленные места, пребывание в которых подчинено общему уложению, уставу, по которому живет экипаж судна. Пространство – 2 (ландшафт движения). Замкнутому пространству судна противостоит ландшафт, раскрывающийся за бортом, постоянно изменяющиеся берега реки, виды которых отражают другой пространственно-временной континуум, в котором глаз путешественника подмечает лишь случайные моменты, поскольку появление самого судна в природно-культурном ландшафте реки носит окказиональный характер. Эти два пространства психологически не объединяются в одно целое даже во время стоянки судна у берега. Вместе с тем, Пространство-2 (ландшафт движения) преобразуется в Пространство-3 (причал, гавань, порт), пространственно-временной континуум, воспринимающийся как пространство праздника, противостоящего повседневной жизни, протекающей в пространстве судна.

Литература

1. Давыдов А.Н. Старая Соломбала – семантика урбоскансена морской культуры в структуре портового города // Семиотика культуры. – Архангельск, 1989. – С. 87-93.

2. Давыдов А.Н., Теребихин Н.М. Порт и корабль: семантика северно-русской морской культуры // Механизмы культуры. – М.: Наука, 1990. – С. 174-190.

А.А. Дмитриева,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Локальные особенности в изображении мира в якутском героическом эпосе (на материале олонхо вилюйской группы улусов)

Якутский героический эпос является одним из выдающихся памятников эпического наследия народов тюрко-монгольского мира. Он возник в глубокой древности, и по стадиальной типологии исследователи его относят к наиболее ранним типам тюрко-монгольского эпоса. Олонхо состоит из множества героических сказаний о подвигах древних богатырей, средний размер которых достигает 10-20 тысяч стихотворных строк, а наиболее крупных – до 50 тысяч. По письменным и архивным источникам выявлено свыше 700 олонхосутов (XVII-XXI вв.) прошлого и настоящего, что свидетельствует о подлинном расцвете этой устной традиции в прошлом. В архивах республики и у частных лиц хранится 127 полных версий олонхо, более 100 отрывков и кратких изложений сюжетов, около 300 кассет аудио-, видеозаписей, собранных учеными разных поколений и энтузиастами на местах.

На огромной территории расселения якутов в прошлом существовали отдельные очаги сказительских традиций. Рассматриваемая зона находится в бассейне реки Вилюй и состоит из четырех улусов: Вилюйского, Верхневилюйского, Нюрбинского и Сунтарского. Большин-

ство историков считает, что освоение Вилюйского бассейна якутами произошло после прихода русских (XVII в.). Географическое положение вилюйской группы улусов, удаленность от центра, сохранность традиционной культуры, неоднородность происхождения вилюйских якутов – все это определило особенности самого материала исследования.

Известно, что в якутском героическом эпосе Вселенная состоит из Верхнего мира, населенного богами айыы и частично племенем абаасы (чудовищ), Среднего мира, где живет племя людей – айыы аймага, и Нижнего мира, где обитают только абаасы [1; 2; 3]. Эти три мира связывает священное дерево Аал Луук Мас (Аар Кудук Мас, Аар Кудук Хатынг), которое источает живительную влагу илгэ, придающую отведавшим ее бодрость и новые силы.

По материалам олонхо, «разгорелась длительная война между племенами Улуу Тойона, Юрюнг Айыы и главой злых духов Нижнего мира Арсан Дуолайа». Никто не мог победить. В результате был заключен договор о прекращении войны и разделе Вселенной на три мира [2, с. 30]. А в другом случае создателем Вселенной считается Юрюнг Аар Тойон, который сотворил землю, воздух и человека, ниспослал плодородие. По другим версиям, «Вселенная состояла из неба, простиравшегося над камнем, в отверстии которого кипела вода. Затем летавшая над водой гагара нырнула в воду и вытащила в клюве несколько песчинок земли. Из этих песчинок она сотворила землю». Следы этих деяний остались в виде рек, озер и гор. Дальше говорится о том, что Юрюнг Аар Тойон сотворил человека. Как пишет А.И. Гоголев, «мир, который создала триада богов, состоял сначала из неба, которое было, как маленькое кольцо, и земли, которая была похожа на четырехугольный коврик-тэллэх» [2, с. 8].

Л.И. Новгородова, исследовавшая тему творения в традиционной культуре якутов, считала, что меховой коврик тэллэх, атрибут праздника ысыах, выступал символической метафорой Земли, основной координатой разворачивания мира [4, с. 16-17]. Так, олонхо вилюйского сказителя В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» начинается с краткого описания эпического времени. Далее следует описание сотворения Вселенной [5]. Согласно этому олонхо, изначальная Мать-Земля

вначале была размером с пятку серой белки и уха двухгодовалой важенки. Затем она постепенно расширялась, увеличивалась. Это показывает, что, по мифологическим представлениям, мир начинается с маленькой точки, и эта точка постепенно разворачивается, увеличивается, расширяется, в конечном счете, образуется Вселенная.

Нужно подчеркнуть, что в вилюйской эпической традиции сохранился архаический мотив о сотворении мира. Согласно этому представлению, мир начинается с маленькой точки, в данном случае с коврика, пятки белки, уха двухгодовалой важенки, затем он постепенно увеличивается, расширяется, обретает мощь, появляются моря, горы. Мотив творения мира всегда находится в начале олонхо.

Из 40 рассмотренных олонхо, мотив творения Вселенной встречается в 20 олонхо: в трех вариантах «Могучего Эр Соготоха», в двух вариантах «Эрбэхтэй Бэргэна», «Дьирибинэ Боотур» В.О. Каратаева, «Могучий Эр Соготох», «Адьык Боотур» А.С. Васильева, «Богатырь Тонг Саар», «Сююлэлдьин Боотур» С.Н. Каратаева-Дыгыйар, «Богатырь Тёбёт Мэник» С. Еремеева-Дэдэгэс, «Богатырь Дылырдаайы» И.П. Кутурукова, «Богатырь Ого (Ребенок)» Д.С. Семенова, «Кулдус Бёгё» И.М. Харитонова, «Бэриэт Мэргэн» С.Г. Егорова, «Богатырь Уол Туйгун» Г.С. Семенова, «Ого Тулаайах» («Ребенок-сирота»), «Сын кряквы Кюн Нюргун» А.П. Амбросьева, «Эрбэхтэй Бэргэн» Б. Алексеева, «Богатырь Кёр Буурай» Н.С. Александрова. На наш взгляд, этот мотив получил развитие благодаря тому, что мифологические представления, традиционное верование в силу различных причин в большей степени сохранились на Вилюе, чем в Центральной Якутии.

Встречаются также названия местных топонимов. Так, в олонхо нюрбинского сказителя Г.В. Дуякова «Богатырка Кыыс Джурая» упоминается озеро Жирный Вилюй (в реальности – это название реки Вилюй).

Одним из характерных образов эпического сказания данного региона является священная береза Аар Кудук Хатынг (в центральном, северном округах – священное дерево Аал Луук Мас). Образ Священной Изобильной Березы в большинстве случаев не описывается, а лишь упоминается или играет более активную роль, в то время как в прологе олонхо центральных районов обязательно описывается каждая деталь

дерева. Мы думаем, что этот образ возник позже под влиянием традиционного якутского верования.

Олонхо как жанр фольклора отличается высокой степенью канонизации. Выявить в нем локальные особенности сложно. Тем не менее, в вилюйских олонхо в изображении эпического мира встречаются некоторые свойственные только в нем описания.

Литература

1. Габышева Л.Л. Космологические схемы в текстах олонхо // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: тез. докл. междунар. науч. конф. (Якутск, 7-8 сентября 2000 г.). – Якутск, 2000. – С. 21.

2. Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2002. – 104 с.

3. Короглы Х.Г. Художественные каноны и видоизменение эпоса // Фольклор: Проблемы историзма / отв. ред. д.ф.н. В.М. Гацак. – М.: Наука, 1988. – С. 102-126.

4. Новгородова Л.И. Тема творения в традиционной культуре якутов (семантика фольклорного и ритуального текста): автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Якутск, 2000. – 24 с.

5. Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох. – Новосибирск: Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. – 440 с.

В.Н. Калуцков, А.И. Глухов,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)

Странствующие города Сибири

Феномен странствующего селения был открыт нами в 1990-е гг. в результате применения культурно-ландшафтного подхода при исследовании севернорусских деревень, перемещавшихся с места на место под влиянием требований хозяйства и в результате действия природных факторов, половодий и ледоходов [Калуцков, 1998]. Позже при

работах на Куршской косе выявлены постоянно мигрирующие селения под влиянием наступления песчаных дюн [Калуцков, 2008, 2008].

Под странствующим городом понимается такой город, который в течение своей истории хотя бы раз сменил местоположение. В России таких городов насчитывается около 70-ти.

Среди основных двух групп причин переездов примерно две трети случаев приходится на управленческие решения, и только треть связана с катастрофами разного характера. Это свидетельствует о значительной роли государства в решении судеб российского города.

Сибирские города отличаются максимальной дальностью переезда среди городов России. Первенство по данному показателю принадлежит трем городам – Туруханску, который за два переезда сместился на 275 (!) километров от первичного местоположения, Оренбургу, который также за 2 раза переместился на 251 км и Ачинску, «уехавшему» на 155 км. К «городам-дальнобойщикам» также относятся: Братск, Верхоянск, Вилюйск, Якутск [Глухов, Калуцков, 2011].

Странствующие города обладают значительными ресурсами географического воображения. Для их устойчивого развития актуальна разработка темы городища, что связано с необходимостью формирования муниципального сознания, воспитанием городской идентичности, поддержанием местных культурных традиций.

Литература

1. Глухов А.И., Калуцков В.Н. Странствующие города России // Изв. РГО. – 2011. – Т. 143. – Вып. 5.

2. Калуцков В.Н. Феномен «странствующего» селения и его ландшафтная индикация // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. – М.: Изд-во ФБМК, 1998.

3. Калуцков В.Н. Культурно-ландшафтный подход к вопросам культурного наследия в деятельности национальных парков (на примере НП «Куршская коса») // Экспедиционные исследования: состояние и перспективы. Первые международные научные чтения памяти Н.М. Пржевальского: материалы конференции. – Смоленск, 2008.

4. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008.

В.Н. Калуцков, А.Ю. Латышева,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Этнические деревни России как ресурс развития этно- и экотуризма

Этническая деревня – быстро развивающееся явление в культурном и туристическом пространстве России: в России их насчитывается около пятидесяти, а проектируется свыше двадцати этнодеревень. Этнодеревня может рассматриваться и в качестве архитектурного этнического (регионального) наследия, и как перспективный объект для развития этнического туризма (Калуцков, Латышева, 2010). Такой ландшафт выступает в качестве модели, имитации, а иногда и образной стилизации традиционного этнического (регионального) ландшафта со всеми составляющими его связующими компонентами – традиционной планировкой, архитектурой, приусадебным хозяйством, промысловыми сооружениями, культовыми объектами (Калуцков, 2008).

Требования сферы туризма, национальная политика и процессы развития региональной и местной идентичности – основные факторы расширения сети этнодеревень в России, которую можно рассматривать как инфраструктуру развития этнокультурного и экологического туризма (Бутузов, 2009).

В России создание этнодеревень началось с музеев деревянного зодчества, которые были ориентированы на сохранение уникальных и типичных для данного региона деревенских построек (наиболее яркие примеры – Малые Карелы и Кижи). В постсоветской России схожие с ними новые региональные этнодеревени сразу создаются как туристические (и досуговые) объекты. Локальные этнодеревни имитируют ландшафты локальных культурных групп и имеют ярко выраженный эколого-культурный и просветительский характер. Мировые (глобальные) этнодеревни, развивающиеся в районах массового туризма, представляют собой развлекательный турпродукт с элементами этничности («Этномир» в Подмосковье, «Трам» в Краснодарском крае).

Таким образом, этнодеревня представляет собой **новый тип культурного ландшафта – имитационный культурный ландшафт,**

возникновение и развитие которого связано с глобальными процессами – сохранения элементов традиционной этнической культуры, с одной стороны, и развитие этнического туризма, с другой.

Литература

1. Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм в России: состояние, проблемы и перспективы развития (региональный аспект): труды IV Международной научно-практической конференции «Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования» / под общ. ред. В.И. Кружалина (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, 28-29 апреля 2009 г.). – М.: Диалог культур, 2009.

2. Калуцков В.Н. Латышева А.Ю. Этническая деревня – новый тип культурного ландшафта // В сборнике: Теория и практика планирования культурного ландшафта: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, нояб. 2010 г.) / редкол.: А.А. Ямашкин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010.

3. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008.

4. Реестр инвестиционных проектов туристских комплексов и инвестиционных площадок, 2008.

5. Реестр объектов сельского туризма Российской Федерации, 2008.

В.Б. Надькин,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Город Якутск: между природой и культурой

Тема города Якутска, как особого места, организующего Якутию в единое геосоциопространство, в условиях современного исторического перехода приобретает особую остроту в связи с той особой, интегрирующей ролью, которую ГОРОД вообще играл на протяжении всей истории цивилизации и играет в настоящее время. Раскрытие особенностей современной ситуации и тенденций развития общества

во многом определяется нашим пониманием места и роли города в тех сложных и значимых, имеющих преобразовательный характер процессах, которые осуществляются в наши дни.

Согласно современным социологическим представлениям, города, с точки зрения системного подхода, представляют из себя целостную социальную систему, обладающую всеми характеристиками социума. Город характеризуется такими качествами, как относительная обособленность, целостность, комплексность, структурированность, подчиненность единой цели, связь с внешней средой и непрерывность.

Рассматривая город как среду жизнедеятельности больших и малых групп населения, Шмельков А.В. выделяет следующие его подсистемы: физико-географическую, экономическую, экологическую, политико-административную, этническую, социокультурную, правовую и политическую [1].

Город Якутск начинался как опорный пункт Московского царства на новых для России местах Якольской землицы [2]. С 1638 г. бывший Ленский острог получает новое функциональное обозначение – административный центр Якутского уезда, Якутии.

В течение XVII в. город меняет своё местоположение – 4 (!) раза. Известный российский ученый В.Н. Калуцков ввел в научный оборот понятие «странствующие города Сибири» [3]. По подсчетам Калуцкова В.Н. и Глухова А.И., подобных городов в России насчитывается около 70-ти [4]. Среди основных двух групп причин переездов примерно две трети случаев приходится на управленческие решения, и только треть связана с катастрофами разного характера. Это свидетельствует о значительной роли государства в решении судеб российского города [5].

Якутск, типичный странствующий, менявший своё местоположение по обеим причинам, указанным Калуцковым и Глуховым, в 1643 г. получил место постоянной прописки – находившуюся на левом берегу р. Лены, в её пойме, долину Туймада (Туймаада – на як.).

По выражению московских ученых, «странствующие города обладают значительными ресурсами географического воображения» [6]. История места, где прочно обосновался Якутск, очень длинна [7]. Долина Туймады заселена человеком ещё в палеолите. Таким образом,

город Якутск обосновался на территории богатой как природными биоресурсами, так и историей освоения.

Сегодня Якутск – это современный город с почти 300-тысячным населением, в котором проживают представители 120 национальностей [8]. Якутск как город – это историко-культурный феномен. Суть этого феномена состоит в том, что, несмотря на историю почти в четыре века – главный город Якутии имеет нелегитимный ментальный статус у жителей Якутии. Якутск по-прежнему разрывается между ПРИРОДОЙ, его отторгающей, и КУЛЬТУРОЙ, которая его «навязывает».

Так, например, одним из стержневых элементов культурного ландшафта Якутска являются озёра-старицы, коих на территории округа Якутска – 175 [9].

Озера Якутска различны: наиболее крупными являются Сайсары (площадь 0,6 кв. км, глубина – 5 м) и Белое (0,8 кв. км, глубина – 7 м) [10].

Озера являются фактором, влияющим на инфраструктуру, климат и микроклимат Якутска. Многие микрорайоны города носят неофициальные названия в их честь (Сайсары, Сергелях, Белое озеро, Хатынг-Юрях).

Но «озера Якутска одновременно благословение и проклятие нашего города. Еще в старину долину Туймада во многом из-за озер, на берегах которых прекрасно нагуливали жир тучные коровы и лошади, облюбовали знатные и богатые якутские князья. Те же озера – прекрасные природные инкубаторы для целых туч комаров и мошек, с удовольствием истязающих все живое.

Впрочем, некоторые озера сегодня больше похожи на гнилые болота, из которых торчат ржавые остовы автомобилей» [11]. Проблемой городских озёр занимались последовательно, как минимум, три последних администраций города, начиная с 1997 г. Однако она не решена до сих пор.

Результат: природа «мстит» городской среде тем, что её территория постепенно заболачивается. Справедливости ради стоит отметить, что основной причиной заболачивания является небрежное обращение с мерзлотой.

С одной стороны, якутяне нашли прекрасный способ строительства домов в условиях вечной мерзлоты – установка современных

многоэтажек на 9-метровых сваях. С другой стороны, небрежное, «некультурное» обслуживание жилого фонда и толерантное отношение горожан к прорывам и разливам канализационных и водопроводных вод – приводит к разрушению верхних слоёв мерзлоты и к заболачиванию, засолению почвы.

На наш взгляд, главной причиной техногенных и антропогенных негативных воздействий на среду обитания горожан является отсутствие городского сообщества (community), главным критерием бытования которого является наличие особой городской идентичности.

Современный якутский поэт Софрон Осипов, состоявшийся именно в городе, однажды высказался:

Зимняя лень. И дремота.
Лежбище в скопище тьмы.
Выкликни, коли охота,
мамонтов из мерзлоты.

Это же надо – со всеми
мифами адовых мест
всей кровеносной системой
вжиться в ледовый контекст.

Мифы «адовых мест» – это история города, не могущего определиться со своим местом и статусом. Якутск – это и форпост колонизации (XVII - XVIII вв.), и место политической ссылки (XVIII - XX вв.), и центр православной миссии (XIX - начало XX вв.), и центр становления якутской интеллигенции (XIX - XX вв.), и центр ЯАССР (1922-1990), и форпост инновационного развития Северо-Востока Российской Федерации в XXI в.

История может быть рассказана в разных формах. История города в том числе. В сложных, нелинейных, противоречивых формах. С точки зрения того, что в любом реальном городе за административной оболочкой, сколь угодно претендующей на всеохватность, всегда существовало множество субъектов, и у них были свои истории, вписанные в одну и ту же самую городскую историю.

В постсоветской урбанистике происходит культурологическое переосмысление представлений о городе, как только о социально-

экономической системе. Возникло целое направление – «культурологическое городоведение», которое существенно повлияло на представления о возможных теоретических основаниях модели, в том числе северного города. Известны исследования таких авторов, как В.Л. Глазычев, В.Л. Каганский, В.Н. Калуцков, С.А. Королев. Здесь выделяются труды В.Л. Глазычева. В них отраслевой термин «городская среда» представал в качестве философского понятия и понятия теории культуры. Было заявлено о полноправном статусе научного понятия «Место» как одного из важнейших для современных культурологических исследований. Одновременно в работах В.Л. Глазычева с 1991 г. стало использоваться и другое понятие – «Дух Места» [12]. Так, например, В.Л. Глазычев в своей книге «Урбанистика» определяет город как «пространство возможностей». Однако все это не меняет функций, выполняемых городом.

В 90-е годы XX века был уточнен семиотический подход к изучению города, предложенный в 1993 г. томскими философами. К рубежу XX–XXI вв. философское метафизическое осмысление феномена Места применительно к отдельным городам распространилось достаточно широко.

Символическое пространство города выступает в виде своего рода копилки его культурно-символической идентичности. Это метафизическое направление тесно связано с семиотическими исследованиями, поскольку инициировано в значительной степени ими. Отсюда сам город определяется как сложный семиотический механизм, создатель, получатель и хранитель информации, мощный генератор культуры, а его пространство представляется хранилищем различных кодов, знаков, возможностей реализованных и нереализованных, иллюзий, мифов и т.д. Этот семиотический механизм обязательно включает: соотнесение (сопоставление или противопоставление) культурного и природного ландшафта; культурный ландшафт как единство природных и культурных компонентов; существенную зависимость человеческой деятельности от природной основы; активное взаимодействие человеческой деятельности и природной среды; существенное преобразование этой деятельностью природного ландшафта; пространственная структура культурного ландшафта; наличие функций культурного ландшафта в культуре [13].

В 2003 г. вышла книга Фионы Хилл, Клиффорда Гэдди «Проклятие Сибири. О том, как коммунистическое планирование выставило Россию на мороз» (Вашингтон: Институт Брукингса, 2003. 270 с.) – о роли Сибири в истории и политики России. Она была переведена на русский язык и вызвала широкий интерес.

Книга отечественного исследователя А.П. Паршева «Почему Россия не Америка», с другого конца затрагивающая данную проблему, вышла несколькими годами ранее, но это обстоятельство скорее свидетельствует о наметившейся тенденции переосмысления отечественного опыта освоения Сибири и Севера России.

Эти и подобные им работы такого плана открыли дискуссию о роли северных и сибирских городов, об их экзистенциальной сущности в условиях складывающейся в России консьюмеристской ментальности.

Но например, для Якутии города сыграли решающую роль в интеграции коренных и автохтонных народов в российский вариант цивилизации. Природа и имманентно присущие свойства и качества городской среды, ее способность концентрировать в себе все разнообразие общественных процессов и содействовать продвижению общей цели сделали города Республики Саха (Якутия) «социоклеточкой» становления и развития современного общества. Само произнесение слова город на якутском звучит понятно и для «русского» уха – куорат.

Города Якутии (их 13), кроме указанных выше аспектов (экономического, социально-демографического, политико-административного, краеведческого и т.п.), не получили адекватного комплексного внимания ученых-гуманитариев. Они по прежнему не «легитимны», «неправильны». Городскому образу жизни противопоставляется – «правильный», традиционный, сельский.

Основное внимание научного и образовательного сообщества привлекали в основном традиционные сельские формы поселений и взаимодействия внутри их со средой обитания.

Якутск очень мало отражен в фольклоре, мало «прописан» в сознании как коренного, так и пришлого населения.

Кстати, само понимание «коренного» и «пришлого» населения в Якутске приобретает другие смыслы. В Якутске население с 1917 по 2010 г. выросло в 50 раз.

Кем, например, был выдающийся философ и основатель Якутского университета А.Е. Мординов: горожанином или гражданином Якутии или выходцем из Таттинского улуса, сделавшим карьеру в административном центре? Конечно же, он гражданин «большой страны», выдающийся сын якутского народа и et cetera. Но А.Е. Мординов – это ещё и горожанин, задавший один из векторов развития Якутска. Трудно оспорить тот факт, что одной из главных социально-экономических ниш столицы современной Республики Саха (Якутия) сегодня стала научно-образовательная. Благодаря университету лицо города преимущественно молодое.

Для того чтобы Якутск перестал метаться между историей и географией, между природой и культурой, необходимо принятие и легитимация всего исторического прошлого, осознание «вечности» города для Якутии, вообще децентрированное рассмотрение социальности в Якутии и её городах. Тем более, что городской социум, по мнению сегодняшних урбанистов и специалистов по развитию территорий, не имеет единого центра.

Степень боязни многозначности (амбивалентности) у якутских ученых гуманитариев, возможно, служит объяснением их невнимания к культурологии и антропологии городов Якутии и прежде всего Якутска.

Но на самом деле современное общество и прежде всего городское сообщество может быть трактовано как вариативное общество. Город предстает богатым тогда, когда у него богатый спектр истории. Сколько у нас историй в городе, примерно столько у нас будет перспектив. Если будет какая-то одна из вышеперечисленных (а это далеко не все) историй, – это будет город как монопрофильное предприятие по производству одного смысла (например, только – столица народа саха) и обреченного на депрессию и неизбежную деградацию образа жизни.

Но во многом отчасти для того, чтобы молодое поколение якутян могло понять и поверить в множественность перспектив и выстраивать их, завоевывать их для себя, – необходима разработка нового для Якутии курса «Культурная антропология городов Якутии» и формулирование диссертабельных тем для социологов, социальных философов, культурологов, урбанистов.

В существующих на данный момент источниках по истории Якутии, её освоению и т.п. имеется явный дефицит комплексных исследований и разработанных на их основе учебных курсов, охватывающих взаимодействие полиэтничного, поликонфессионального, поликультурного городского населения с городской средой как целостным, многосторонним явлением.

Назрела необходимость социально-философского рассмотрения истории и тенденций развития городов Якутии, прежде всего в плане формирования территориальной городской культуры, городской идентичности (ментальности), «вписанности» в духовную этносоциальную ткань. В условиях, когда усиливаются потоки миграции, и популярным становится дискурс о встрече культур и их взаимодействии, совершенно необходимо разработать курс «Культурная антропология городов Якутии».

Литература

1. Шмельков А.В. Город как объект управления: тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. – М.: Альфа-М, 2003. – Т. 2. – С. 724.

2. Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII - начале XIX веков. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1957. – 68 с.

3. Калуцков В.Н. Феномен «странствующего» селения и его ландшафтная индикация // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. – М.: Изд-во ФБМК, 1998.

4. Глухов А.И., Калуцков В.Н. Странствующие города России // Изв. РГО. – 2011. – Т. 143. – Вып. 5.

5. Там же.

6. Там же.

7. Дьяконов В.М. На великой Туймааде, меж священных гор // Илин. – 2003. – № 3-4.

8. Якутск в цифрах. Рубрика – Статистика знает всё // Якутск вечерний, 26.10.2012 г. – С. 86.

9. Благословение и проклятие долины Туймаада [Электронный ресурс]. – URL: http://news.ykt.ru/article/3554 (дата обращения: 1.06.2012 г.).

10. Там же.
11. Там же.
12. Рыженко В.Г. Сибирское городоведение рубежа XX–XXI веков: поиски подходов к изучению культурного пространства города [Электронный ресурс]. – URL: http://kulgor.narod.ru/biblogr.html
13. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в Российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62-70.

Д.В. Попова, В.Н. Иванова,
И.В. Гаенкова, Н.Ю. Иванов, А.Б. Ефимов,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Современные трансформации северных городов РФ с применением эстакад

Вопросы планирования развития российских городов на Севере в XXI веке, а именно в Республике Саха (Якутия), рассматриваются в данной работе первоначально через анализ внутренних миграционных процессов, которые происходили в регионе в 90-е годы прошлого века и продолжаются до настоящего времени. Переселение большей части населения из отдаленных северных улусов в города республики создало проблемы в различных сферах: градостроительства, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, экологии и т.д.

Комплексное решение проблем в перечисленных выше сферах в рамках планирования развития северных российских городов в работе представлено через изучение существующей транспортной схемы столицы Республики Саха (Якутия) г. Якутска и разработку технического предложения по осуществлению в северных городах эстакадного строительства дорог, позволяющего сохранить многолетнюю мерзлоту.

Эстакадное строительство на Севере позволяет исключить протекание криогенных процессов на вечно-мерзлых грунтах, возникающих

вследствие строительства промышленных и жилых объектов. Именно из-за наложений слоев дорожного покрытия на мерзлоту происходит образование большого количества надмерзлотных вод, которые, перетекая в различных направлениях, разрушают и заболачивают почвы. А в дальнейшем, в связи с промышленным освоением земель, возможно и дальнейшее разрушение почв, вплоть до исчезновения миграционных путей животных и изменения флоры и фауны на Севере.

Также эстакадное строительство дорог позволяет исключить ежегодные ямочные ремонты дорожного покрытия, что значительно сокращает материальные затраты ремонта и содержания дорог на Севере, устранить транспортные «пробки» вследствие проектирования новых эстакадных транспортных развязок, создавать пешеходные зоны, в том числе и для инвалидов.

Из сказанного следует, что осуществление эстакадного строительства дорог на Севере в современных городах может значительно повлиять на изменение в будущем привычной физически-пространственной структуры городов из-за уплотнения городских территорий вследствие устремления «ввысь» воздвигаемых многоярусных транспортно-жилых объектов, слаженно функционирующих за счет внедрения инфотелекоммуникационных технологий.

Компактные, высокотехнологичные и, как бы «парящие» над землей, северные города будущего, таким образом, становятся только частью среды обитания современного городского жителя, который в часы отдыха на свободных от асфальтобетонного покрытия территориях, т.е. на лоне природы, ведет привычный образ жизни, сложившийся веками.

Таким образом, данное техническое решение направлено на удовлетворение потребностей современного человека, живущего на Севере, который в новой городской среде обитания сможет обрести гармонию внутри себя и с окружающим миром.

Литература

1. Багдасаров Ю.А. Комбинированный способ уплотнения просадочных грунтов / Ю.А. Багдасаров // Основания, фундаменты и механика грунтов. – 1994. – № 1.

2. Багдасаров Ю.А. Применение новых способов уплотнения просадочных грунтов / Ю.А. Багдасаров, С.Л. Фингеров // Основания, фундаменты и механика грунтов. 1994. – № 5.

3. Бартоломей А.А. Напряжённо-деформированное состояние оснований комбинированных свайных фундаментов / А.А. Бартоломей, И.В. Глушков // Основания и фундаменты в геологических условиях Урала. – Пермь, 2002. С. 11-19.

4. Бартоломей А.А. Фундамент в вытрамбованном котловане с центральной сваей / А.А. Бартоломей, В.Е. Глушков, И.В. Глушков // Научные разработки и изобретения ПГТУ: сборник, посвященный 50-летию ПГТУ. – Пермь, 2003. - С. 24.

5. Далматов Б.И. повышение несущей способности свай, погружаемых в водонасыщенные глинистые грунты, при их добивке / Б.И. Далматов, В.П. Кузенков // Основания, фундаменты и механика грунтов. – М., 1982. – № 3.

К.А. Степанова,
Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск)

Культурный туризм: инновационный потенциал арктических регионов

Север России – уникальный и специфический регион. Здесь сосредоточено почти 80% запасов полезных ископаемых страны, находится треть экологически чистых территорий Земли, проживает большое число уникальных этносов – аборигенных народов. По территории северных регионов проходит почти вся морская граница Российской Федерации. Зона Севера занимает около 65% территории России, однако в ней проживает всего 8% населения страны. Площадь составляет 3 103,2 тыс. кв. км, это 1/5 часть России. Свыше 40% территории находится за полярным кругом.

Культурный (познавательный) туризм – это туризм, направленный на реализацию познавательного интереса как потребности человека

для расширения знаний по различным направлениям (познание культуры другого народа, посещение охраняемых природных территорий, в религиозных целях, также относят экологический туризм). Для определения потенциала развития туризма в определенной стране нужно выявить следующие факторы: 1) удобство географического положения; 2) природные особенности, 3) экологическая обстановка. Мы выделяем культуру как один из основных факторов потенциала развития туризма. Ведь в поездках в какую-либо страну в основном делается акцент на знакомство с культурой и историей местности. Статистические данные конца XX начала XXI века отмечают, что на Россию приходится менее 1% мирового туристского потока, на настоящий же момент имеется прирост. Динамика въездного туристского потока за последние годы свидетельствует о росте (2010) почти на 20%, что составляет 35 млн человек. Согласно статье замдиректора НИИ культурного и природного наследия имени Лихачева Петра Боярского, опубликованной 12.06.2011 г., по прогнозу ученых, происходит туристический бум в Арктике. По его словам, туризм в Арктике должен носить исторический, образовательный оттенок. Нужно обратиться к опыту близких по северному климату стран, например Канады, т.к. также является территорией вечной мерзлоты, туризм занимает важную роль в экономике страны. Президент Д.А. Медведев еще в 2008 году отмечал, что Арктика для страны имеет стратегическое значение и должна стать не только ресурсной базой России. Надо делать упор на развитие экологического туризма. Он объяснял тем, что это одно из условий сбережения уклада жизни коренных народов Севера, и, конечно, мы не должны забывать и о культуре коренного населения. Следует подчеркнуть, что освоение пространств и ресурсов Севера становится ключевым направлением развития мировой цивилизации в XXI веке.

Литература

1. Опыт развития туризма на Севере Канады: монография. – Якутск: Издательство ЯГУ, 2009. – 194 с.

2. Корзина А.В. Перспективы развития туризма в северных регионах России: доклад. Управление развития внутреннего туризма и государственных туристских проектов Федерального агентства по туризму.

3. Туризм в Якутии: учебное пособие. – Якутск: Издательство ЯГУ, 2010. – 70 с.

4. Туристский комплекс России: тенденции, риски, перспективы. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 280 с. – (Научная мысль).

5. www.rian.ru

Е.Е. Тотонова,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Канадский опыт развития экологического туризма

В мировой туристкой специализации Канада выделяется как страна, позиционирующая природные виды туризма, чему способствуют низкая плотность населения страны и огромные незаселенные пространства, создающие прекрасные возможности для развития экологического туризма. Путешествия на природу популярны у жителей страны, но наибольшее значение среди них имеют национальные парки, которые составляют мощную базу для развития экологического вида туризма. Природный туризм, или отдых на природе, составляет около одной четверти объема внутреннего туризма страны. За счет поступлений налогов от природных путешествий правительство страны получает 1,7 млрд. канад. долл. Это более чем в 5 раз превышает те средства (300 млн. долл.), которые ежегодно вкладываются в программы по охране дикой природы [1].

Канадские национальные парки являются территориями федерального значения и используются в природоохранных, научных, просветительских целях и для развития экологического туризма. В Канаде насчитывается 41 национальный парк, национальные леса, 46 заповедников, более 100 территорий для перелетных птиц, а также национальные парки провинциального уровня и резерваты других категорий [3].

Система национальных парков Канады является не только мощной базой для развития туризма, но и имеет значение для сохранения

определенных природных ландшафтов по всей огромной территории страны, особенно в южной, густонаселенной части. Кроме того, национальные парки играют большую роль в оздоровлении населения страны, так как канадцы любят массовые виды отдыха на природе.

Основной причиной развития системы национальных парков является быстро растущий спрос на отдых на природе. Удовлетворение данного спроса зависит от качества окружающей среды, так как туристами ценится первозданность природы. В результате природная ориентация определяется особенностями туристского спроса, а устойчивость – экономической выгодой поддержания качества окружающей среды и дает определенные перспективы экономического роста [2].

Таким образом, экономические функции развития системы национальных парков являются созданием рынка для реализации природных ресурсов, что формирует финансовые средства для их природоохранной деятельности, рационализации и повышения эффективности природопользования и стимулирования регионального экономического роста. Практика деятельности национальных парков Канады показывает возрастающее значение туристкой деятельности при достижении финансового самообеспечения при сохранении экологического равновесия в их пределах.

Литература

1. Александрова А.Ю. География туризма. М., 2008. – 592 с.

2. Тотонова Е.Е. Опыт управления национальных парков Канады и их роль в развитии туризма // Экономика и управление. – 2010. – № 9. – С. 60-64.

3. Parks Canada www.pc.gc.ca.

В.В. Ушницкий,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Сакральный ландшафт Горного Алтая

Алтаем называется природно-культурный уникальный комплекс Центральной Азии, расположенный на стыке границ России, Монголии, Китая и Казахстана. Около 50% территории региона расположено в России, 30% – в Монголии и по 10% – в Казахстане и Китае. Алтай – уникальный регион, здесь много нетронутой природы. Регион имеет много историко-культурных памятников всемирного значения. Поэтому охрана этих памятников является прерогативой не только местных властей, но и мировой общественности. То же самое можно сказать и о палеолитических памятниках на территории Якутии. Практически этногенез всех народов Евразии проходил в Алтае. Улла Йохансен через параллели орнаментального искусства саха с древними горноалтайцами – пазырыкцами выводила их предков с Горного Алтая. Через Алтай происходило переселение различных этносов уральской, алтайской, индоевропейской, сино-тибетской языковых семей.

Вообще ситуация с археологическими раскопками в Горном Алтае является трудной. Негативное отношение местного населения Горного Алтая к археологам связано и с тем, что за многие десятилетия раскопок на его территории не было подготовлено ни одного специалиста из местных народов! Такая же ситуация обстоит в Хакасии и Тыве. Только в последнее время в Горноалтайском университете стали готовить археологов. Поэтому раскопки ведутся учеными из центральных и сибирских археологических центров. При этом новосибирские и другие исследователи все время подчеркивают, что древние памятники Алтая никакого отношения к коренному населению не имеют, они оставлены древним индоевропейским народом или этносом, проживающим за Полярным кругом (самодийцам).

Довольно много мифов и легенд на разных уровнях создано вокруг раскопок мерзлотных курганов Горного Алтая с мумифицированны-

ми телами погребенных. Раскопки на Плато Укок в 1993 г. мумии – представительницы средней знати усилили мистические настроения вокруг древней истории. Последствиям раскопок приписывались различные невзгоды и несчастья, болезни, социальные проблемы и даже землетрясения. Погребенная была названа принцессой Кадын и объявлена прародительницей алтайского народа.

О.И. Чарина,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Культурный ландшафт: традиции и современность в русском эпосе

Население старожилов арктической зоны – «индигирцы», «колымчане», проживающие ныне в с. Русское Устье в низовьях Индигирки и в с. Походске в низовьях Колымы, сохранили русский говор, традиционный фольклор, значительную часть материальной культуры, адаптировав их к условиям Севера. В долгие зимние вечера все слушали хранителей старины, знатоков исторических песен, любителей сказок и баек.

Мы опираемся на материалы, собранные в фольклорных экспедициях сотрудниками Института гуманитарных исследований. Они показывают, что устное народное творчество русских старожилов своеобразно, отражает связи русских старожилов с аборигенным населением. В Приленье этот характер отличается взаимовлиянием; на Индигирке и Колыме в силу различных причин русские длительное время не вступали в контакт с юкагирами, эвенами и чукчами.

В начале декабря 2001 г. мы побывали в поселке Чокурдах – административном центре района – и в селе Русское Устье. Летом 2005 г. мы побывали в Нижнеколымском улусе, в с. Походске, Колымском, а также в Черском.

Традиции шли от «досельной» жизни на европейском Севере, где раньше жили предки русскоустьинцев и походчан. Было важно поддерживать традиции: исполнять былины, песни, былички, не исполнять то, что исполняли соседи с Анюя, Гижиги, другие исполнители, которых встречали на Анюйской ярмарке. Тем не менее, как ни боролись с новыми веяниями старожилы низовьев Колымы и Индигирки, усваивали то, что слышали на ярмарке, что исполняли заезжие певцы, пели казаки.

Традиционный фольклор колымчан и индигирцев как часть духовной культуры сохранялся вплоть до 80-х гг. XX в.

Остановимся на былинах как жанре наиболее устойчивом. Все былины, фиксировавшиеся на Колыме и Индигирке, проникнуты темой былой старины. Так, начало былины про богатыря Добрыню Никитича, входящей в новый корпус фольклорных произведений, которые в конце XIX в. записал Д.И. Меликов, традиционное:

Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Ну, житье-бытье осталось и имение.
Имение осталось, мало детище
По имени Добрынюшко Никитьевич.
Как стал Добрынюшко на возрасте...

[2, 1893, с. 211].

Интересна былина «Тит Харафонтьевич», начинающаяся стихами:

Подступила под град сила великая,
Сорок царей, сорок царевичей…
А что под самим-то Титом Харафонтьевичем
Силы той и счету нет.
Как и хвалится Тит, похваляется,
Как над славным царством поглумляется

[2, 1893, с. 206-208].

Былины «Тит Харафонтьевич», «Добрыня Никитич» имеют достаточно развитый сюжет, мотивированные действия героев, их личные характеристики. Былина о Мишеньке Даниловиче (см. также – Тит Харафонтьевич) фиксировалась на Нижней Колыме и на Индигирке [4, 1991, № 50-58].

Почти все варианты приводятся по сборнику «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока». Можно предположить по сюжету, образам, что В.Г. Богораз записал былину от М. Соковикова, а запись Д.И. Меликова произведена от другого лица. Вместе с тем видно, что на Колыме сходная традиция, а М.Г. Решетников и И.Г. Гуляев исполняют свои варианты былины в рамках этой общей традиции.

Остановимся на основных образах былины о Тите. Как видим, на Колыме и Индигирке зафиксированы разные варианты исполнения этой былины. Так, Ю.И. Смирнов пишет: «Примечательно, что в индигирских вариантах нет и следа киевизации. Их эпическое время и место действия условны: действие происходит в Иерусалимском царстве, в пору правления царя Тимофея, вражеский предводитель назван Титом Ферапонтовичем, правда, с уточнением, что он – “Тита брата зверь” (Китоврас-зверь), в чем усматривается влияние письменного сказания о Соломоне и Китоврасе)» [4, 1991, 387]. Заметно, что на Индигирке образ Тита предстает без отчества, на Колыме – Тит Харафонтьевич (Хорохонтьевич). В индигирских вариантах былины князь (царь) – Тимофей, в колымских – князь Владимир. В варианте № 56 путаница связана с тем, что сначала речь идет о царе Тимофее, а затем одним из главных действующих лиц становится «князь Врадимир» [4, 1991, № 56].

Былины в целом схожи, но в колымских вариантах появляется Апраксея (№ 57, 58, 59); Олеша Попович, Добрыня Игнатьевич (№ 59). Также важно то, что в целом и в колымской, и в индигирской традиции развит мотив горя отца, несвоевременно похвалившегося своим сыном и потерявшего его. Не во всех вариантах отражен мотив самоубийства отца – Данилы Игнатьевича, а в варианте, записанном Д.И. Меликовым, этот мотив смазан, но показано, что отец умер от горя.

Былина «Добрыня Никитич» зафиксирована на Колыме и Индигирке. Также приведены варианты в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [4, 1991, № 13-19]. Причем на Колыме В.Г. Богораз записал одну версию – № 19 в 1895 г. – от М. Соковикова. Д.И. Меликов зафиксировал былину раньше В.Г. Богораза, но не известно, кто исполнил эту вариацию. На Индигирке варианты былины фиксировались на протяжении ряда десятилетий XX в.

Как известно из пояснений Ю.И. Смирнова, «текст М. Соковикова собиратель неправомерно дополнил вставками (они помечены квадратными скобками) из стихов, сообщенных ему другим лицом – Митрофаном Кривогорницыным. О нем В.Г. Богораз писал: «Митрофан Кривогорницын, тоже родом станичный казак, имеет от роду около 50 лет. Он ослеп на оба глаза еще в ранней молодости и живет в высшей степени бедно даже для походчика (постоянное его место жительства – Походская деревня), призреваемая родственниками, занимается сучением волосяных веревок и клячи для невода. О нем говорят, что когда он был моложе, помнил много песен, знал и старину, но теперь растерял почти все. Я мог записать от него только несколько строк в добавление к старинам, записанным от Кулдаря» [4, 1991, 377-378]. Отсюда можно предположить, учитывая почти одновременную запись текстов былины Д.И. Меликовым и В.Г. Богоразом, что, возможно, вариант Д.И. Меликова записан как раз от М. Кривогорницына.

Как видим, вариант былины, исполненный Соковиковым, имеет большее количество стихов – 70. В варианте, записанном Меликовым, – 36, в нем нет мотивов, связанных с темой борьбы со Змеем, мести предателям-слугам. В варианте Богораза Змеинища – женского рода. В меликовском варианте – Змей – мужского рода, и в нем отсутствует концовка.

Л.Н. Скрыбыкина опиралась в своем исследовании на те же варианты былины, что и Ю.И. Смирнов, и рассматривая особенности былинной традиции на северо-востоке Сибири, пишет: «Можно предположить, что на Колыму и Анадырь былина “Добрыня и змей” попала из общего источника. Таким источником был исполнитель не с Индигирки, а из Европейской России, знавший именно ту редакцию былины, какая сохранилась к рубежу XIX и XX вв. в полуразрушенном состоянии только на Кулое» [5, 1995, 37].

Далее Л.Н. Скрыбыкина пишет: «Прежде всего, наиболее полными по содержанию и текстуально являются варианты индигирской группы. Только здесь, в трех вариантах, есть финал былины: освобождение богатырем пленницы Змея. В наиболее полном – РУ – 96 – и диалог Добрыни с пленницей до боя со змеем. Вместо этого окончания в одном из колымских вариантов добавлена просьба Добрыни к корабель-

щикам <…>. Изложение одних эпизодов в деталях оказывается иногда полнее на Индигирке, других – на Колыме, но существенного влияния на содержание эти различия не имеют. Кроме того, на варианты обеих групп текстуально повлияли другие произведения» [5, 1995, 21]. В целом, мы согласны с этим выводом, основанном на достаточно тщательном анализе текстов былин.

Как отмечает Ю.А. Новиков: «Прославила Добрыню прежде всего его победа над змеем на Почай-реке, былина об этом бое – одна из самых популярных в русском эпосе, для исследователей же это один из самых загадочных сюжетов […]. Ясно одно: сюжеты змееборчества уходят корнями в глубочайшую древность и прочесть их можно, лишь разобравшись в мифологии наших предков» [1, 2001, с. 49].

Таким образом, можно предположить, что и на Колыме мы имеем достаточно старинные варианты былины о бое Добрыни со Змеем, где у исполнителей заметна приверженность к одним и тем же образам и мотивам.

Ретроспективный перечень сюжетов былин показывает, что вариативность ведет к укорочению самих сюжетов, а после восьмидесятых годов XX в. былина на Колыме и Индигирке не фиксировалась.

Литература

1. Былины Мезени. Свод Русского фольклора. – СПб.; М., 2003.

2. Меликов Д.И. Путевые записки в Гижигу через Колымск. 1893 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 18. Ед. хр. 1. Л. Вкладыш. Ед. хр. 2. Л. 202-212.

3. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). – Новосибирск, 1991.

4. Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения Северо-Востока Сибири. – Новосибирск, 1995.

А.Г. Черкашина, М.А. Федотова,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Отражение традиций и современности в ювелирном искусстве

Ювелирное искусство – это один из древнейших видов художественной деятельности человека, отличающийся преемственностью этнических традиций. Наличие этого древнего и сложного вида искусства не только определяет уровень развития культуры в целом, но и характеризует богатую этническую историю ее носителей [1, 2]. Одним из важных элементов этнической культуры являются ювелирные украшения. На различных этапах развития общества менялись не только средства и способы ношения украшений, но и их назначения. Украшения, как древнейшее явление этнической культуры с особой символикой, в котором отражены древние религиозные представления и особенности художественных традиций, являются одним из традиционных объектов исследований.

Творческая деятельность любого народа не лишена национальных черт. Например, искусство ростовских эмальеров и кубачинских мастеров несет на себе печать неповторимого национального духа. Культура якутов имеет многовековые традиции. С одной стороны, якутская культура унаследовала традиции древних тюрков, с другой стороны, на нее оказала влияние культура исконно северных народов. Традиционные ювелирные украшения наиболее ярко характеризуют культурное наследие народа. Сложнейшие условия жизни на Севере в сочетании с религиозными представлениями якутского народа определили отношение традиционных украшений к категории предметов, которые обладали свойствами оберегов и талисманов. Они считались защитой от различных духов и нечистых сил, причиняющих вред здоровью и отнимающих жизнь. Каждый элемент орнамента и узора в украшениях имел свое смысловое значение [3, 4]. Ювелирные изделия любого народа изготавливаются с использованием растительных узоров и орнаментов, отражающих окружающую природу. Традиционные якутские украшения отражали не только среду обитания и эстетичес-

кие представления, но и имели сакральный смысл, а также знаковый характер, отмечающий возрастную, социальную, этническую, профессиональную и др. информацию.

Ювелирные украшения являются отражением статуса обладателя, а также потребности людей в духовной опоре. Такие украшения, как илин кэбиһэр, бастыҥа, бөҕөх, дэйбиир, национальные серьги, кольца, колье, наполнены теплотой и любовью наших предков, они обладают не только материальной ценностью, но и превращаются с течением времени в фамильные драгоценности. Якутские мастера ювелирного дела тщательно сохраняют традиции, предлагая широкий выбор ювелирных национальных украшений, которые пользуются популярностью и неизменным спросом. Поэтому и сегодня, в стремительном XXI веке, веке глобализации и открытости всему миру, изготовление ювелирных украшений в национальном стиле является актуальным и востребованным.

Высокая стоимость драгоценных металлов и драгоценных камней, их долговечность не дает предпосылок быстрым изменениям в области ювелирного искусства. Но в то же время ювелирное искусство в целом, являясь достаточно консервативным, эволюционно подвергается изменениям, являясь отражением исторических, общекультурных, социально-экономических изменений. Также важную роль при формировании различных видов ювелирных изделий играет мода. Основная черта, определяющая моду, – это новизна. Хотя моду нельзя прогнозировать на длительное время, актуальные тенденции современной моды относятся и к ювелирным украшениям. В настоящее время в традиционном ювелирном деле возникла потребность в отражении современности, новых веяний и тенденций. Исходя из этого, целью данной работы является проектирование и изготовление стилизованного ювелирного изделия, сочетающего в себе как традиционные, так и новые элементы.

Этнический стиль в дизайне ювелирных изделий остается всегда востребованным. Но сегодня происходят изменения в обществе, люди стали более мобильными, потребительские возможности возросли. Ювелирный дизайн реагирует на зарождающиеся тенденции в обществе, являясь отражением глобальных мировых изменений. Интерес к прошлому, народным корням культуры наряду с потребностью к новизне заставляет художников-дизайнеров создавать ювелирные изделия в стиле этнодизайна, с применением новых приемов и нетради-

ционных материалов. Этнодизайн (фольклорная стилизация) отражает уважение к истории, восхищение народной традицией, национальной культурой и не только своей. В глобальном мире взаимопроникновение различных культур, их взаимодействие неизбежно, что приводит сегодня к созданию художниками-дизайнерами в ювелирном деле вещей, интернациональных по духу.

Своеобразие якутских женских украшений состоит в массивности разнообразных съемных украшений, составляющих единый ансамбль с одеждой. Для проектирования выбрана разновидность украшения – колье не в традиционном виде для якутских украшений, но содержащее растительный орнамент и узоры в якутском национальном стиле. Для якутских украшений традиционно использовались сплавы золота, серебра, меди. Но самым характерным и наиболее предпочтительным металлом являлось серебро. Поэтому для создания колье выбрано серебро 925-й пробы. Для выполнения практической части данной работы освоены технологии изготовления ювелирных изделий из сплавов серебра, изучено использование узоров и орнаментов в традиционных украшениях, разработан эскиз и изготовлено колье, сочетающее элементы национального женского украшения «илин кэбиһэр» и современного колье.

Таким образом, непреходящий интерес к древним традиционным украшениям в сочетании с потребностью человека к новизне определили появление новых тенденций в ювелирной моде нашего региона, заключающихся в появлении ювелирных изделий, сохраняющих фольклорную стилистику, но отражающих современные изменения в обществе. Это направление в современном ювелирном деле является восприятием действительности, реакцией на действительность и материализацией мироощущения автора.

Литература

1. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов. – Новосибирск, 2001.

2. Зыков М.Ф. Ювелирные изделия якутов. – Якутск, 1976.

3. Неустроев Б.Н.-Мандар Уус. Узоры и орнаменты. – Якутск, 2006.

4. Неустроев Б.Н. Саха ойуута-мандара. Якутские орнаменты. – Якутск, 1994.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Е.В. Гайманова,
Московский государственный университет
культуры и искусств (г. Москва)

Культурная география России и образ Севера в дореволюционной периодике для детей и юношества

Многонациональность, природное и культурное разнообразие России составляют ее богатство, являются неисчерпаемым источником ее силы и могущества, служат предметом для научного исследования специалистов в области географии, истории, искусствоведения, культурологии. Популяризацией знаний о пространственных культурных различиях и территориальном распределении культур могут заниматься не только научные, но и периодические издания, предназначенные для широкой аудитории, в культуросферу которых входят подобного рода сведения. В частности это могут быть периодические издания для детей и юношества.

Журналы для детей и юношества с момента своего зарождения являлись особым сегментом средств массовой информации, выполняли специфическую функцию межпоколенческой коммуникации, передачи историко-культурной информации от старших поколений младшим.

Современные журналы для детей и юношества по большей части носят развлекательный, а не познавательный характер, мало уделяют внимания публикации научно-популярных материалов, отражающих культурную географию нашей страны.

Дореволюционные периодические издания, предназначенные для детско-юношеской аудитории, по мере своего распространения в читательской среде все активнее приобщали детей и подростков к публикациям подобного рода. Большинство журналов этого периода были литературно-художественными по своему характеру: в них печатались повести и рассказы, стихотворения и драмы, предания и эссе. Тематика

публикаций была самая разнообразная: статьи на нравственные, исторические, религиозные темы, естественнонаучные материалы, игры, шарады, загадки, рекомендации по изготовлению поделок и вышивок.

Специфика журнала как периодического издания давала возможность в следующих друг за другом номерах предлагать читателям новые разнообразные сведения о России: ее природе, народах, ее населяющих, городах и селах, знаменитых людях, обычаях и нравах, событиях, которые происходили в стране, ее прошлом и настоящем. Публикации отличались особой любовью и почтением к истории государства, памятникам старины, в них создавался многогранный облик Родины, образ Святой Руси, которую надо любить и которой уже в детстве надо готовиться служить.

В одной из статей журнала «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей», издававшегося А. Семеном в Москве с 1835 по 1844 г., говорилось: «Любить свое отечество, значит употреблять все свои силы, чтобы оно было крепко извне и спокойно внутри. Победы и выгодный мир внушают почтение народам. Поддержание законов и добрых нравов укрепляет внутреннюю безопасность. …Будем помнить беспрерывно, что отечество имеет святые и непреложные права на наши дарования, наши добродетели, наши дела, наши чувства» (1, с. 271).

Тема России как отечества для юных читателей стала одной из наиболее значительных тем, которые раскрывались на страницах журналов для детей и юношества. Издатели большинства журналов, выражая сожаление по поводу того, что дети мало знают о своем государстве, ставили своей задачей знакомство детей и подростков в яркой и интересной форме со своей страной, ее культурной географией.

Так, в журнале «Лучи», издававшемся с 1850 по 1860 г. известной русской писательницей А.О. Ишимовой, в статье под названием «Сцены степей Оренбургских», говорилось: «Можно сказать по всей справедливости, что мы, Русские, очень мало знаем наше отечество. Обширное почти до беспредельности, населенное разноплеменными народами, мало описанными или совсем не описанными, оно долго

еще будет предметом самых любопытных для нас изысканий. И потому всякое описание какой-либо местности, всякий легкий очерк каких-либо особенностей нам неизвестных – есть драгоценнейшее приобретение и для историка, приготовляющего потомству сказания о чудной и славной земле нашей, и для простого человека, желающего собственно для себя узнать обо всем, что касается до милой родины его» (2, с. 12).

Издатели журналов показывали детям, что Россия – многонациональная страна, отечество для многих народов. Российское государство исторически складывалось на протяжении столетий как полиэтническое государство, как сообщество разных этносов, культур и религий. В знак уважения к своему и другим народам по правилам русского языка XIX века названия национальностей писали с большой буквы. Эта традиция сохранялась и в периодических изданиях для детей.

Многие журналы печатали материалы о русском Севере, его природе, народах, населяющих этот мало освоенный край.

Так, в журнале «Предметы полезных упражнений для удовольствия детей», издававшемся книгопродавцом Е. Эггерсом в Ревеле в 1834-1836 гг., была напечатана интересная игра с географической картой мира, которую надо было сначала разрезать, а потом правильно составить. Дана, например, была карта Азии. Игра сопровождалась рассказом о том, что в Азии расположена Сибирь, говорилось о ее природе, полезных ископаемых, описывались народы, которые там проживают: «По берегу Ледовитого океана живут самоеды. Все их богатство состоит в оленях… Самоеды промышляют сверх того звериною и рыбною ловлями». «В восточной части Сибири живут Якуты, а самая Северо-восточная ее оконечность известна под именем Чукоцкой земли. Чукчи разделяются на оленные и оседлые. Первые живут по большей части внутри земли, а последние находятся на берегах моря и рек, занимаются звериною и рыбною ловлей и торгом» (3, с. 53-60). Рассказывалось и о других народах, проживавших на территории России. В листах № 12, 13 этого журнала были изображены костюмы разных народов, в частности самоедов, чукчей, якутов.

Издававшийся с 1836 по 1863 г. для воспитанников военно-учебных заведений специализированный журнал поместил в одной из книг

в разделе «Смесь» рассказ о племени самоедов, живущих на берегу океана. В статье рассказывалось, что «пищу самоедов составляют олени и рыба, в случае нужды – мясо и жир морских зверей» (4, с. 212). В продолжение данной статьи в другой книге был опубликован материал под названием «Колдовство самоедов». В нем раскрывалась суть их суеверий и магических действий, способствовавших удачной охоте, сохранению здоровья и благополучия. Так, в этой статье говорилось, что «самоеды очень суеверны и часто прибегают к колдовству: для этого несколько человек собираются к кудеснику, который надевает на себя, из красного сукна, расшитую по спине золотыми хазами, малицу. Предметом колдовства бывает обыкновенно желание знать, хорош ли будет путь гулять, то есть ехать на промысел зверя и проч. И счастливо ли возвратятся» (4, с. 184).

В журнале «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей, издаваемое Августом Семеном» (1835-1844), в одном из листов была помещена статья об «Эскимосах».

Журналы были насыщены публикациями духовно-нравственного содержания. В них воспевалась самоотверженность русских людей, осваивавших северные просторы. В одном из номеров журнала «Звездочка» привлекает внимание статья под названием «Чудное спасение», в которой рассказывается об экспедиции на Русский Север, на полуостров Таймыр. Речь, в частности идет о подвиге руководителя экспедиции Миддендорфа, пробывшего в одиночестве, чтобы не мешать другим, 18 дней без еды, огня, под снегом. «Как неодолима должна быть волшебная сила любознательности, что гонит путешественника из недр обилия на край света, где вечные льды и снега, навстречу голодной смерти!», – писал автор статьи в заключение, выражая свое восхищение первооткрывателям необъятного края.

Во многих детских журналах были публикации, в которых изображалась суровая красота севернорусской природы, но описания эти всегда сопровождались нравственными рассуждениями. В них часто восхвалялся «небесный Отец», который подарил людям эту красоту.

Европейская часть русского Севера часто становилась центром внимания. Материалов об архангельской земле очень много в самых разных журналах. В двадцать восьмой части журнала «Звездочка» за 1846 г. интересен, например, географический и этнографический очерк В. Верещагина «Северная Двина», повествующий об этой знаменитой северной реке, городе Архангельске и его жителях. В № 3 за 1888 г. журнала «Родник» был опубликован большой очерк Н. Крыловой «На русском севере». Он состоял из трех частей.

«На крайнем севере России залегла холодная водная пустыня – Северный Ледовитый океан. Вся страна, прилежащая к океану, называется полунощною, потому что почти полгода в ней так же глухо, пустынно, неприютно и сумрачно, как бывает повсюду в полночный час. Почти полгода не видать здесь солнца, и только луна, яркие звезды и северные сияния, по местному языку сполохи, пробивают царящий мрак и освещают окружность», – так живописует автор северную природу (5, с. 207). В первой части очерка описывается океан в районе Белого моря, его льды, используются местные названия, например, шуга, что на местном языке означает ледяная каша, описываются промысловые рыбы, становища поморов, разные типы поморов (с рисунком, на котором эти типы изображены в своей одежде). Отмечено, что приокеанский берег назывался прежде Норманнским (по аналогии со страной норманнов – Норвегией). «Поморы переделали это название в Мурманский или Мурман», – объясняет автор (5, с. 209).

Восхищаясь героизмом жителей, автор восклицает: «И здесь красота, и здесь жизнь! Трудно бороться, но сладок успех труда, богато море добычей, за которой и стремится сюда человек» (5, с. 216).

Во второй главе повествуется об истории освоения этой части северной земли. Отмечено, что «самым первым колонизатором Мурманского берега был, три столетия назад, преподобный Трифон, основатель Печенгского монастыря. Река Печенга течет по Лапландскому полуострову (речь в статье идет о Кольском полуострове) и впадает в Печенгскую губу Северного океана». Крылова пишет, что «теперь тут существует Печенгское сельское общество с пятью колониями, во время же прихода преподобного Трифона здесь только шумел суровый прибой океана» (5, с. 216). В то же время автор замечает, что Трифон

был не первым, кто принес христианство в эти края. «Лет за 50 до Трифона приходил в лопарскую землю (полуостров был населен лопарями, народом финского племени) соловецкий монах Феодорит и просветил часть лопарей, и построил им даже церковь во имя пророка Илии, но с тех пор никто не говорил им об истинном Боге, и жили они в язычестве» (5, с. 217-218). В очерке рассказывается также о строительстве монастыря, его разрушении и разорении финнами, о возрождении обители при воцарении Михаила Федоровича.

В третьей части повествуется о «дикой и прекрасной природе Лапландского полуострова», о лопарях как коренных жителях, их быте, нравах, обычаях, внешности. Отмечено, что «лопари малы ростом, приземисты, скуласты, с черными волосами, которые они обрезают над самым лбом. Чрезвычайно честны, кротки и терпеливы они; лопарки – прекрасные жены и хозяйки» (5, с. 224). В конце статьи Н. Крылова, подчеркивая необходимость распространения в этих краях христианства, резюмирует: «Пусть учатся и умнеют молодые лопари – это очень важно, но пусть при этом остаются такими же добрыми и честными, каковы их отцы; тогда это будет истинное учение, достойное такого первоучителя, каким был преподобный Трифон, просветитель и благодетель Лапландии» (5, с. 226).

Анализ № 3 за март 1871 г. первой книги под названием «Семейное чтение» журнала «Семья и школа» также свидетельствует о том, что северные земли в районе Белого моря издавна интересовали русских, что они изучали народ, который жил веками в этих краях. Например, в третьем номере журнала помещена статья «Год Лопаря». Начало статьи подчеркивает взаимосвязь с реальными событиями недавнего прошлого. Автор обращается к детям с вопросом, оживляя повествование: «Слыхали вы что-нибудь об Архангельской губернии? Не припомните ли, года два-три тому назад хлеб в нашей земле плохо уродился, голод был, тогда много разговаривали о том, как бедные люди – крестьяне страдают от голоду везде, а особенно в Архангельской губернии. …А то может, кто-нибудь рассказывал вам, какая в Архангельской губернии бывает зима, долгая-предолгая, темная, с такими морозами, что нос нельзя высунуть на улицу – сейчас отморозишь; а лето коротенько, зато солнышко светит тогда почти круглые сутки» (6, с. 36). Автор

статьи, Александра Екименко, представляясь волшебницей, отправляется с детьми в путешествие на Лапландский полуостров, свою родину. Автор рассказывает о дикой природе, высоких гранитных горах, местных жителях – Лопарях. «Что же это за народ такой живет тут? – спрашиваете вы. Это Лопари, народ, сильно отличающийся от Русских. Он приходится сродни Чухонцам, которых вы видали в Петербурге, Мордве, Черемисам, Корелам, Зырянам: может быть, вы и слыхали о каком-нибудь из этих народов, живущих также в нашем государстве. Вместе с этими народами и многими другими Лопари составляют одно большое племя – финнское» (6, с. 40). Вместе с Екименко дети заглядывают в жилище Лопарей, ловят с ними рыбу, ухаживают за оленями, охотятся.

Автор осуждает тех русских, кто в погоне за наживой, скупая у лопарей пушные шкурки за бесценок, спаивает Лопаря-охотника. «Позор тому, кто так бесстыдно пользуется слабостью добродушного дикаря!», - пишет она (6, с. 48). Очень уважительно, иногда с сочувствием по отношению к этому народу (например, потому что нет у них соли, и они пересыпают рыбу золой) написана эта интересная статья.

Издатели журналов считали популяризацию знаний о русском Севере столь важным делом, что даже в специализированном журнале для маленьких детей под названием «Крошка» они публиковали подобные материалы. Подача материалов соответствовала возрасту читателей. В виде «Письма из Сибири» публиковался данный материал, подчеркивались добрые качества жителей сурового края: «Холодна Сибирь, велики снежные сугробы, но и среди этого холода приветливо и тепло встречают здесь заезжего гостя. Поверьте мне во всем, говорить неправды не умеет ваш покорнейший слуга Корреспондент «Крошки» (7, с. 22). В «Письме» утверждалось также, что «Камчадалы, Чукчи, Юкагиры, Остяки, Коряки, Самоеды, Тунгусы и до сих пор сохранили свои дикие нравы и обычаи, ведут кочевую жизнь; но и самый Самоед в своем душном чуме живет счастливо и бродит со своими оленями, которые составляют все его богатство» (7, с. 19). Северные народы также «молятся Богу, чтут Царя, уважают старших и лелеют детей, как и …на Святой Руси» (7, с. 22).

Издатели дореволюционной периодической печати для детей и юношества воспитывали в подрастающих поколениях веру в свое отечество и его великое будущее, создавая на страницах своих журналов многогранный образ России, сильного многонационального государства, населенного разными народами и народностями. Они подчеркивали, что представители разных народов любят Россию как свою родину, заботятся о ее благе. Публикации в детско-юношеской периодике формировали уважительное отношение к людям разных национальностей, их самобытности, давали знания в области культурной географии, что было необычайно важно в такой поликультурной стране, как Россия.

Нравственные уроки жизни в полиэтнической стране, данные издателями и авторами публикаций в дореволюционных журналах, должны быть восприняты современной журналистикой для детей и молодежи.

Литература

1. Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. – Лист 34.

2. Лучи. – 1850. – № 1.

3. Предметы полезных упражнений для удовольствия детей. – 1834. – № 8.

4. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1846. – Кн. 234, 238.

5. Родник. – 1888. – № 3.

6. Семья и школа. – 1871. – № 3.

7. Крошка. – 1870. – № 1.

А.А. Григорьев,
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)

Древние каменные памятники Севера Европейской России: индикаторы географического освоения территории

Одним из новых направлений геокультурологии в изучении освоения географического пространства является привлечение в качестве его индикаторов древнейших археологических памятников, изучение их связи с ландшафтом, окружающей средой в целом [2]. Одной из целей таких исследований является попытка выявления предназначения этих памятников с позиции географов-экологов. На территории Европейской России распространены «доисторические» каменные памятники. Среди них отметим самые выдающиеся: мегалиты (сейды, менгиры, дольмены, кромлехи, одиночные камни и их группы), лабиринты и петроглифы. В развитии древнего общества существенную роль играют природные, а также территориальные ресурсы. Полноценное их использование реализуемо только при условии наличия информации о пространстве и о времени. От знаний и умений ориентирования в пространстве и во времени зависела жизнедеятельность общества, в том числе такая важная составляющая, как безопасность. Ориентирами на местности служили различные природные объекты, а также рукотворные феномены, в качестве которых и использовались различные каменные образования. Изучение автором и его коллегами расположения в ландшафте, пространственного положения древнейших каменных памятников в Мурманской, Ленинградской, Архангельской, Псковской, Новгородской областях, Карелии показывает: прежде всего они предназначались в качестве ориентиров в пространстве и во времени. Наиболее совершенным каменным сооружением для измерения времени явился лабиринт [5]. Исследования автора и Г.Н. Параниной показали, что каменные памятники сооружались с учетом элементов ландшафта, в особенности таких, как тектонические трещины, разломы. Выявлено существование древних локальных

и региональных астрономо-геодезической сетей [1, 3, 4]. Существует связь в определенном тяготении к местоположению каменных памятников топонимов с санскритскими формантами. Исследованию древних этапов освоения Севера во многом препятствуют ледниковая теория и представление о дикости народов, населявших Русскую равнину и ее Север до времени возникновения Киевской и Новгородской Руси. С последним представлением боролся великий М.В. Ломоносов. Каменные сооружения – индикаторы древнейшей культуры, вопреки мнению о примитивизме их назначения, свидетельствуют о знаниях и умениях в самом важном для выживания – ориентировании в пространстве и во времени.

Литература

1. Григорьев Ал.А. Священные места Озерного края России. – 2-е изд. испр. и перераб. – СПб: ВВМ при СПб ГУ, 2010. – 365 с.

2. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Культурная география : шаг к истокам? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геол. и география. – 2011. – Вып. 3. – С. 37-45.

3. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Древнее наследие Северо-Запада России. Географические аспекты. – СПб.: Астерион, 2012. – 130 с.

4. Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н. Первые комплексные исследования мегалитических объектов на Северо-Западе России: методика и методология // География : проблемы науки и образования. LXIV Герценовские чтения. – СПб.: Астерион, 2011. – С. 45-52.

5. Паранина Г.Н. Свет в лабиринте. Время. Пространство. Информация. – СПб.: Астерион, 2010. – 124 с.

А.А. Григорьев,
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)

Знаковые феномены Европейского Севера в художественном творчестве Н.К. Рериха

В географическом страноведении и геокультурологии в качестве источника информации весомая роль принадлежит знакам и образам, создаваемым о стране деятелями культуры (художниками, писателями, поэтами и даже композиторами) [1, 2, 4]. Н.К. Рерих, как художник-философ, сумел заметить и показать знаковые феномены Северного края, причем как природных, так и культурных ландшафтов [3]. Он сумел увидеть некоторые черты специфики природы, истории культуры Древней Руси, государственных образований скандинавов, а также финнов. Художник заглянул и в более отдаленное языческое прошлое, возможно общее по ряду проявлений для всех обитателей Северного края. Несомненно, в сказанном художнику помог и философ, и знаток фольклора, древней истории и археологии (все в одном лице). Основой для формирования философского осмысления Севера явились: пребывание Н.К. Рериха в детские и юношеские годы в окрестностях Петербурга, в имении отца в Изваре, поездки и путешествия по Северу, контакты с некоторыми ведущими деятелями культуры северных государств, знакомство с эпосом, мифами северных народов и, разумеется, русским (славянским). Н.К. Рерих сумел отобразить не только частные особенности геокультурного пространства, но увидел его знаковые феномены, как природные (камни, озера, источники), так и историко-культурные (курганы, храмы, монастыри, крепости). Особый интерес представляют древнейшие знаки освоения ландшафтов, которые подметил Н.К. Рерих (камни с рисунками, лабиринты, рунические камни, менгиры), о предназначении которых идут споры. Недавно выдвинута гипотеза, показывающая, что все они, прежде всего, играли существенную роль в организации системы ориентировки жителей Севера, а лабиринты являлись еще и первыми известными календарями древней цивилизации [1, 5]. Вехами освоения территории Северного

края художник видел походы воинов, путешествия купцов по речным, озерным и морским дорогам, а также волоки. Сказанное позволяет по-новому использовать наследие Н.К. Рериха.

Литература

1. Григорьев Ал.А. Священные места Озерного края России. – 2-е изд. испр. и перераб. – СПб: ВВМ при СПб ГУ, 2010. – 365 с.

2. Григорьев Ал.А. Знаки и образы в географическом страноведении. – СПб.: Тесса, 2010. –344 с.

3. Григорьев Ал.А. Знаковые феномены геокультурного пространства Европейского Севера в произведениях Н.К. Рериха // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геол. и география. – 2010. – Вып. 3. – С. 72-81.

4. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Культурная география : шаг к истокам? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геол. и география. – 2011. – Вып. 3. – С. 37-45.

5. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н. Древнее наследие Северо-Запада России. Географические аспекты. – СПб.: Астерион, 2012. – 130 с.

И.А. Жерносенко,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул Алтайского края);
Д.И. Мамыев,
БУ РА «Каракольский (этно)природный парк «Уч Энмек» (Республика Алтай)

Реализация концепции ноосферного туризма в условиях культурных ландшафтов Горного Алтая

Различные виды туризма зависят от цели путешествия. Среди них различают такие, как рекреационный, экологический и разновидности паломнического: религиозный, паломнический, сакральный и эзотерический.

Одним из новых направлений паломнического туризма является ноосферный туризм. Ноосферные туры осуществляются на территории с относительно нетронутой природной средой и сохранившимися культурно-этнографическими особенностями местного населения, а также способствуют их сохранению и устойчивому развитию территории. Главным отличием ноосферного туризма от экологического является то, что ресурсный потенциал местности также способствует формированию ноосферного мышления.

Ноосферный туризм преследует те же цели, что и рекреационный и основывается на наличии рекреационного ресурса, но это новый тип ресурса. Ноосферный тур возможен в тех регионах, где оптимально и гармонично сочетаются этнографический, экологический, историко-культурный, геологический, геофизический, географический и философско-ментальный потенциал местности.

Одной из важнейших составляющих ноосферного туризма является погружение в социокультурную среду региона с целью внутренней инициации и обретения осознания собственного предназначения, утраченных знаний о мироздании. Данный вид туризма способствует созданию системы сонастройки организма человека – его тела, души, ума, всей его жизни – в резонанс с ритмами Вселенной.

Ноосферный туризм – это путешествия в местности, где существует тонкая взаимосвязь человека с энергоинформационным полем планеты, более тонкая трансляция энергий во времени и пространстве, обеспечивающаяся за счет высокой концентрации духовной энергии. Этот вид туризма решает задачу: как человеку, взаимодействуя с Природой и своим внутренним миром, стать более здоровым, развиться духовно, повысить уровень экологического сознания, а также выполняет глобальную функцию: способствует восстановлению экологичного взаимодействия человека с ноосферой Планеты.

Ноосферный тур предполагает поочередное прохождение трех уровней «посвящения»: историко-культурного (освоение смыслов традиционной культуры через ознакомление с историко-культурным наследием территории); эзотерического (постижение самого себя); ноосферного (осознание себя в космо-планетарных процессах). Данный маршрут предполагает путешествие к сакральным местам в узком

кругу лиц, с использованием на маршруте элементов духовной практики в рамках этнических правил и аскетичного питания.

По мнению ряда исследователей, биосферно-ноосферный потенциал Алтая способен обеспечить экологическую безопасность и устойчивое развитие не только Алтайского региона, но и внести существенный вклад в укрепление глобальной экологической безопасности, поскольку Алтай является не только географическим, но и геополитическим, этнокультурным и биосферным центром Евразии. Каждый тип культуры, возникающий в том или ином регионе, целиком сформирован ландшафтами данного региона, и его историческое развитие полностью предопределено развертыванием во времени информационного кода данного региона. По этой причине коренные народы, с древнейших времен проживающие в конкретных ландшафтах, сами являются носителями их информационного кода.

Коренные народы считывают духовный замысел природы с ландшафтов своего обитания и предъявляют его другим народам в форме явлений духовной и художественной культуры. Миссия любого коренного народа заключается в том, чтобы выявить духовный замысел данной территории, и запустить его в жизненный круговорот культур. Таким образом, исследователи указывают на природно-культурное единство и зависимость жизнедеятельности общества, принятых в нем норм и ценностей от функционального планетарного назначения территории.

Алтай с древнейших времен почитался как особое, священное место. Большое количество сакральных центров Алтая (погребальных, поминально-обрядовых, археоастрономических) свидетельствует о том, что данная территория использовалась древними жителями Алтая для трансляции энергий во времени и пространстве. То есть Алтай воспринимался как аккупунктурная точка планеты, выполняющая функцию «пуповины», соединяющей Землю и Небо, через которую происходит постоянная их взаимосвязь. Таким образом, на Алтае сформирован универсальный общепланетарный полюс, расположенный в центре Евразии, с высокой концентрацией духовной энергии [2, 3].

А.С. Суразаков считает, что у горных этносов всегда существовала более жесткая связь с вмещающим ландшафтом, что превращало их

в своеобразные конденсаторы культурного разнообразия значительно более обширного региона, чем они занимали. Каждую культуру можно рассматривать не только как отражение планетарного значения данной территории, но и как точку духознания, участвующую в общем процессе духовной гармонизации и обретения человечеством ноосферного единства [4, 5]. Предназначение Алтая заключается в возрождении миропонимания, основанного на Духовной Экологии, путем развития в человеке «интуитивного внутреннего света», который является основой духовного возрождения. Эти утверждения подтверждают глобальную функцию Горного Алтая в формировании устойчивого развития всей Планеты.

Жители Алтая, являющегося одним из узлов энергоинформационной сети, структурируют все пространство Планеты посредством конденсации полученной энергии в системе ритуальных комплексов. Это подтверждается тем, что большинство сакральных центров Алтая представляет собой ритуальные площадки, которые не имеют захоронений, их предназначение – геопсихического характера.

Подобные комплексы сооружались в особых местах, так называемых «местах силы», отмеченных геологическими аномалиями, необычными геофизическими полями, где качество геолого-геофизической среды наиболее изменчивое и энергоемкое.

Большинство человеческих культур связывало подобные места с возможностью общения с высшими планами Вселенной, достижения с их помощью гармонии человека и природы. Согласно подобным представлениям, различные культовые сооружения, построенные в этих местах, играли огромную роль в благополучии проживающего здесь народа, усиливали их благотворное действие на человека и окружающую среду, позволяли гармонизировать отношения человека и природы.

В результате последних научных исследований стало известно, что подобные культовые места оказывают воздействие на психическое и эмоциональное состояние человека, находящегося на (и вблизи) них. Причем для одних людей такое воздействие положительное, для других – отрицательное. К тому же, духовная, эмоциональная и физическая подготовка человека также оказывает значительное воздействие на

магнитные поля самих культовых мест. А человек, находящийся вблизи них, способен индуцировать эффект своего состояния на окружающих людей и животных, находящихся на значительном расстоянии от культовых мест. В связи с этим, хотя существует мнение, что Горный Алтай преображает людей, но он же предъявляет повышенные требования к духовно-нравственному уровню развития всех посетителей данной местности.

Исходя из утверждений исследователей о том, что коренные жители Алтая сохранили вековую сакральную связь с территорией своего проживания, и все знания, культурные и научные достижения этого народа являются проявлением их глубинных взаимосвязей со своей землей, особенностями ее энергоинформационного поля, можно выделить новый вид ресурса, пронизывающий все пространство планеты, - ноосферный. Он распределен по пространству Земли неравномерно. К регионам с максимальной концентрацией этого ресурса, наряду с известными в качестве культурных очагов регионами Центральной Америки, Ближнего Востока, Тибета, относится и Горный Алтай. Алтай является естественным очагом развертывания ноосферных программ и ноосферных технологий, в частности развития ноосферного туризма.

Развитие ноосферного туризма в условиях ООПТ (особо охраняемых природных территорий) наиболее оптимально, поскольку именно на этих территориях этноэкологические, историко-культурные, геолого-геофизические и философско-ментальные особенности территории и культура коренных жителей сохранены и поддерживаются в традиционной форме. ООПТ – это территории, на которых природное и культурное наследие представлено в органичном единстве. Задача сохранения археологических, этнических и исторических артефактов в природной среде – это задача сохранения культурного ландшафта. Последний, для того чтобы быть культурным, должен оставаться пространством для деятельности: сельскохозяйственной, ресурсопользовательской, ремесленной, причем деятельности в ее этнически укорененных формах, что реализуется на территориях природных парков (ПП), этноприродных и природно-хозяйственных парков (ПХП). Культурный ландшафт должен оставаться ландшафтом, т.е. набором

геосистем, уникальных в природном отношении. Но забота об их сохранении не должна сводиться к одним только мерам запретительного характера. Конструктивное использование уникального алтайского биосферно-ноосферного потенциала дает возможность Горному Алтаю выполнить задачу историко-природной территории послужить в интересах всех народов планеты. Это возможно благодаря, в том числе, развитию туризма в условиях природных парков, где сочетаются природоохранные, просветительские и рекреационные цели.

Каракольская долина, в которой расположен «Каракольский (этно) природный парк «Уч Энмек», обладая богатейшими историко-культурными ресурсами, представляет собой локальную сеть древних сакральных центров, функционирующую по сей день. Разработанный специалистами по заказу администрации парка новый тип рекреации – ноосферный тур, воплощает в себе духовно-экологические принципы бытия, на основе которых строили свою жизнь многие тысячелетия коренные народы. В ходе тура эти принципы осваиваются современным человеком не просто на умозрительном уровне, а становятся частью его личностного самосознания, образом его мысли и действий.

Литература

1. Иванов А.В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы [Электронный ресурс] / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. – Режим доступа: http: / occ.pyramidin.com/#A9. – Загл. с экрана.

2. Жерносенко И.А. Современные подходы к изучению сакральных центров Алтая как основа для формирования ноосферного типа мышления / И.А. Жерносенко, Д.И. Мамыев // Алтайский текст в русской культуре: материалы третьей региональной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, 4-6 мая 2006 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 101-111.

3. Мамыев Д.И. Духовная экология и культура в XXI веке [Электронный ресурс] / Д.И. Мамыев. – Режим доступа: http: / www.altai-eurasia.ru/bilik/Posled.doc. – Загл. с экрана.

4. Суразаков А.С. Духовность Алтая в исторической перспективе [Электронный ресурс] / А.С. Суразаков. – Режим доступа: http: / altay-250-letie.ru/konfer/surazakov.html. – Загл. с экрана.

5 Суразаков А.С. Алтай в центре евразийского этнокультурного синтеза [Электронный ресурс] / А.С. Суразаков. – Режим доступа: http: / mosspace.ru/index.php?option=content&task=view&id=169. – Загл. с экрана.

Е.С. Куприянова,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Частотные зооморфные образы олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»

В последнее время особую актуальность приобретает герменевтический аспект изучения архаических фольклорных текстов. Это связано со все возрастающей значимостью проблемы понимания текста, удаленного от нас на значительное историческое расстояние. Необходимость интерпретации мифопоэтического текста возникает также из мотива его иносказательного метафорического содержания. «Образам якутского эпоса присуща иносказательность; тексты олонхо, весьма устойчивые и консервативные, содержат древнейшие сведения эзотерического характера <…>» [1, с. 81].

Олонхо – крупный и синкретичный жанр фольклора – вобрал в себя сложную систему символов, отражающих национальное своеобразие и специфику культуры народа саха. Система символов в якутском эпосе – многовековое наследие, носящее в себе многослойную информацию об образе жизни, о мировоззрении, психологии древних якутов. Экспрессивность символов достигается разными средствами. Особое значение в символике имеют зооморфные образы.

Часто в эпических формулах используются орнитоморфные и «зооморфные символы, являющиеся классификаторами пространственных направлений, времен года, гендерных различий, а также способом объяснения природы человека и социальных отношений <…>. Они сохраняют наглядный образ и вместе с тем несут значительный объем информации, выполняя смыслообразующую функцию» [1, с. 82].

Между тем в якутской фольклористике эта тема мало изучена. Народные представления о мире фауны образуют особый фрагмент традиционного мировоззрения якутов и позволяют осмыслить так называемый зоологический код культуры саха.

Цель нашего исследования – исследовать частотные зооморфные образы для изучения символики и семантики в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур».

Наиболее часто в этом олонхо встречается образ коня (188 раз). Частоту этого образа мы связываем с культом коня во многих тюркских культурах, и в частности, в эпосах многих тюрко-монгольских народов. В трудах многих ученых (Р.С. Липец, С.П. Нестеров и т.д.) подчеркивается, что «конь в эпосе покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, быстроте реакции в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющий себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость. Даже в чувстве долга он иногда стоит выше, чем героический батыр» [2, с. 124-125]. Чтобы наглядно представить частотные зооморфные образы, обратимся к таблице.

Ат ‘конь’	188
Кулун ‘жеребенок’	98
Атыыр ‘самец’	61
Кыыл ‘зверь’	45
Сылгы ‘лошадь’	49
Сүөһү ‘рогатый скот’	59
Оҕус ‘бык’	57
Биэ ‘кобыла’	27
Соноҕос ‘жеребец 3 лет и старше’	27
Анах лит.: *ынах* ‘корова’	25
Эһэ ‘медведь’	24
Балык ‘рыба’	21
Күөрэгэй ‘жаворонок’	21
Кыталык ‘стерх’	17
Эрдэҕэс ‘самка глухаря’	14
Чыычаах ‘птица’	14
Суор ‘ворон’	14

Образы *соноҕос* ‘жеребца’, *атыыр* ‘самца’, *биэ* ‘кобылы’, *кулун* ‘жеребенка’, *сылгы* ‘лошади’ часто употребляются сказителем в сравнениях. В олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» образ богатырского коня описан в именной формуле эпического героя.

Конь эпического героя Кулун Куллустуура необыкновенный, можно сказать, фантастический [3, с. 8, 286].

Кулгааҕар кураҕаччы кыыллаах,
Кэтэҕэр кэҕэ кыыллаах,
Санныгар сар кыыллаах,
Көхсүгэр көҕөн кыыллаах,
Өттүгэр өтөн кыыллаах,
Борбуйугар борчук куобахтаах,
<…>.
С кроншнепом-птицей на ушах,
С кукушкой-птицей на загривке,
С сарычем-птицей на лопатках,
С селезнем-птицей на крупе,
С голубем-птицей на бедрах,
С серыми зайчатами на подколенках,
<…>.

Реликты особого жанра славословия богатырскому коню в тюркских, в частности в казахском и узбекском эпосах отметила Липец Р.С. [2, с. 125]. В якутском олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» эпическая формула-описание коня имеет схожие мотивы.

Вторыми по частоте можно назвать образы птиц. В тексте олонхо, преимущественно в метафорах и сравнениях, встречается 18 видов. Из них наиболее часты образы ворона, стерха, кукушки, журавля, связанные с сакральной стороной жизни древних якутов. Приведем описание просторного жилища богатыря в форме сложного сравнения. В якутской мифологии обширность жилища – признак близости или родства с верховными божествами айыы. В эпической формуле, описывающей его, образы птиц вписаны в знаковое пространство [3, с. 15, 292-293]:

Хаҥас диэки турар киһи
Хараҥаччы саҕа буолан көстөр,

Уҥуо диэки турар киһи
Улар саҕа буолан көстөр,
Кэтэҕэриин диэки турар киһи
Кэҕэ саҕа буолан көстөр,
Суол айаҕын диэки турар киһи
Суор саҕа буолан көстөр.

Человек, стоящий на левой его стороне,
Кажется величиною с ласточку,
Человек, стоящий на правой его стороне,
Кажется [ростом] с глухаря,
Человек, стоящий у противокаминной стороны,
Кажется величиной с кукушку,
Человек, стоящий у дверей,
Кажется с ворона.

В этой эпической формуле образы птиц соотнесены со знаковыми характеристиками основных зон якутского балагана: правый/левый, мужской/женский и т.п. Образу глухаря противостоит ласточка. С ней сравнивается человек, стоящий у левой стороны дома. Кукушка и ворон как шаманские птицы имеют двойственный характер, являются посредниками между жизнью и смертью, летом и зимой.

По материалам якутских фольклористов, образы этих птиц используются как символы в различных жанрах и обрядовой практике [4, с. 295].

К примеру, кукушка – одна из самых мифологизированных птиц с ярко выраженной символикой. В песенных текстах она выступает как символ плодородия, вестница счастливой жизни. Птица имеет постоянные эпитеты *кэрэ куоластаах* или *кэрэ саҥалаах* ‘с прекрасным голосом’, *кэрэ суон кэпсэллээх* ‘с прекрасной гулкой речью’ [5, с. 42].

Образ кукушки, связанный с идеей возрождения жизни, соотносится с миром предков, родовой горой. Древние тюрки верили, что люди, умирая, неизбежно возвращаются в родовую гору, с тем, «чтобы вновь слиться с этим «родовым единством» и послужить материалом для создания новых людей» [1, с. 88]. Идея симметричности рождения и

смерти в пространственном аспекте, характерная для архаичного мировоззрения, нашла отражение в текстах фольклора [6, с. 147].

Таким образом, в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» зооморфные и орнитоморфные образы имеют различные функции в системе тропов, используются как символы в эпических формулах. Чаще всего в тексте встречаются образы коня и птиц, которые имели в мифологии и культуре саха сакральное значение.

Литература

1. Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.

2. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 263 с.

3. Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо / сказитель И.Г. Тимофеев-Теплоухов. – М.: Наука, 1985. – 608 с.

4. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 2008. – 494 с.

5. Якутские народные песни. – Якутск: Кн. изд-во, 1976. – Ч. 1. Песни о природе. – 232 с.

6. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 218 с.

Д.В. Милохин, Т.Ю. Витязева,
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
(г. Сыктывкар Республики Коми)

Традиционные этнокультурные ландшафты Севера как устойчивый ресурс развития регионального туризма
(на примере детского Международного этноэкологического лагеря)

Сегодня, в эпоху глобализации, становится очевидно, что у северных стран множество общих интересов во всех сферах сотрудничества

и развития. Это не только освоение ресурсов, развитие транспортных путей и отраслей промышленности, но и развитие туризма, обеспечение экологической безопасности, сохранение энергетического и, что самое главное, – человеческого потенциала Севера.

Коренные этносы Севера – кладезь древних традиций, самобытной культуры, уникальных языков, особой этики отношения к природе, заключающейся в осознании себя частью ойкумены. Благодаря этому сохраняются не только народные промыслы и ремесла, но и традиционная «охранительная» культура ведения хозяйства, которая не разрушает окружающую среду, а гармонично вписана в ее естественное состояние.

В этом смысле опыт Республики Коми (РК), безусловно, заслуживает внимания. Коми народ юридически не относится к коренным малочисленным народам Севера, однако обладает лучшими чертами народа «северной идентичности», богатыми культурными традициями и большим опытом традиционного природопользования, а значит и устойчивого развития.

Наш регион чрезвычайно богат уникальными природными территориями. В условиях высокой ранимости экосистем природных ландшафтов Севера особо актуально экологическое просвещение населения, которое можно проводить различными способами. Одна из таких форм – эколого-этнографический туризм, означающий путешествие в места с относительно нетронутой природой с целью получить представление о природных, культурно-этнографических особенностях данной территории.

В соответствии с нормативными документами (1), к полномочиям Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды РК отнесено проведение работы по информационному обеспечению и пропаганде знаний по вопросам природопользования и охраны окружающей среды, участие в экологическом просвещении населения в РК. Эта задача реализуется подведомственным ГБУ РК «Республиканский экологический центр по охране и изучению восточно-европейских тундр». Также в состав Минприроды РК входит отдел реализации международных и межрегиональных программ (нач. Тюпенко Т.И.), координирующий международные проекты, одним из которых является «Экологическое и культурное образование как инструмент

международного сотрудничества» (совместно с Институтом экологического образования г. Рантасалми (Финляндия), с 2007 г.). В рамках этого проекта в июне 2012 г. планируется проведение Международного этноэкологического лагеря для заинтересованных экологией детей финно-угорского мира, где ребята познакомятся не только с особо охраняемыми территориями трех районов РК, но и будут изучать особенности традиционной культуры народа коми.

К особым этнокультурным ландшафтам можно отнести ряд поселений на территории республики, с которыми предстоит ознакомиться участникам данного проекта. Коми село Ыб Сыктывдинского района известно святыми источниками с целебной водой и церковью Вознесения Господня (постр. 1825-1830). История села связана с именем православного просветителя коми-зырян XIV в. Стефана Пермского. В числе природных объектов с. Ыб – выходы отложений юрского периода и голубой глины, можжевеловый пруд (2). Историко-культурные достопримечательности: здание земской школы 1892 г.; Шойнаягский могильник (V-VI вв.); Чудское городище (XIV в.), дом заслуженного коми художника Р.Н. Ермолина. На базе с. Ыб осуществляется самый крупный проект Правительства РК в области развития туризма – создание многофункционального комплекса «Финно-угорский этнокультурный парк».

В селе Усть-Вымь (включено в Большое Золотое Кольцо России) Стефан Пермский в конце XIV в. основал центр Пермской епархии. Сегодня здесь открыты Стефановская и Михайло-Архангельская церкви. В Усть-Выми организован Историко-этнографический музей, есть крестьянский дом (1880-е гг.) с историческим интерьером жилых помещений.

Корткеросский район занимает первое место в РК по числу ООПТ (35 объектов республиканского значения), среди них – болотные, комплексные, ихтиологический, лесной, кедровый заказники. Поэтому одним из перспективных направлений развития туризма может стать экологический с элементами этнографии, т.к. особенности культуры коми народа, его обычаи, обряды, национальная кухня нашли отражение в массовых праздниках.

В лагере ребята не только познакомятся с уникальными природными объектами и экосистемами Сыктывдинского, Корткеросского и Усть-Вымского районов, но и узнают особенности традиционной культуры народов Коми, проникнутся красотой родного края.

Экологическое образование является непременным условием формирования экологической культуры. В РК существуют традиции экологического просвещения и экологического туризма, которые охватывают все возрастные категории населения – от дошкольников до пенсионеров. И большое значение в этом играет деятельность Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды РК.

Литература

1. О Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми: Указ Главы Республики Коми [от 12 августа 2009 г. № 92] // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. – 2009. – № 27. – С. 491.

2. Мельникова Н. Республика Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми респ. типография», 2011. – 16 с.

Г.Н. Паранина, Д.А. Субетто,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Семиотика географического пространства и освоение Севера

По силе воздействия на процессы, протекающие в географическом пространстве (более 90%), доминирует Солнечная энергия, ее потоки формируют разнообразие зональных комплексов и связывают все объекты в единую глобальную систему. Но не менее важно его годовое и суточное движение, которое создает систему устойчивых, следовательно, надежных ориентиров в пространстве-времени. Поскольку вся

культура, так или иначе, связана с Солнцем [1], представляется необходимой разработка понятия о солярной культуре – части опыта человечества, которая отражает взаимодействие с Солнцем во всех его проявлениях: вещественно-энергетическом и информационном.

Энерго-информационное значение Солнца особенно ярко проявляется в освоении Арктического пространства, где хозяйственная активность в годовом цикле приходится на период белых ночей и полярных дней. Здесь не обойтись без ориентирования по Солнцу и древнейшего астрономического инструмента, каким является гномон – вертикальный предмет, тень которого в полдень указывает на север и позволяет определить географическую широту, а астрономический азимут тени на восходе/заходе Солнца позволяет определить сезоны года. Исследования на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага Белого моря в 2009-2011 гг. показали, что одиночный камень или каменное сложение в центре биспиральных лабиринтов выполняет роль гномона, а структура всего сооружения оптимально соответствует выполнению функции солнечных часов, компаса и календаря [2-5]. Возраст лабиринтов, определенный методами астроархеологии (6000 л. +/- 500 л.) согласуется с датировками осушения береговых террас, полученными для островов Соловецкого архипелага [7].

Другая особенность семиотики географического пространства Севера: «только на этих особенных параллелях один раз за каждые сутки линия горизонта пересекает одновременно все зодиакальные созвездия. Ежесуточно на Северном полярном круге в 18 часов Звездного времени плоскости истинного горизонта и эклиптики совпадают» [6, с. 127]. Не случайно Полярная звезда получила название Коло, подчеркивающее её центральное неподвижное положение на оси Мира, по аналогии с гномоном – колом, вокруг которого в каменном круге – модели горизонта, вечно вращается тень и Солнце.

Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия с учетом региональной специфики природных процессов позволяют лучше понять этапы освоения территории, пути хозяйственного и духовного развития общества.

Литература

1. Паранина Г.Н. Свет в лабиринте: время, пространство и информация. – СПб.: Астерион, 2010. – 123 с.

2. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Лабиринт: ориентация в географическом пространстве и эволюция знака // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: материалы IV Поморских чтений по семиотике культуры (Пинежский заповедник, 7-11 июля 2009 г.). – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – С. 516-518.

3. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами культуры // Общество. Среда. Развитие. – СПб.: Астерион, 2009. – № 4. – С. 120-134.

4. Паранина Г.Н., Паранин Р.В., Субетто Д.А. Северный лабиринт – отражение Арктического пространства и времени // Известия РГО. – Т. 141. – Вып. 6. – СПб.: Наука, 2009. – С. 66-75.

5. Скворцов А.П. Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М., 1990. – С. 282-300.

6. Смирнов С.С. Двенадцать лучей звезды Петербург. Космография северной столицы // Время. Ландшафт. Культура: материалы научн.-практ. семинара «Этнокультурная география и семиотика географического пространства». – Вып. 2. – СПб.: Астерион, 2011. – С. 126-129.

7. Субетто Д.А., Кузнецов Д.Д., Шевченко В.П., Лудикова А.В., Сапелко Т.В., Субетто Г.Д. Палеолимнологические исследования колебаний уровня Белого моря в голоцене на Большом Соловецком острове // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (Апатиты, 12-17 сентября 2011 г.). – Т. 2. – С. 250-252.

Я.С. Рудь,
Национальная Академия руководящих кадров культуры и искусств (Украина)

Культурный потенциал сельского зеленого туризма Украины в проектной идеологии

Значительная роль в формировании экологической культуры современного общества принадлежит сельскому зеленому туризму, который рассматривается нами как специфическая форма отдыха в частных хозяйствах сельской местности с использованием имущества и трудовых ресурсов личного крестьянского, подсобного или фермерского хозяйства, рекреационных особенностей местности и культурного, исторического, этнографического наследия региона с целью возобновления физических сил и удовлетворения культурных потребностей человека.

Сельский зеленый туризм развивается на территории сельских поселений, где существуют условия как для длительного, так и кратковременного отдыха: экологически чистый ландшафт, сельское жилье, пригодное для приема туристов, необходимы объекты обслуживания.

В пределах сельского зеленого туризма Украины использование проектного подхода позволяет создать уникальные туристические проекты, предложить абсолютно новые концепции развития туристической отрасли, которые можно было бы реально воплотить на практике.

Социально-культурное проектирование – это специфическая технология, которая представляет собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, которые характеризуют желаемое состояние объекта, разработке путей и средств достижения поставленных целей [4].

Основными направлениями социально-культурного проектирования в сфере сельского зеленого туризма являются:

проектирование среды (ячейки сельского зеленого туризма);

проектирование воспитательных программ, целью которого является экологическое воспитание;

проектирование досуговых и рекреационных программ;
проектирование бытовых услуг;
проектирование экспозиционных структур села;
проектирование массовых мероприятий;
проектирование культуры кухни [3].

Такой подход предоставит возможность удовлетворения разнообразных культурных запросов и инкультурации участников сельского зеленого туризма через актуализацию исторической памяти, расширение культурного кругозора, формирования гуманистического мышления и мировоззрения. Ведь сельский зеленый туризм обеспечивает непосредственный контакт человека с природой и культурно-историческими достопримечательностями сельской местности, дает возможность почувствовать себя частицей этнической среды, в которой он находится и позволяет обнаруживать перспективные культурологические тенденции социального и культурного развития общества.

Литература

1. Воронкова В.Г. Розвиток туризму як соціального і культурного явища в умовах глобалізації та крос-культурної комунікації / В.Г. Воронкова // Наукові записки Київського університету туризму, економіки і права. Серія: філософські науки.. – К.: КУТЕП, 2010. – Вип. 8. – С. 23-35.

2. Грей К.Ф. Управление проектами: практическое руководство / К.Ф. Грей, Є.У. Ларсон ; пер. с англ. – М. : Дело и сервис, 2003. – 527 с.

3. Петрова І.В. Проектування в соціокультурній сфері : навч. посіб. / І.В. Петрова. – К. : КНУКіМ, 2007. – 372 с.

4. Управління проектами : навч. посіб. / О. В. Ульянченко [та ін.]. – Х.: ХНАУ ім. В.В. Докучаєва, 2010. – 522 с.

А.А. Ховалыг,
Тувинский государственный университет
(г. Кызыл, Тыва)

Развитие туризма в Республике Тыва

Слово «туризм» происходит от корневой основы «тур», что означает прогулка, путешествие. Туризм способствует воспитанию любознательности, волевых качеств. Знакомство с новыми районами, природой, встречи с людьми обогащают человека. Многие видные деятели науки и культуры связывают свой отдых с туризмом.

Подходы к проблеме изучения туристских центров могут быть разными. Наиболее распространенный и традиционный предполагает объективную заданность рекреационного потенциала, т.е. наличие определенного ресурса, либо наследия, присущего данной местности, благодаря которым и возникает интерес, что, в свою очередь, вызывает туристские потоки из других мест.

Одним из перспективных направлений и инструментов устойчивого развития республики является туризм. Туризм оказывает существенное благотворное влияние на развитие экономики, совершенствует и социальную структуру общества, создавая новые рабочие места. Есть все основания утверждать, что туризм имеет экономический и социальный эффект. Особенности и потенциал регионального рынка туруслуг, перспективные направления развития туризма являются актуальными.

Наиболее популярны следующие виды активного отдыха: рафтинг, спортивная охота и рыбная ловля, автомобильный, пеший, конный, экотуризм.

Находясь в географическом центре азиатского материка, Тыва располагает неповторимым разнообразием живописных ландшафтов. Здесь расположены 16 заказников, 14 памятников природы и два заповедника. Государственный природный биосферный заповедник «Убсунурская котловина» является памятником всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Основные туристические достопримечательности и культурно-этнографические объекты: Убсунурский биосферный заповедник, Курган Аржаан (древнейший скифский памятник), древнеуйгурская крепость «Пор-Бажын» на озере Тере-Холь, один из крупнейших храмовых комплексов – Устуу-Хурээ, памятник Орхоно-енисейской письменности (около 150 камней с письменами), Скалы-верблюды, дорога Чингисхана.

Познакомиться с историей, культурой, наукой, природой республики в центре Азии поможет посещение в Кызыле Тувинского национального краеведческого музея имени Алдан Маадыр.

Тыва – родина аржаанов, целебных источников. Наиболее крупные из них – горячие источники Уш-Белдир (Северный аржаан) и Тарыс (Южный аржаан) в горах восточной Тывы на хребте Академика Обручева с температурой воды от 52 до 85 градусов. Население республики широко использует холодные аржааны Шивилиг, Уургайлыг, Когээн-Булак, Хемчик, Кара-Суг, Торгалыг, Улаатай, Маннайлыг и др.

Тыва богата природными лечебными водами – солеными и грязевыми озерами, минеральными и пресными аржаанами. Многие аржааны, соленые и грязевые озера имеют уникальные свойства и находятся в особых природно-климатических условиях, в живописных местах.

В республике имеются 13 действующих турбаз на 219 мест, из которых две были реконструированы. На реконструкцию и открытие объектов турбизнеса инвестировано более 21 млн рублей, из них свыше 19 млн руб. – за счет собственных средств индивидуальных предпринимателей, остальные средства за счет муниципальных образований и программы «Снижение напряженности на рынке труда».

Новые турбазы приняли в прошлом году 9,5 тысячи гостей. Стоимость места в сутки составила от 200 до 1 000 рублей. Совокупная прибыль составила 4,5 млн рублей. На вновь созданных объектах трудоустроено 70 человек.

Всего же республику посетили 33 тысячи туристов из стран СНГ и дальнего зарубежья.

В целях нормативно-правового обеспечения туристской деятельности разработаны и утверждены 14 нормативно-правовых актов. Постановлениями правительства республики образовано государственное

автономное учреждение «Информационный центр туризма Республики Тыва», целью которого является продвижение на международный рынок туруслуг и создание единого информационного банка данных о туристском потенциале Тывы.

Основные направления деятельности Информационного центра туризма:

– информационное обеспечение продвижения республиканского туристского ресурса на внутреннем и мировом рынках;

– создание единого информационного туристского пространства для содействия развитию сферы туризма;

– организация акций и мероприятий совместно с государственными, общественными, частными структурами на местном, региональном и международном уровнях;

– сотрудничество с зарубежными, национальными и международными организациями, объединениями, союзами, ассоциациями;

– содействие установлению и развитию деловых контактов предприятий туриндустрии на внутреннем и внешнем туристских рынках;

– разработка, издание и распространение информационных, рекламных материалов о туристском предложении.

Специалистами центра проведено более 10 семинаров по вопросам создания собственной турфирмы, составления бизнес-плана, реализации турпродукта, паспортизации маршрутов, обеспечения безопасности и страхования туристов, оформления земель под туристские базы, 3 семинара, посвященных развитию аграрного туризма. По итогам проведенных семинаров сертификаты получили более 200 слушателей.

Выставка-презентация «Регионы России. Тыва – республика в центре Азии» с успехом прошла в столицах Европы: Хельсинки, Варшаве, Берлине, Вене, Брюсселе, Мадриде, Париже.

Создание современной туристской инфраструктуры объявлено приоритетной задачей Тывы на среднесрочную перспективу. Сегодня правительство республики утвердило Стратегию развития туризма в регионе до 2020 г. Ожидается, что за 8 лет даже при инерционном сценарии ее реализация позволит как минимум на 20% увеличить поток туристов, приведет к росту количества новых рабочих мест, вдвое

повысит объем налоговых поступлений, в 4 раза активизирует инвестиции в отрасль, а также в 1,5 раза прибавит объем туристско-экскурсионных услуг.

Литература

1. Адигам Барлыбаев, Газинур Насыров. Агротуризм в Башкортостане / Адигам Б., Газинур Н. // Экономика сельского хозяйства России. – 2009. – № 3.

2. Богдановская Наталья. Год туризма востребован в Туве / Богдановская Н. // Тувинская правда. – 2010. – № 91.

3. Кужугет Шойгу. Перо черного грифа // Новости Тувы. г. Кызыл, 2001.

4. http://holidays.tuva.ru.

5. http://tuvainfo.travel.ru.

Секция 4. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС ИЛИ КОЭВОЛЮЦИЯ

Л.Н. Афанасьева, Т.П. Афанасьева,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Массовая педагогика и современное общество

Вроде бы все ясно, современное индустриально-технотронно-информационное общество и школа тесно связаны. Современное общество, традиционная массовая педагогика и соответствующие ей педагогические системы возникают как средство и условие сохранения и воспроизводства культуры, передачи опыта человечества от поколения к поколению, и школа во все времена была предназначена воспроизводить и поставлять пригодных для общества индивидов.

Изменения, происходящие в современном обществе, ведут к конкретному человеку. Современный человек должен соответствовать новому качеству жизни, и подготовка его является главной необходимостью современного образования. Каждая эпоха предлагает свою интерпретацию решения проблем образования. Современная педагогика пересматривает ГОСТы, проводит реформу оплаты труда учителей, модернизацию образования, вводит новые предметы в учебные планы и др.

Образовательные формы и программы множатся. Количество охваченных и вовлеченных в них людей растет в геометрической прогрессии. Все больше людей стремятся получить не одно, а несколько образований. Складывается впечатление, что «постиндустриальное общество должны населять люди, у которых количество дипломов об образовании должно превышать количество книг на личной полке» [1].

Ученость воспевается не только в XXI веке, но и в XIX, XVIII веках. Проблема здесь состояла и состоит в том, что развитие образования, расширение сферы его действия, углубление и специализация

все больше оттесняют и оттеняют естественные механизмы социализации. Сельский пахарь-крестьянин не мог научить своего ребенка высшей математике, но то, чему он его учил личным примером, было менее энергетически затратно, происходило как бы само собой.

На пути передачи социальных навыков из поколения в поколение естественным путем, духовно объединяющем поколения (родителей и детей), прочно обосновалась массовая педагогика.

Сегодня массовая педагогика ведет экспансию на все новые и новые области, вводятся новые предметы: БЖД, история религий, половое воспитание, этика и др., но вот что странно, заниматься «натаскиванием» детей по школьным предметам становится прерогативой родителей, которые вынужденно нанимают репетиторов. Парадокс!

Современному обществу нужен качественно подготовленный специалист – гарантию своего рабочего места на перспективу каждому человеку приходится зарабатывать, а не получать, как это было раньше. Качественно подготовленный специалист получает не столько возможность выбирать, сколько быть выбранным на рынке труда. Выбирая, любой работодатель, в том числе и школа, все больше стремится к увеличению процента творческих работников, так как доучить и переподготовить таких людей в постоянно меняющемся мире экономически выгоднее: дешевле, быстрее и проще, чем привычный контингент исполнителей. Медленно, но неизбежно страна привыкает считать вложенные в образование средства. Но как подготовить в массовой школе такого специалиста?..

История педагогики подтверждает, что светское образование в XVII-XVIII вв. было индивидуальным, домашний учитель (гувернер) выпускал «штучный товар», что более соответствует работе на конкретного человека, нежели сегодняшнее «конвейерное производство» массовой школы. Понять и принять сейчас такую позицию так же трудно, как и приступить к ее педагогической реализации.

Во времена Сократа многочисленность слушателей в педагогике не была препятствием к диалогичности обучения, но современная массовость образования и нагнетание информационной нагрузки ведет к естественному сопротивлению, т.к навязанный обществу вид деятельности по всем канонам вайленсологии соответствует понятию «струк-

турное насилие». А насилие рождает насилие, которое проявляется во взаимоотношениях между учащимися, агрессивном отношении к преподавателям, воровстве и порче школьного имущества.

Два года назад с разрывом в три дня по телевизору показали два страшных сюжета про школу. В первом сюжете мальчику-первокласснику учительница заклеила рот скотчем, чтобы тот не болтал на уроке, не мешал вести урок. В другом сюжете двое бандитов в США расстреляли двенадцать учеников и одного учителя и ранили двадцать человек прямо в школе. По сообщениям агентств, двое убийц – бывшие ученики этой школы. В прошлом году на телевидении появился сюжет об избиении 73-летней учительницы физкультуры учениками школы в Иркутской области, в этом году в газетах появилась статья о драке между девочками одной из школ г. Якутска, приведшую одну из них на больничную койку.

Такие явления происходят не только в России, они разрастаются в Европе и повсюду в мире. Таковы выводы второй всемирной конференции по насилию в школе, которая состоялась в Канаде в мае 2003 года. Совет Европы убежден, что для решения этой проблемы необходимо задействовать механизмы консультационной и посреднической помощи и обеспечивать демократическое участие всех учащихся и преподавателей в жизни школы. Но ведь неформализованные знания передать путем бесед, консультаций невозможно, здесь все глубже – мастерство отца-косаря можно передать лишь посмотрев и скопировав действие. Личный пример – аналогия, вот что важно.

И последнее. Учителя, как никто другой, понимают и знают, что средний человек способен усвоить и использовать лишь ограниченный объем знаний. Современная массовая педагогика уже признает, что неравенство в жизни распространяется и на познавательные способности.

Таким образом, современное индустриально-технотронно-информационное общество, целью которого является прогресс, вовлекает в него все больше и больше сил и ресурсов, а массовая педагогика служит поставщиком генетического и интеллектуального материала. Финиш этой беговой дистанции может быть плачевным как для педагогики, так и для общества.

Литература

1. Ибрагимов Р.Н. Мировой куст. – Абакан, 2007. – 55 с.

Л.И. Егорова,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Природа и сущностная картина мира (на материале текстов олонхо)

В олонхо говорится, что Вселенная по вертикали состоит из трех миров – Верхнего, Среднего и Нижнего [2, с. 47]. В Верхнем мире обитают божества, в Среднем – люди, в Нижнем – множество *абааһы*, пожирающие, уничтожающие все живое. Божества созданы *Тангара* для защиты людей Среднего мира. Так, в олонхо богатыри Верхнего мира, спустившись на землю, спасают племена людей от *абааһы* [3, с. 37]. Очевидно, божества – это солнце, луна и планеты нашей солнечной системы. Энергии этих планет оберегают людей от воздействия разрушающих сил, стремясь к стабильности. Также, судя по текстам олонхо, с заходом солнца на земле активизируются злые духи [2, с. 58].

Таким образом, сущностная картина эпического мира выглядит следующим образом:

Верхний мир

Божества – Улуу Тойон, Юрюҥ Айыы и др.

солнце, луна и планеты (мегамир)

Средний мир

люди, а также сибиэн, үөр и иччи

биосфера с созданными человечеством сущностями

Нижний мир

абааһы

болезнетворные микроорганизмы (микромир)

В связи с темой вертикальной модели мира в текстах олонхо и обитателей трех миров вселенной необходимо рассмотрение сущностей

всех трех миров. Кроме злого духа – *абааһы*, по материалам олонхо в Среднем мире существуют созданные самим человеком полевые структуры, т.е. энергоинформационные сгустки. Их саха называют «*сибиэн*», «*үөр*» и «*иччи*». Об этих сгустках с точки зрения этнографии (сравнительно-исторический метод) детально рассмотрено в работах Н.А. Алексеева [5]. В текстах олонхо полевые структуры с разрушающим импульсом определяются как: «Исчезающие, только появившись, растворяющиеся только проявившись» [2, с. 79; 3, с. 73; 4, с. 116] (пер. мой, Л.Е.). Очевидно, более всех зловредных сущностей представитель традиционного общества боялся *абааһы*, т.е. болезнетворных микроорганизмов, которые передавались и поражали множество людей. Кроме того, человек, уверенный в том, что он живет по Законам экологической этики, не станет бояться негативных полевых образований *сибиэн, үөр*, которые можно было убрать и при помощи ритуального очищения *арчы*. В текстах олонхо говорится, что стремятся сократить срок жизни человека именно *абааһы* [2, с. 70].

Против внедрения подобных сущностей в человека существовали ритуальные комплексы *арчы*, т.е. очищения, которые в некоторой степени отражены в фольклоре. Например, в олонхо сыновей трех миров, воспитанных женщиной *абааһы*, удаганка *Кыыс Дэбилийэ* очищает огнем, отчего из парней выпадают различные пресмыкающиеся, черви [5, с. 168-169].

Литература

1. Сидоров Е.С. Очерки по олонхо. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2004. – 132 с.

2. Кюн Эрили. Олонхо. Якутский героический эпос / текст Н.И. Степанова-Ноорой. – Якутск, 1995. – 180 с.

3. Захаров Т.В.-Чээбий. Ала Булкун. Якутское олонхо / запись В.Н. Васильева; подг. текста Э.К. Пекарского, Н.В. Емельянова; пер. Г.В. Баишева-Алтан Сарына; РАК Сиб. отд-е Якут. ин-т яз. лит. и ист. – Якутск, 1994. – 104 с.

4. Кыыс Дэбэлийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1993. – 330 с.

5. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 316 с.

П.Н. Жондоров,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Природа и местное сообщество в условиях культурно-цивилизационной экспансии

Принято считать, что природа выступает как первичная, естественная среда обитания, за счет которой существует общество. Если общественные изменения рано или поздно принимаются общественным сознанием, то в отношении природы наблюдается значительная инерция – людям свойственно верить в ее неизменность, вечность, неисчерпаемость. Между тем, не только общество, но и природа находится в относительно неустойчивом, динамичном состоянии: нынешняя природная среда обитания во многом не та, или даже совсем не та, что была при прежних поколениях. Актуализированы новые ресурсы, оскудели, либо даже исчерпаны другие ресурсы, значительно изменился ландшафт, даже климат не остается абсолютно неизменным.

На фоне вечной, по сравнению с короткой человеческой историей и памятью, природы разворачивается бытие так называемых местных сообществ. Но что такое местное сообщество, когда и как сообщества, группы становятся местными? Например, можно сказать, что саха – местное сообщество, сейчас у них нет другого места обитания. Тогда это будет негативное определение – таким же образом можно сказать, что англо-канадцы и франко-канадцы, австралийцы и новозеландцы европейского происхождения являются местными сообществами, так как в Великобритании или Франции они проживать не могут – там для них уже нет места. Неужели только сроки постоянного проживания (пресловутое историческое право) и некоторая адаптация к условиям территории автоматически превращают этносы и этнические группы в местные сообщества?

Тогда можно поставить вопрос, что такое неместные группы и сообщества, только ли диаспоры к ним относятся. Например, как может быть определено русскоязычное население Якутии, насколько обоснована дихотомия “коренные” и “некоренные”? Вполне можно при-

нять такой тезис: территория должна стать главным (основным) местом обитания, существование народа должно быть связано именно с этой территорией. Но даже в этом случае имеются исключения: евреи, цыгане и другие. Поэтому следует констатировать, что разделение на местных и неместных во многих случаях условно, спорно.

Если обратиться к культурно-цивилизационной экспансии, тогда тоже возникает неясность. К примеру, приход предков саха на территорию современной Якутии – это разве не экспансия с точки зрения эвенского и эвенкийского населения? В свою очередь, приход их предков привел к исходу на Крайний Север юкагиров – древнего населения, к резкому сокращению ареала их обитания. Этнические и демографические изменения вполне совпадают иногда с культурно-цивилизационной экспансией. История заселения территорий всегда представляет сменяющиеся, либо накладывающиеся друг на друга этнические волны. Территории превращаются в конгломерат этнических и культурных ареалов и ниш (как на Кавказе, в Западной Европе, Индии), либо там происходит смешение первичных (ранних) групп и образование новых (метисных) групп – особенно ярко это иллюстрирует новая история латиноамериканских народов. Возможны и более драматичные варианты, когда одна этническая волна почти сметает, уничтожает предыдущую группу – например, как в англоязычных поселенческих колониях, ставших позже США, Канадой, Австралией. В Европе немецко-германская экспансия в средние века и в Новое время привела к онемечению некоторых восточноевропейских территорий (Бранденбург, Мекленбург, Силезия, Польское Поморье, Восточная Пруссия, Судетская область и др.), до этого заселенных негерманскими, в основном славянскими народами.

Применительно к Якутии современную ситуацию вполне можно охарактеризовать так: саха – местное сообщество по историческим основаниям (несколько веков постоянного проживания), глубокой адаптации к условиям территории (наиболее северное скотоводство), отсутствию другой родины. Вообще якутский этнос сложился на данной территории в результате смешения пришлых групп с автохтонным населением, адаптации к суровым условиям и соответственного изменения культуры. И уже якутский этнос пережил две крупномас-

штабные экспансии – попадание под власть Российского феодального государства, сопровождавшееся появлением земледелия и торговли, некоторых видов ремесла, христианизацией. Потом первое промышленное освоение Якутии – открытие и добыча полезных ископаемых, появление горнодобывающей промышленности, развитие транспорта, увеличение русскоязычного городского и поселкового населения, что привело к превращению саха в национальное меньшинство.

Ныне предстоит новое индустриальное освоение и развитие Якутии, связанное с нефтегазовым комплексом, железной дорогой, так называемыми мегапроектами. Таким образом, видно, что местное сообщество регулярно становилось объектом экспансии – платило ясак, принимало христианство, становились колхозным и совхозным населением, национальной интеллигенцией, русифицировалось. В связи с этим нам видится следующая проблема: взаимодействие местной природы (кормящего ландшафта) и местного сообщества в условиях инонациональной экспансии, т.е. трансформации этого взаимодействия именно под влиянием иных культур и цивилизаций. Во-первых, местное сообщество тем или иным образом изменяется. Во-вторых, природа тоже изменяется – ранее полезные ископаемые не добывались, дорог и крупных населенных пунктов не было, давление на природную среду было слабым, ущерб природе был существенно меньшим. В-третьих, насколько близко отношение к природе, взаимодействие с ней у коренных и пришлых. Согласно расхожему представлению, для коренного, местного населения характерно бережное отношение к природе, в то время как небрежное, хищническое отношение к ней характерно для пришлого населения. Здесь есть доля правды, хотя следовало бы определить, что есть хищничество по отношению к природе, почему это возможно, и как реагирует местное сообщество на это. При этом следует учесть, что, начиная с XIX века, местное сообщество означало в западной литературе “надежду и желание создать более тесные, близкие и гармоничные связи между людьми”. Местные сообщества формируются такими качествами, как солидарность, взаимное доверие и обязательства, общность интересов. Но в современных обществах перестали совпадать сообщества интересов и сообщества

места (соседство), поэтому всегда найдутся группы людей с несовпадающими интересами [1].

Действительно, волнуются из-за масштабного воздействия на природу, имеющего обычно негативные последствия, заинтересованные и затронутые, задетые группы: интеллигенты, малочисленные народы Крайнего Севера и сельское население. У одних ухудшилось положение по многим позициям, другие возмущаются с идеалистических позиций – их задевает то, что идеальное (привычное) состояние местной природы грубо нарушается в ходе промышленного освоения и использования. Но остальная, значительная часть местного сообщества (особенно городское и поселковое население, жители промышленно неосвоенной зоны) остается безразличной. Даже можно сказать, что сами члены местного сообщества участвуют в индустриальной экспансии в качестве чиновников, обслуживающего персонала, наемных рабочих.

Но как бы то ни было, природа и местные сообщества периодически становятся объектами экспансии. С одной стороны, идет процесс подключения членов местного сообщества к основному потоку экспансии через усвоение русского языка, стереотипов поведения, освоение современных профессий, изменение традиционного быта. С другой стороны, наблюдается обособленность значительной части местного сообщества от носителей экспансии – сохранение своего языка и преимущественное пользование им, предпочтение национально однородного круга близкого общения, обычаи и традиции, основные черты менталитета, обособленное проживание, сельское хозяйство и традиционные виды занятий, отсталый в техническом отношении быт (не комфортный с точки зрения горожан). Чем консервативнее, стабильнее (не мобильнее) члены и группы местного сообщества, тем ближе они к природе, тем дальше от современной цивилизации. Некоторое условное единство с природной средой обитания составляют именно они. А другие члены и группы местного сообщества вовлекаются в поток экспансии, отрываются от природы и в этом отношении становятся подобными приезжим. Это уже вопрос мироощущения и миропонимания – сфера философии и психологии, культурологии и социологии культуры. Можно предположить, что в скором будущем вероятен раскол якутского этноса на саха и русскоязычных якутов при сохранении

формального единства – причем во многом благодаря расово-антропологическому (природному) фактору и слабому потенциалу цивилизации здесь.

“Философская основа развития сообществ заключается в идее практической помощи жителям в переходе из состояния объекта воздействия в состояние субъектов действия, к тому, чтобы не просто реагировать на динамично развивающиеся ситуации, но активно действовать в новых условиях”. Сообщество определяется местом, а члены сообщества различаются во мнениях – для одних любой рост представляется благом, другие не желают что-либо менять в своей жизни. Но все-таки “после долгих лет кризиса и попыток решить возникшие проблемы путем реформирования “сверху” приходит понимание, что магистральный путь развития России лежит через развитие местных сообществ. Работа, доходы, условия жизни непосредственно зависят от степени развитости местного сообщества, в котором живет человек. От умения жителей взять на себя ответственность за свои судьбы зависит будущее всей России” [2].

Соглашаясь с этим, отмечаем, что если саха не на грани исчезновения как малочисленные народы Крайнего Севера (особенно ханты и манси, юкагиры, амурские народы), то это означает, что они более устойчивы по отношению к цивилизации, способны адаптироваться к ней и выступить в роли ответственного, дееспособного местного северного сообщества.

Литература

1. Татьяна Савицкая. Новая локальность. Intelros.ru/lib/statyi/savitskaya1.htm; Филиппов Ю., Гассий В. Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. – 2004. – № 11-12. – С. 64-72.

2. Там же / Library.ru http: // www.library.ru/1/kb/books/adm_reform/local_comm.php

А.А. Ильин,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Коэволюция природы, культуры и общества

Коэволюция – совместная эволюция видов в экосистеме. Коэволюция является следствием сетевой организации эволюционирующих систем. Также коэволюцией называется совместная, взаимосвязанная эволюция биосферы и человеческого общества. Расширив это определение, получаем совместное и согласованное эволюционирование объектов любых уровней организации.

При изучении отдельных эволюционных концепций в науках о живой природе, обществе и культуре было сделано наблюдение, что в эволюции этих трех, казалось бы, непохожих во многом уровней организации, проявляются общие закономерности развития и самоорганизации. Эти три сферы находятся в непрерывном взаимодействии, изменяются параллельно и неразрывно друг от друга и, следовательно, подвержены воздействию коэволюции. Эволюция культуры, природы и общества полностью независимо друг от друга представляется невозможной.

В эволюции природы, общества и культуры одновременно проявляются следующие ключевые постулаты основных направлений эволюционного учения: 1) наследование приобретенных в результате сознательной тренировки признаков, выдвигаемое ламаркизмом; 2) взаимодействие отбора, борьбы за существования, наследственности, соответствующих дарвинистскому учению; 3) допускается эволюция как сознательное движение к некой нематериальной «высшей цели», движимое «абсолютной необходимостью», управляемое с точки зрения финализма внутренним стремлением к самосовершенствованию; 4) не исключается роль резких скачкообразных эволюционных изменений – сальтаций; 5) возможно номогенетическое развитие на основе закономерных, а не случайных изменений, стремление производить все более сложные формы вне зависимости от условий окружающей среды.

Центральную роль в эволюционном процессе занимает носитель информации. Информация – фактор, направляющий ход эволюции, обеспечивает возможность управлять ее процессом. В эволюции природы роль информационного носителя выполняет генетический код, в эволюции общества – традиции, знания, средства общения людей, в эволюции культуры – система культурных ценностей, мировоззрение людей, формирующееся под ее воздействием.

Рассматриваемые уровни организации связаны между собой тесными генетическими связями, обладают сходными планетарными масштабами, не могут изменяться независимо друг от друга. Эволюционные изменения природы, общества и культуры происходят параллельно, согласованно, в тесной взаимосвязи – то есть в форме коэволюции.

Литература

1. Горелов А.А. Эволюция культуры и экология. – М.: Институт философии РАН, 2002.

2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Принципы коэволюции сложных систем и социальное управление // Синергетика и социальное управление. – М.: РАГС, 1998. – С. 8-18.

3. Назаров В.И. Учение о макроэволюции. На путях к новому синтезу. – М.: Наука, 1991.

4. Родендорф Б.Б. Историческое развитие класса насекомых. – М.: Наука, 1980.

5. Фесенкова Л.В. Теория эволюции и ее отражение в культуре. – М.: ИФ РАН, 2003.

6. Эволюция, культура, познание / отв. ред. И.П. Меркулов. – М.: Институт философии РАН, 1996.

7. Thompson J.N. The coevolutionary process. – Chicago.: The Univercity of Chicago Press, 1994.

В.В. Ким,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Национальное самосознание: состояние и проблемы его формирования у корейцев СНГ

1. Национальное самосознание, отличаясь своеобразной структурой ее духовных и социально-психологических элементов, закономерно обнаруживается в различных видах деятельности, образе жизни, языке, быту. Причастность к национальной группе обязательно осознается через принадлежность человека к определенной системе межнациональных отношений. Конфликтная напряженность межнациональных отношений в ходе и результате распада СССР и образования СНГ способствует ускорению процесса национальной самоидентификации.

2. Формирование и развитие национального самосознания этнических корейцев в СНГ определяется рядом факторов, среди которых важнейшими являются процессы, происходящие в обеих частях исторической Родины, и своеобразие сложного исторического пути собственного развития корейской этнонациональной общности в бывшем СССР. Эти факторы, естественно, неравнозначны, однако связь между ними и влияние их очевидны и неоспоримы.

Во-первых, резкий рост национального самосознания у корейцев СНГ во многом связан с трудным и противоречивым состоянием диалога между Севером и Югом Кореи по вопросу воссоединения. Идея воссоединения и образования единого демократического государства самоценна уже тем, что она формирует единую и всеобщую цель нации, без которой невозможно сформировать историческое сознание нации. Именно через призму этой общей цели происходит, в частности у этнических корейцев СНГ, подвергшихся жестокой репрессии и живших долгие годы в полной оторванности от своих исторических корней, развитие национального самосознания и постепенное преодоление чувства национальной ущербности.

Во-вторых, в постсоветском пространстве судьба корейцев, разделенных границами отдельных суверенных государств, представляется исключительно сложной и трагичной. Тем более, что в формировании и развитии национального самосознания у корейцев СНГ синдром 30-х годов XX в. ощущается и в настоящее время. Несомненно, это сопряжено с неравномерностью роста их национального самосознания, о чем свидетельствует отсутствие в нем монолитности. И это обнаруживается даже в местах компактного проживания (например, Средняя Азия и Казахстан), где в условиях обострения межнациональных отношений корейцы, как и все «русскоязычное население», ежедневно будет ощущать давление принятых в данных регионах социальных норм, предрассудков, стереотипов и стандартов по национальному признаку. И, как следствие, будут ускоренно идти процессы формирования у корейцев СНГ цели, связанной с достижением национально-культурной автономии как реальной гарантии удовлетворения всех национальных запросов.

3. Ныне у этнических корейцев СНГ исключительно велика тяга к сохранению и возрождению языка и культуры, обычаев и традиций, в которых воплощено историческое этнонациональное самосознание. Восстановление утраченной исторической памяти и тенденция сохранения национальных особенностей образа жизни, быта и народного творчества тесно связываются сегодня с укреплением сотрудничества и общения с исторической Родиной, с обеими частями Кореи. Будут усиленно вестись поиски генетических, этнонациональных истоков самобытной культуры, уходящие вглубь истории Прародины. При этом исключительно важно глубокое изучение той своеобразной культуры, которая зародилась и сложилась на русскоязычной почве за полутора века жизни корейцев в новом историческом ареале – это своего рода евроазиатская культура.

А.Э. Маякунов,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

К вопросу соотношения морали и политики в творчестве Н.Я. Данилевского

Проблема соотношения политики и морали в творчестве Данилевского не занимает центрального положения, но большинство исследователей (начиная с В.С. Соловьева и заканчивая современными учеными) обвиняют автора «России и Европы» в подчинении морали политике, в моральном макиавеллизме.

Никакие абстрактные нравственные принципы неприложимы к политике. Она всегда имеет дело с конкретными историческими задачами, которые всегда относительны и многоплановы. В политике ничего нельзя повторить автоматически; она всегда есть искусство и творчество, а не применение общих мест из морального кодекса.

Доводом в пользу применения простых моральных принципов во внешнеполитических делах является то, что нравственность индивидов и нравственность государств идентичны, или должны быть таковыми. Но, к сожалению, вопросы, связанные с этим, не так однозначны.

Данилевский был одним из первых русских политических наблюдателей, кто обосновывал внешнюю политику не на абстрактных принципах «христианской морали», но на основе концепты национально-государственных интересов. Данилевский считал, что основой внешнеполитической концепции может быть лишь идея национального интереса, понимаемая как метафизическое, онтологическое понятие.

Именно национально-государственные интересы, по мнению Данилевского, будут являться сдерживающим началом в международной политике. Ни одна нация не может существовать, отказавшись от самосохранения как главного стержня ее политики.

Этот самоограничительный фактор основан не только на признании интересов других наций. Он подкрепляется тенденцией к самоисправлению в системе равновесия сил – тенденция, которая по крайней

мере в том случае, когда неравенство в силах не слишком велико, не дает национальному интересу вырасти до степени необузданного национального эгоизма. Национальный интерес связан с идеей международного баланса сил. Данилевский, критикуя и нападая на политику европейского равновесия сил, не отвергает необходимости национального интереса, а, следовательно, и системы баланса сил.

Исходя из национальной самобытной культуры, Данилевский артикулировал внешнюю политику как защиту подлинных национально-государственных интересов.

Именно через посредство идеи национального интереса моральные принципы действенно участвуют в формировании внешней политики.

Нравственное содержание государственно-национального интереса определяется тремя факторами: национальными традициями, политическим руководством и общественным мнением. Смысл нравственных ценностей во внешней политике заключается не в том, что нация говорит, а в том, что она делает.

Одним словом, нравственность во внешней политике состоит не в том, чтобы проповедовать свои ценности тем, кого считаешь ниже себя по развитию, а в том, чтобы самому соответствовать эти ценностям.

Именно в контексте нравственно состоятельной политики рассматривал Данилевский бескорыстную помощь России в борьбе балканских славян против турецкого ига. По мнению русского мыслителя, удел России – «счастливый удел»: не покорять и угнетать, а освобождать и восстанавливать» [1].

Метафизический план политического дискурса Данилевского необходимо понимать в контексте его теории культурно-исторических типов.

И последнее. Безусловно, существуют в международной политике четкие и ясные вопросы нравственного характера, требующие в основе своей моральной оценки. Это такие вопросы, как рабство, пытки, геноцид и проблема расовой несправедливости, о которых не раз писал Данилевский в своих работах. Что касается менее значимых вопросов, то здесь существуют определенные средства снятия напряженности между моралью и политикой: веберовская этика ответственности и международное право.

Данилевский не восхищается духом Макиавелли, и этика, основанная на концепте государственно-национальных интересов, не обязательно должна быть макиавеллистской в грубом смысле этого слова.

Таким образом, характерной чертой социально-политического дискурса Данилевского являлось выдвижение в качестве основного концепта – политического интереса русских как нации и открытой защиты политических интересов славян как культурно-исторического типа.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 556.

В.Д. Михайлов,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

А.Е. Кулаковский о соотношении природного и социального в «культивизации»

Известно, что социальная философия есть наука об общих законах становления, функционирования и развития человеческого общества, следовательно, все, что происходит в обществе, может быть исследовано с её методологических позиций. Поэтому социально-философское рефлексирование над бытием настоящего обязательно предполагает такое же рефлексирование над бытием прошлого.

Приступая к изучению послания «Якутской интеллигенции» Алексея Елисеевича Кулаковского, необходимо учесть один важный момент методологического характера: если говорить о нём лишь в контексте национальных проблем, то мы представим его только в рамках истории Якутии. Между тем в послании можно обнаружить достаточно много интересного материала, свидетельствующего не только о масштабе личности А.Е. Кулаковского, но и о научной проницательности его идей. Многие из них оказались не просто созвучными его времени - они вышли за его пределы и востребованы в современных условиях, что позволяет говорить о нем как о мыслителе мирового уровня.

Есть основание полагать, что в понятии «культивизация» в концентрированном виде выражены социально-философские взгляды А.Е. Кулаковского. Дело в том, что в начале XX-го века в философии истории господствовали три основные модели развития человеческого общества: формационная, цивилизационная и циклическая. Судя по тем книгам (К. Маркс, О. Шпенглер, А. Тойнби), которые прочитаны А.Е. Кулаковским, он был знаком со всеми тремя моделями [1]. Однако по той значимости, которая отводится им культивизации, можно предположить, что Кулаковский был приверженцем цивилизационной модели развития человечества.

Термин «цивилизационный» происходит от слова «цивилизация», которое имеет много значений и используется даже в социальной философии, или философии истории, в различных смыслах в зависимости, прежде всего, от общей позиции философа или социолога. А.Е. Кулаковский принимает за исходное понимание цивилизации, противополагающее ее периоду дикости и варварства человечества и связывающее становление цивилизации с формированием человеческой культуры. Такое понимание созвучно с современными трактовками цивилизации.

В соответствии с этим он исходил из того, что всё на Земле развивается по закону непрерывности. Поэтому та ступень культуры, на которой находится общество в данное время, предъявляет к людям требование, чтобы они действовали сообразно с ней, если хотят добиться положительных результатов. Иными словами, они должны поступать культуросообразно. Из этого следует, что А.Е. Кулаковский культивизацию понимает как деятельность, соответствующую духу времени, современным явлениям и потребностям. Так и поступают, по его мнению, дельный ремесленник, толковый купец и каждый умный работник.

В данном выступлении ставится задача рассмотреть наиболее очевидные ситуации соприкосновения природного и социального, в которых, по разумению А.Е. Кулаковского, необходима культивизация.

Так, по его мнению, в процессе производства общество и человек слиты с природой, погружены в нее, непосредственно подчинены ее законам. Обрабатывается вещество природы, используются различные

формы энергии. Предметы и орудия труда, средства производства есть не что иное, как превращенные формы природного вещества. В них и через них человек соединен с природой, подчинен ей. Сама связь с природой в процессе производства, прямая и безусловная подчиненность ей, обязательность труда в ней воспринимается человеком как жизненная необходимость.

Однако за пределами производства человек отделен от природы и оказывается в царстве культуры, или «второй природы». Занимаясь политикой, искусством, наукой, религией и т.п., он имеет дело уже не с веществом природы, а с людьми как социальными существами. В этих сферах человек отделяется от природы и выключается из цепи прямой зависимости от природы, необходимости подчиняться ее законам. Его жизнедеятельность в этих сферах и в сфере культуры в целом воспринимается как царство свободы. Сфера культуры приобретает, таким образом, особый социальный смысл и значимость. Это – во-первых.

Во-вторых, отнюдь не случайно А.Е. Кулаковский различает землепользование и земледелие, усматривая в этом глубокий социально-философский смысл, ибо оно восходит к пониманию сущности перехода от природосообразного способа жизнедеятельности к культуросообразному. Дело в том, что землепользование основано на присваивающем, а земледелие – на производящем труде. Как известно, видами присваивающего труда являются охота, рыболовство, отгонное скотоводство, собирательство и мотыжная обработка земли. Нет сомнения в том, что землепользование, осуществляемое при отгонном скотоводстве, собирательстве и мотыжной обработке земли, как впрочем, охота и рыболовство, опосредовано определенными искусственными орудиями труда. Но все же в землепользовании «производит» не человек, а природа, человек лишь присваивает либо продукты дикой природы, либо продукты прирученной, окультуренной ее части. Другое дело земледелие, в котором обнаруживаются зачатки производящего труда. А.Е. Кулаковский придает земледелию особое значение, так как в нем усматривает основу культивизации, результатом которой, так или иначе, становится промышленность. Это объясняется тем, что земледелие и промышленность представляют собой разные способы обмена веществ между людьми и природой, а значит, и самими людьми [2, с. 10-13].

Такое предельно обобщенное разграничение обладает огромной эвристической ценностью, ибо позволяет увидеть определенный тип общества, как бы в потенции, как необходимое следствие развертывания и утверждения неких возможностей, изначально заключенных в соответствующем типе взаимоотношений между людьми и природой.

Какие же возможности заключены в промышленности, мыслимой предельно широко в качестве труда, производящего вещи на продажу? В промышленности основной созидающей силой оказывается уже не природа, которая для земледельца всегда остается чем-то таинственным и чудодейственным, а сам человек, который и создает товар. Тем самым промышленность и, причем уже в самых простых, ремесленных ее формах, открывает принципиально новые возможности для развития созидательно-творческих способностей, которые принципиально не могут быть унаследованы как некий инстинкт, а непременно индивидуально выработаны, сформированы. Вот почему А.Е. Кулаковский усматривает в культивизации способ перехода от природного к социальному.

В-третьих, А.Е. Кулаковский пишет: «Принцип нынешняго человечества должна быть такая: «Если можешь жить, живи, - мы не мешаем, если же нет в тебе сил и желания существовать, то сгинь и освободи нам занимаемое в природе пространство» [3, с. 112]. Здесь чувствуется влияние социал-дарвинизма - течения общественно-политической мысли, которая старалась свести законы развития общества к биологическим закономерностям естественного отбора. Еще до Дарвина английский экономист Т. Мальтус попытался создать теорию общества, которая базировалась на идее природного равновесия. Социал-дарвинизм исходит из того, что в обществе стремление к господству является социальным вариантом действия законов природного мира. Основная борьба здесь идет между группами, где побеждают сильные общности. А.Е. Кулаковский же подчеркивал культурный, а не индивидуальный отбор. В обществе, подчеркивал он, идет постоянная борьба за существование, где побеждают нормы и обычаи, поддерживаемые культурными традициями. Физическая борьба за выживание понимается как явление, характерное лишь для примитивных обществ, которые вытесняются на более поздних стадиях эволюции культурным соревнованием.

Самое ценное в том, что вопреки популярным линейным концепциям развития общества, наподобие марксизма, А.Е. Кулаковский предлагает принцип, учитывающий не линейный характер исторического процесса, – каждый народ проходит свой путь развития, и народы должны жить, не мешая друг другу.

Таким образом, в этих фрагментах А.Е. Кулаковский ставит целый круг социально-философских проблем: социально-экологическую (взаимосвязь человека с природой), социально-антропологическую (взаимосвязь человека с культурой), философско-историческую (взаимосвязь человека с историей). В рамках этих проблем рассматриваются социокультурные и культурфилософские закономерности эволюции общества.

Литература

1. Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е. Кулаковского. Личность поэта и его время. – Новосибирск, 2008.

2. Сунягин Г.Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. Л.: Издательство ЛГУ, 1987.

3. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. – М., 2000.

А.Н. Мыреева,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (г. Якутск)

Геокультурный образ мира в якутском историко-философском романе конца XX века

В современном литературоведении актуален геокультурологический подход, который признает важнейшим фактором связь человека, народа в целом, с природной средой, с которой он идентифицирует свою самобытность. Как отмечают исследователи, поэтическое место природы становится мифопоэтическим локусом, носителем культурной памяти народа, олицетворяя душу природы [1].

В конце XX века, в переломный момент эволюции умопредставлений, литературу характеризует освобождение от культурных и социальных догм и канонов, лучшие романы современных якутских авторов, в том числе «Тыгын Дархан» Далана, «Третий глаз» и «Манчары» И. Гоголева, «По велению Чингисхана» Н. Лугинова отличает широкий историко-философский, этногенетический аспект осмысления истории народа.

Роман «Тыгын Дархан» [2] Далана является этапным произведением, открывшим новую страницу в развитии жанра в якутской литературе.

Произведение отличает эпическая масштабность, энциклопедическая широта в воссоздании своеобразного мировидения и мироотношения народа, во многом определенного природой края. Органическая взаимосвязь человека и природы организует всю сложную архитектонику произведения. Мифопоэтичесий локус долины Туймаады приобретает концептуальную роль, сюжетоорганизующую функцию. Долина Туймаада, как контрапункт повествования, находится в эпицентре всех сюжетных коллизий в романе.

Символический образ прекрасной Туймаады, колыбели народа саха, приобретает архетипическое значение, способствует воссозданию единства пространственно-временных отношений, обозначая и время, и место действия, своеобразие хронотопа. Естественный ритм природы определяет логику художественного повествования.

Произведение пронизано заботой о нравственном здоровье молодого поколения. По логике авторской позиции для формирования личности важна сама природная среда, ее великие явления.

Масштабность и объемность философско-эстетической концепции романа предопределили актуализацию традиций народного эпического творчества, фольклора. В произведении Далана по-своему отразилось такое явление в прозе конца XX века, как «неомифологизм». Мифопоэтическая основа повествования определена плодотворным обращением к народному эпосу олонхо, преданиям, мифам, легендам, что обусловило своеобразие стиля, внутренний ритм прозы, особенности характерологии. Постоянные реминисценсии из олонхо органичны в структуре романа. Роль автора-повествователя близка позиции

эпического сказителя. Как писал И.В. Пухов, в «олонхо все дышит природой» [7, с. 41]. Особая роль развернутых пейзажных описаний – отличительная особенность поэтики олонхо – получила развитие в современном эпическом жанре. Описания природы в романе пронизаны интонацией народного эпоса, сам слог повествования, торжественный и красочный, изобилующий метафорами и сравнениями, повторами и синтаксическими параллелизмами, наполнен поэзией эпического сказания. Стиль романа основан на реставрации архаических пластов языка народа, что придает повествованию глубинный философский смысл в утверждении вечных ценностей бытия.

В романе Далана показан традиционный трудовой календарь, как составная часть духовной культуры народа. Весь строй жизни северного народа определяется природно-климатическими условиями, создается геокультурный образ мира, где особую роль играют ландшафт, климат, смена времен года.

Календарные обычаи и обряды, как концентрированное выражение духовной, материальной, экологической культуры народа, имеют важное историко-культурное значение, выражая своеобразие этнического самосознания, традиционных верований.

Главный календарный праздник народа саха – ыһыах («Уйгу тунах ыһыах») показан в мифопоэтическом плане. Современный автор по-своему развивает традиции великого А.Е. Кулаковского, воспевшего ыһыах как «ликующий праздник бытия» в поэме «Наступление лета».

Ыһыах белого изобилия на благословенной земле Туймаады знаменует конец старого и начало нового трудового года. Как отмечал М. Бахтин, «празднество (всякое) – это важная первичная форма человеческой культуры» [1, с. 11]. В этом празднике воедино слились и хозяйственно-трудовые, и культурные традиции, и религиозные верования народа.

Народное празднество показано как апофеоз мирной жизни, символ духовного единения. Верховный правитель Туймаады Тыгын Дархан решил созвать все улусы, чтобы начать разговор о главном – об устройстве великого Ила (мира, согласия).

Полно внутренней экспрессии, сакрального смысла описание народного хороводного танца оһуохай, когда люди в едином порыве

воздают хвалу светлым божествам – айыы, родной природе, звучащую как гимн самой жизни. Народные празднества и обряды несут в романе глубокий эстетический заряд, утверждая идеал прекрасного, оптимистическую веру в будущее.

Таким образом, мифопоэтический локус долины Туймаады в системе эпического романа получает многоплановое освещение сообразно философско-эстетической концепции всего произведения.

Заповедные места природы Якутии нашли воплощение в жанре философского романа в творчестве И. Гоголева-Кындыла. Три последних романа писателя: «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999), «Манчаары», представляющих собой своеобразную трилогию, отличает напряженность нравственно-философских исканий. Автора волнует весь спектр мировоззренческих вопросов, стоящих перед современным человеком.

В романах И. Гоголева символическое значение приобретают те же великие явления природы, что и в эпическом романе В. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан»: река Лена, долина Туймаады, священные горы, Вилюй. Но в философском романе эти явления природы приобретают иное звучание.

В произведениях И. Гоголева, написанных в манере «магического реализма», реальное и фантастическое, историческое и мифологическое соседствуют, получая многозначность и сложный философский подтекст. В современном мифологизирующем повествовании автор, опираясь на глубинные мифо-синкретические структуры мышления, порой сознательно идет на нарушение причинно-следственных связей, причудливо совмещая разные времена и пространства, основываясь на изначальных архетипических константах человеческого бытия и природы, таких, как солнце, вода, гора, огонь, детство, старость и т.п.

В своих философских романах И. Гоголев в центр внимания выдвигает традиционные нравственные, религиозные представления народа саха. Трагическая нота последних произведений писателя, в том числе романа «Богиня милосердия» определена состраданием к людям, которые сами изгнали бога из своей души и тем самым привели к гибели родную природу (судьба реки Вилюй). Автор убежден, что только ценой больших испытаний человек сможет вновь обрести веру, и к нему вернется «богиня милосердия».

Мысли о высоком предназначении человека проходят через весь последний роман писателя «Манчаары». В формировании характера юного героя определяющую роль сыграл микрокосм родного алааса Арыылаах, окружающий мир родной природы. Как духовный двойник Манчаары воспринимается вечный образ дерева жизни – величавой сосны.

Природа зародила в душе Манчаары пронзительное чувство любви к родной земле, сопровождающее всю его многотрудную судьбу, полную лишений и скитаний. Впоследствии, совершая каждый раз побеги из заточения, он вновь чувствует себя настоящим человеком айыы, лишь возвратившись на родную землю, в алаас Арыылаах, как бы вновь обретая крылья.

Таким образом, «география» священных мест природы Якутии, долины Туймаады в романах якутских писателей предстает как материнское лоно природы, взрастившей и сформировавшей менталитет героев.

В наиболее значительных произведениях современной прозы авторы едины в главном: в стремлении художественно запечатлеть уникальный духовный, нравственный опыт своего народа, высокую экологическую культуру, имеющие общечеловеческое значение, что чрезвычайно важно для будущего.

Геокультурный образ мира, воссозданный в наиболее значительных романах, является художественным выражением самоидентификации народа, его исторического прошлого и будущего и служит актуальной проблеме нравственного, эстетического, патриотического воспитания молодого поколения.

Литература

1. Щукин В. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. – М.: РОССПЭН, 2007. – 606 с.

2. Пухов И.В. От фольклора к литературе. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1980. – 368 с.

3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 2000. – 541 с.

4. Далан. Тыгын Дархан. – Якутск, 1994. – 432 с.

5. Гоголев И.М. Богиня милосердия. – Якутск, 1993. – 272 с. (на якутском языке).

6. Гоголев И.М.-Кындыл. Манчаары. – Якутск: Бичик, 2000. – 349 с. (на якутском языке).

7. Далан. Тыгын Дархан. – Якутск, 1994. – 432 с. (на якутском языке).

8. Мординов Н.Е. Весенняя пора. – М., 1993. – 396 с.

9. Пухов И.В. От фольклора к литературе. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1980. – 368 с.

10. Щукин В. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. – М.: РОССПЭН, 2007. – 606 с.

11. Якутский Н. Судьба. – Якутск, 2005.

Н.С. Павлова,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Север: природа и культура

Север – особый регион планеты, геополитическое значение которого будет постоянно возрастать в связи с истощением природных ресурсов на более обжитых и освоенных территориях, а также в связи с постоянно растущим населением Земли. Это самый богатый регион земного шара по природным ресурсам, которые к тому же имеют очень высокую пространственную концентрацию. Данное обстоятельство определяет высокую экономичность в использовании северных пространств и их существенную ненарушенность. Особое значение Север имеет для России, поскольку занимает более половины ее территории. Россию трудно представить без ее северных территорий: Беломорье, Мангазея, а в более позднее время Северо-Восток Сибири способствовали подъему всей страны, ее превращению в одно из крупнейших государств мира. Житель российского Севера в 100-200 раз богаче природно-территориальными ресурсами и ненарушенным хозяйственной деятельностью пространством, чем житель Европы.

К сожалению, практика деятельности российского государства в этом регионе является недальновидной и разрушительной. Несмотря на то, что Азиатский Север является неотъемлемой частью России уже около 400 лет, для многих россиян он остается чем-то чуждым, неизвестным, диким. Рассматривается как территория, на которую не распространяются общецивилизационные нормы. Хищнический характер деятельности мало изменился, остаются справедливыми слова, высказанные в 1926 году С. Бутурлиным: «… жадное, триста лет продолжающееся стремление как можно больше и больше вывезти ценностей с Севера, - приводят естественные богатства этого края, в их экспортируемой части, к прогрессивно растущему падению», только теперь этот процесс принял гораздо большие масштабы.

Столь недальновидная политика российского государства вытекает из теоретических и обыденных представлений о Севере, сложившихся в отечественной культуре, поскольку именно культура выступает призмой, сквозь которую человек воспринимает природный и социальный мир. Большую позитивную роль в изменении отношения общества к Северу может сыграть культурная география, которая изучает представления о географическом пространстве в разных культурных контекстах, образы различных местностей и территорий, отношение местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры. Здесь представления о земном пространстве неотделимы от сознания, формирующего эти представления, и земное пространство выступает как пространство смыслов, созданных культурой. Культура выступает ключом к «тексту», позволяющему понять значение земного пространства для человека, ее ценностные ориентации и представления о территории играют определяющую роль при выборе целей и средств деятельности на определенной территории (В.Н. Стрелецкий).

В современном обществе картина мира формируется главным образом наукой. Однако еще не выработано общепринятое научное определение Севера, хотя вопрос о критериях понятия «Север» возник давно. Если понятию «Арктика» всегда придавалось главным образом природное, физико-географическое значение, то «Север» определялся в основном экономико-географическими, социально-экономическими,

национально-этническими и другими антропологическими признаками (Г.А. Агранат).

Первые научные определения понятия Север появились в начале 30-х годов XX века. В частности С.В. Славин, исходя из двух категорий признаков: природно-географических и экономико-географических, определял Север как малонаселенные и слабоосвоенные районы, расположенные к северу от старообжитых, экономически развитых районов. Недостатком этой схемы являлась подвижность, размытость границ, т.к. освоение территории постоянно изменяло их, тогда как суровость природных условий оставалась постоянной.

В 80-90-е годы XX века были разработаны критерии Севера применительно к отдельным отраслям хозяйства и сферам антропогенной и техногенной деятельности. Обоснование же интегральных границ Севера все еще не имеет однозначного решения, т.к. не определена еще совокупность признаков, определяющих суть специфики Севера.

В общественном развитии любой страны, любого региона человеческое измерение приобретает первостепенное значение. Поэтому правомерным представляется подход, связанный прежде всего с природными условиями жизни людей. В 1991 г. группа ученых под руководством Г.П. Лузина разработала критерии районирования, в соответствии с которыми были выделены четыре зоны по степени комфортности жизни людей: абсолютно дискомфортная, экстремально дискомфортная, дискомфортная, относительно дискомфортная. Здесь сохраняется недостаток прежних концепций, объединяющих неизменные природные условия и динамичные социально-экономические факторы. Однако создание интегральной, принятой всеми границы Севера вряд ли возможно, может быть даже это принципиально не решаемая задача, какие существуют в любой науке. Знаток канадского Севера Ф. Моуэт заметил не без основания, что Север не имеет признанной южной границы, не считая той, которая существует в нашем воображении. Он сравнивал ученых – «разведчиков» этой границы с входящими в Космос астронавтами, которые никогда не могут определить, когда этот Космос начинается. Дело очевидно в том, что любая линейная граница в природе условна.

Для понимания практики освоения Севера России плодотворным, на наш взгляд, является понятие геокультурного образа, синтезирую-

щее научное и вненаучное знание, позволяющее создать целостный образ пространства (Д.Н. Замятин).

Для образа Севера характерны сложность и противоречивость: от «великой прародины человечества» в нордической мифологии до простого сырьевого придатка к более «благополучным» в природном отношении регионам. Сакральная география соотносит Север с духом, светом, чистотой, полнотой, единством, вечностью. Для древнегреческих авторов Север ассоциировался с образами Гипербореи и Скифии, обитатели которых отличались честностью, благородством, мужеством. Представления о реальном земном Севере, особенно его азиатской части, долгое время содержали наряду с реальными знаниями вымысел и фантазии. Но предания и легенды составили ту основу, с которой началось и на которой впоследствии строилось самостоятельное исследование этой земли.

К сожалению, в обыденном сознании и по сей день сохраняются ложные стереотипы о безграничности и безлюдности Севера, в которых отражаются архетипические представления о центре и окраинах, которые предстают как «пустыня» или «дикое поле».

В действительности, Север – среда обитания коренных северных этносов с древнейших времен. Они создали уникальную духовную и материальную культуру, соответствующую природным условиям. Гармоничное сосуществование культуры и природы в течение столетий создало ценный опыт духовного и практического освоения территории. Жизнедеятельность северных этносов сформировала особый тип культурного ландшафта, который не может быть понят вне ценностей определенной культуры, без учета экологического опыта, хозяйственной практики, менталитета ее носителей. Экологический подход к нему выражает идеал гармонии человека, его деятельности и природы. Культурный ландшафт есть целостное проявление национальной культуры в определенных географических условиях (В.Н. Калуцков).

Вопреки сложившимся устойчивым представлениям, Север можно рассматривать как особый культурный ландшафт, поскольку «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей есть культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцированно, а группа

освоила это пространство утилитарно, семантически и символически... даже если ландшафт не имеет осязаемых следов техногенного воздействия человека на природную среду… Многие полагают ландшафт природным почти всегда потому, что не склонны уважительно относиться к культуре его коренных обитателей» (В.Л. Каганский).

Последнее положение имеет особое значение для Севера, поскольку до сегодняшнего дня сохранился подход, характерный для первичных этапов освоения территорий в древности и средневековье, когда местное население, аборигены рассматривались не столько как этнические образы, сколько как символы своей территории – маркируемые как люди-монстры.

В действительности, северные народы расширили ойкумену, освоив обширную территорию с крайне суровыми природными условиями, создали уникальную культуру, которая позволила им существовать в гармонии с природой в течение многих столетий. Свойственное традиционной культуре уважительное отношение к природе, которая не исключается из сферы морального, на Севере в силу экстремальных условий существования всего живого составляет одно из оснований бытия. Традиционное северное хозяйство основано на бережном, рачительном использовании ресурсов, когда из природы изымается только достаточное для выживания, делается все необходимое для сохранения пастбищ, охотничьих угодий, воспроизводства промысловых животных и рыбных запасов, продуктивности ягодников. Именно такое отношение к природе обеспечивало длительное устойчивое сосуществование человека и природы. Малочисленность населения, удаленность поселений друг от друга также соответствовали природным условиям, поскольку большие антропогенные и особенно техногенные нагрузки противоречат природе Севера, которая отличается высокой ранимостью и крайне медленными темпами восстановления нарушенных ландшафтов.

Природа в северной культуре осваивается не только практически, но и духовно. Главнейшая функция культуры – наделение смыслами и значениями явлений действительности прослеживается уже в наскальных рисунках II-I тысячелетий до н.э., в которых природа и человек образуют неразрывное единство. Более того, наскальные рисунки

объединяют профанное и сакральное, служат средством соединения земного и сверхземного. В этих рисунках и орнаментах присутствует полисемантичность изображений, свойственная культурным феноменам как элементам символической реальности.

Природа – неотъемлемая часть человеческой жизни во всех ее проявлениях, практических и духовных, глубоко личных и коллективных. Целостность и гармоничность человеческого бытия основываются на всестороннем знании, почитании, любви и восхищении красотой природы, благодарности за все, что она дарует человеку. Предания, пословицы и поговорки, сказки, эпос выражают эти чувства ярким и необыкновенно богатым языком. Обычаи и традиции воспитывают почитание природы, бережное отношение к ней. От рождения до смерти человек живет в согласии с природой.

Единство этоса и картины мира традиционной культуры нарушается при промышленном освоении Севера, когда происходит столкновение этой культуры с техногенной цивилизацией в ее наиболее негативных проявлениях. Экспансия добывающих министерств и ведомств разрушает многовековое гармоничное сосуществование человека и природы, ставит на грань исчезновения коренные народы, сохранившие во многом традиционный уклад жизни. Дух наживы и стяжательства, пренебрежение элементарными нормами человеческих отношений, стремление как можно дешевле и быстрее извлечь природные богатства, оставляя за собой мертвое пространство, характерны для практики природопользования на Севере в XX-м и начале XXI-го века.

Важно не только уничтожение условий для традиционных отраслей хозяйства, но и духовной основы человеческой жизни, ибо мировоззренческие ценности любой культуры есть то, что придает жизни смысл. Исследователи экологических проблем подчеркивают: защита природы и защита прав коренных народов есть единая задача, поскольку именно они оказались самыми беззащитными перед воинствующим технократизмом современной цивилизации.

Литература

1. Агранат Г.А. Новые подходы к Северу: глобальные подходы // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. – 1991. – № 3. – С. 43-53.

2. Бутурлин С.А. Перспективы хозяйственного устроения Севера: докл. Пленуму Комитета содействия народностям Северных окраин при ВЦИК) // Северная Азия. – 1926. – Кн. 3. – С. 7.

3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.

4. Каганский В.Л. Ландшафты и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134-135.

5. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: Мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Серия географическая. – 2002. – № 4. – С. 21-23.

Пирс Элеонор,
Институт им. Макса Планка (Германия)

Популярная культура, поэзия и боги: изменяющееся взаимодействие ландшафта, красоты и духовности в якутском обществе

Здесь я буду говорить об эмоциональной стороне человеческих отношений с природной средой, стороной, которая является фундаментальной в дискурсах об экологии. Это эмоциональная сторона является центральной частью процесса, благодаря которому физический объект становится частью культурной жизни общества: становясь местом, которое приобретает значение. Здесь я очень коротко исследую момент, который происходит через взаимодействие эстетического и духовного опыта в Республике Саха (Якутия).

Якутский народ имеет ряд традиционных музыкальных жанров, который поэтически воспевает окружающую природную среду. Многие из них являются частью анимистических духовных ритуалов, касающихся взаимодействия между людьми и божествами, духами местности. Самым важным из этих ритуалов является ежегодный ысыах, где молитвы, благодарение, окропление производятся в честь богов и духов. Ведущим этого ритуала является алгысчыт, названный так в честь

ритуальной молитвы алгыс. Алгысчыт является центральной частью ритуала. На ысыахе обязательным атрибутом также является осуохай, круговой танец. И алгыс, и осуохай состоят из сложной песенной поэзии, большая часть которой посвящена прославлению красоты и плодородности природы Якутии.

Практика алгыса и осуохая соединяет эстетический и духовный опыт. Я сделаю теологический анализ отношения эстетики и духовности с тем, чтобы выдвинуть гипотезу о том, какое место занимает восхваление природы в алгысе и осуохае. Я предполагаю, что красота молитвенной поэзии и музыки позволяет участникам обряда чувствовать красоту мироздания, включая духовных существ, которые создали его, и ландшафт, который они населяют. В этом они продолжают традиции своего народа, чувствуют духовное единение с природой, родной землей.

Эстетика алгыса и осуохая

В качестве примера мне бы хотелось описать ночную прогулку, которую я совершила во время празднования ысыаха в маленьком поселке Сунтар в прошлом году. Основное празднование ысыаха происходит в центральном парке, на окраине Сунтар, начинаясь длинным ритуалом алгыса утром; но поселок был оживленным в течение ночи, так как люди бродили туда-сюда между различными празднованиями и дискотеками в мягком свете белой летней ночи. Когда я пришла в парк, первое, что я услышала, была знакомая русская популярная песня, которая раздавалась из танцплощадки, окруженной нарядно одетыми юношами и девушками. Когда я прошла дальше в парк, я вышла на другую танцплощадку, на которой пары сорока и пятидесяти лет кружились под музыку и песни аккордеониста. Пройдя около ста метров, я обнаружила, что я искала: круг из двадцати или тридцати в основном пожилых людей, танцующих осуохай. Рука об руку они двигались ритмично по кругу, повторяя строчки, исполняемые ведущим, запевалой осуохая. Группы людей, и молодых, и старых, вступали в круг и выходили из него через какие-то промежутки времени, но танец должен был продолжаться всю ночь, ведомый различными запевалами по очереди.

Один из танцоров был настолько добр, что взял меня под свое крыло. Это был пожилой человек с широкой улыбкой, который явно получал удовольствие от слов и движения танца. Он объяснил мне особенные сильные стороны разных ведущих танца: один подбирал самые красивые слова, но его ритм был немного медленным; другой обладал замечательным голосом; и был еще один, который был хорош во всех отношениях: прекрасные слова, правильный тон и ритм. Когда я начала привыкать к движению танца, то ощутила смысл эстетического удовольствия и свежести, которые объяснил мне мой новый знакомый. По мнению моих якутских друзей, а также по описанию таких этнографов, как Сьюзан Крэт и Маржори Балзер, процесс пения и танца осуохая является источником удовлетворения, мира и обновления. Слова осуохая являются главными в этом удовольствии, как и во многих традиционных фольклорных жанрах саха. И большинство слов в этих фольклорных жанрах посвящено воспеванию ландшафта.

Исследователи якутской культуры, как в прошлом, так и в настоящем, отмечают преобладание поэтического воспевания природы в якутском фольклоре. В XIX в. В. Серошевский пишет о том, что якутские певцы создают «светлые», «яркие» описания природы, которые привлекают своей жизнерадостностью.

Тем не менее, как утверждают этнографы, антропологи, и мои якутские консультанты, эти поэтические воспевания природы в такой же степени духовны, как и эстетичны: неслучайно многие важные культурные жанры саха, такие, как алгыс и осуохай, являются частью ритуалов в анимистической шаманской традиции саха. Считается, что слова оказывают воздействие на человека сами по себе, имеют своего духа, летающего подобно птицам и несущего значение. Эта духовная черта языка сопровождается пониманием того, что поэтическое и музыкальное вдохновение и талант являются дарами, наделяемыми богами и духами. Серошевский сообщает, что талантливые певцы страдали, если они не пели, точно так же, как страдают шаманы, которые не выполняют свои обряды. Тем не менее, песни некоторых исполнителей имели также разрушительный характер, что люди предпочитали им платить только за то, чтобы они не исполняли свои песни. Мне говорили много раз, что самые лучшие исполнители алгыса и осуохая

являются импровизаторами своих песен, они не учат их наизусть заранее: слова приходят к ним от верхних богов. Взаимодействие с духовным миром происходит во время алгыса и осуохая. Это взаимодействие происходит посредством слов, музыки и ритма песен. Верхние божества и духи одаривают людей молитвами и восхвалениями; люди, в свою очередь, возвращают им молитвы.

Антрополог Ховард Морфи является одним из тех, кто подчеркивал необходимость обращать внимание на эстетический опыт в изучении общественной жизни. Он видит способность эстетического ответа в том, чтобы выяснить «то, как люди ощущают себя в мире», включая «опыт духовной силы». Эстетические ответы на чувствительные стимулы неотделимы от более широких контекстов, в которых они появляются, и таким образом, отражают их систему значения, ценности и коммуникации. Эстетическое удовольствие происходит в бесконечном разнообразии контекста и культурных установок. Люди могут получать его, исполняя музыку, плавая в лодке по блестящей поверхности воды; в процессе понимания элегантного философского аргумента, или управляя удивительно быстрым и эффективным смартфоном. Ответы на чувствительные стимулы могут широко отличаться от человека к человеку и от общества к обществу. В результате возникает чувство удивления приходящему во время встреч с незнакомыми стилями, одеждой, музыкой и хобби. Эстетический опыт выражает более чувствительные и эмоциональные измерения культурных систем понимания, оценивания и восприятия. Эти измерения особенно трудно выразить и проанализировать академическими терминами.

Вероятно, именно важность этой эмоциональной стороны внутри эстетического опыта делает эту эмоциональность неотъемлемой частью всех религиозных практик в мире. Очевидную параллель духовному взаимодействию якутской шаманской ритуальной поэзии можно обнаружить в некоторых христианских традициях. Всеми признается, что христианская молитва осуществляется под вдохновляющим воздействием Святого Духа. Так, апостол Павел живо описывает это в своем послании к римлянам: … Бог, как святой дух, сам вдохновляет молитву, адресованную ему молящимися людьми. Точно таким же образом, верхние боги в якутском пантеоне посылают слова алгыса

и осуохая. Любой видевший великие соборы мира знает, что эстетическое удовольствие – это важная часть христианской молитвы и богослужения. Павел призывает своих преследователей… В некоторых христианских церквях весь процесс сотворения и участия в молитве и восхвалении, доставляющий эстетическое наслаждение, происходит под воздействием Святого Духа.

Взгляд на некоторую более теологически и философски ориентированную литературу по эстетике и богослужению дает понимание якутской поэзии, которая проясняет важность воспевания окружающей среды. И Роджер Наш, и Мартин Моорс отмечают способность эстетического удовольствия расширить наше сознание таким образом, что оно превосходит обычные формы восприятия, понимания и знания. Эстетическое удовольствие может явиться причиной повышенной внимательности по отношению к объекту, давая возможность восприятия вещей, которые превосходят или бросают вызов их обычным рамкам воображения и понимания. Как предполагает Наш, эстетический и духовный опыт схожи в том смысле, что они могут заставить человека забыть себя, свои нужды и желания, а также их попытки понять вещи, которые они видят вокруг себя. Красивая песня, поэма, пейзаж или картина создают чувство восхищения по поводу самого их существования, а не желания исследовать их. Вопросы «как» или «почему» становятся лишними перед величием красивого объекта. И это величие также пробуждает сознание своей ничтожности. Религиозный опыт также создает чувство удивленного восхищения при ощущении непостижимой огромной духовной или божественной силы, сопровождающееся чувством собственной незначительности. Согласно Моорсу, стремление к богу, которое очевидно составляет молитву, на самом деле показывает постоянное присутствие бога с человеком, который молится. Молитва богу дает молящемуся сознание присутствия создателя.

Я предполагаю, что поэтическое воспевание природы в якутском шаманском ритуале – это часть широкого воспевания всего мироздания, включая его духовные и божественные аспекты. Эстетический опыт музыки и поэзии дополняет и, вероятно, усиливает возвышенное духовное осознание величественного ландшафта, людей, духов и

животных, которые населяет его, и его создателя, Айыы Тойона, бога солнца. Красота поэзии осуохая и алгыса вдохновляет их участников забыть о себе и своих личных заботах в созерцательном воспевании материального и духовного мира.

Это созерцательное воспевание мира и космоса также заново воссоздает систему человеческих и духовных отношений, которая существует внутри него. Таким образом, физическая природная среда республики в глазах якутского народа приобретает особенное значение и становится значительным местом. Физическая природная среда становится частью восприятия и понимания, которая составляет ежедневную жизнь и культуру, становясь любимой родиной, имеющей духовное и эмоциональное значение. Счастливое сообщество людей, духов и природного мира проявляется через озвучивание в поэзии, позволяя участникам танца или обряда получать эстетическое удовольствие, и в то же самое время открывать для себя еще больше понимания и наслаждения теми отношениями, которые они испытывают с людьми, духами и природой в своей жизни.

М.Н. Поскачина,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Право и государство: культурологический подход

Из числа теоретических разработок можно выделить четыре измерения права: право как символ, право как норма, право как организация, право как ритуал действия [1]. Известны также определения государства как территориальной организации, как политической организации, как структурной организации и государство как насилие.

Количественное совпадение измерений государства и права вовсе не означает их тождественность в содержательном плане, поскольку этому препятствует их дуализм как объектов общей теории права, приводящий к самостоятельному рассмотрению государства и права как

социального явления. Например, каждое явление, описываемое в конкретном измерении права, имеет свои теоретические объяснения, основанные на теориях Э. Дюркгейма и М. Вебера. Эти социологические учения о праве включены в состав юридического познания.

Указанные определения государства сформулированы в соответствии с античными учениями о государстве, с социальным учением о государстве Г. Еллинека, с правовым государством В. Котляревского, с либеральным учением о государстве Дж. Локка, И.А. Ильина, Н. Макиавелли, Г.В.Ф. Гегеля. Так, рассмотрение государства как насилия с точки зрения марксистской теории права вступает в противоречие с культурой. В этом плане взаимоотношения государства и культуры усложнены рядом признаков, присущих самим этим явлениям. Культура как итог развития и инструмент повышения нравственного, эстетического и научного потенциала определенной общности людей независимо от типа ее государственной организации и территориальных единиц остается национальной. Таковой она остается и вне национальных географических границ, поскольку родиной человека является не земля, на которой он родился, а национальная культура, в лоне которой он формировался как личность. Государство же исконно выполняет функцию не столько защиты человека как такового, сколько сохранения, подавления инакомыслия, внутреннего регулирования и обороны от внешнего врага. Например, в марксистской теории государства четко делался акцент на функцию подавления. Потому государство рассматривалось как машина для угнетения одного класса другим и соответственно на первый план выдвигались регулятивная, примирительная, договорная и охранительная функции. Даже при самых либеральных формах правления государственная власть всегда связана с идеей определенного насилия над личностью, регламентацией жизни человека, добрым или злым патернализмом и изоляционизмом. Таким образом, государство как власть всегда противостоит последней как важнейший фактор ее ограничения и сдерживания. Западный культуролог Х. Ортега-и-Гасет, называя государство в его законченных формах «высшей угрозой» для европейской цивилизации, обращает внимание на склонность любой власти к насилию, ее стремление распространить себя на внутренний мир подданных, так

или иначе духовно подчинить их, изолировав от нежелательных влияний. В этом проявляется аморальность государственной власти, которая объясняет живучесть идей анархизма и извечное диссидентство интеллигенции. Если исходить из примата культуры над государством, как писал Н.А. Бердяев, «в жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности» [2], то отношение к государству как к продукту цивилизации предполагает учет степени внутреннего противостояния культуры и существующей власти, которое во многом зависит не только от общего культурного уровня людей, но и от характера государственного устройства.

Литература

1. Гепхарт В. Право как культура. К социокультурному анализу права. – Франкфурт, 2006.

2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 247.

А.Г. Пудов,
Якутская государственная
сельскохозяйственная академия (г. Якутск)

Экологический коллапс в свете конфликта мировоззрений: миф vs логос

Исследователи сошлись во мнении о том, что причины экологического коллапса коренятся в ментальности, ценностных установках и мировоззрении современного общества. С точки зрения философии, «экологичность» традиционного мировоззрения, по сути, срабатывание культурной практики запрета/табу, исполненной той или иной содержательностью национальной культурной формы, на непредсказуемость или неопределенность поведения сложной системы под названием «Природа».

Вместе с тем, указанный принцип непредсказуемости поведения системы, ее неопределенности является ключевым свойством сложных открытых диссипативных систем, описанных современной физикой второй половины XX века. Данные свойства включены в методологию постнеклассической и отчасти неклассической рациональности. Незначительные изменения в состоянии сложной диссипативной системы (названные в синергетике флуктуациями) способны привести к неопределенности последующего во времени состояния всей системы.

Как видим, существует прямое совпадение наличествующих свойств неопределенности, непредсказуемости поведения сложных систем для постнеклассической рациональности и ментальной «рациональности» представителя традиционного общества. Однако во втором случае, - культуре традиционного общества, концепированной мифологическим способом кодирования реальности, данные принципы были имплицированы в этос человека традиционной эпохи. Они были рабочими, запрещая совершение действий, результаты которых могли стать непредсказуемыми (инновационными). Традиция это запрещала, а основание запрета – многовековой безымянный опыт «проб и ошибок».

Напомним, что традиционная эпоха задает мифологический способ кодирования реальности. Мифологическое, - социальное по сути пространство, населено сверхъестественными существами, находящимися в родственных связях с представителями этноса. Природа в данном контексте представляет одушевленный спектр вещей и явлений, несущих символическую нагрузку. Взаимодействия при таком способе кодирования реальности сугубо субъект-субъектные. То есть, даже неодушевленный природный объект может вступать во взаимодействия с человеком, так и человек, в принципе, готов войти в «общение» не только со сверхъестественными существами, но даже с неодушевленными космическими объектами. Так, в якутском мифологическом сказании «Улуу Кудаҥса» шаман вступает во взаимодействие с небесным космическим объектом – планетой Венерой, буквально поднимаясь на небосвод и рубя костяным топором поверхность данной планеты.

Актуальнее, на наш взгляд, эти рабочие принципы становились для культур кочевых - животноводческих, нежели оседлых культур. Заня-

тием последних было земледелие – своего рода воздействие и видоизменение ландшафта, локальное изменение климатического баланса, порой приводящее к полному видоизменению локального геобиоценоза - появлению песчаных пустынь. Первые напрямую зависели от климата, кормящего ландшафта, геобиоценоза. Элемент преобразования «первой природы» у животноводов был постепенным и незначительным, почти всегда заканчивался равновесной фазой (описанной состоянием гомеостаза с окружающим кормящим ландшафтом по Л.Н. Гумилеву). Нынешние ландшафты Центральной Якутии и, например, скотоводческих долин Африки, в какой-то мере сформированы многовековым животноводством на данных территориях.

Получается, что свойство непредсказуемости, неопределенности поведения сложной системы было имплицитно, в свернутом виде «известно» нашим предкам. На его основе культурой выработан ценностный и нормативный свод ограничений или запретов воздействия на сложную непредсказуемую систему, от которой напрямую зависела человеческая жизнь. Принцип инновации, не присущий данному типу общества, позволял бесконечно долго сохранять природное (экологичное) равновесие.

Попутно здесь возникает вопрос: можно ли говорить о том, что северные культуры более «экологичны» в ценностном аспекте, о чем всуе так часто говорят экологи и гуманитарии? Вопрос, по нашему мнению, разрешимый. Ответ на него лежит в том, насколько культура этноса ургийна и направлена на преобразование окружающего мира. У северных кочевников - оленеводов, коневодов, рыболовов и охотников она действительно гонийна, то есть в стихии природной вращается, не изолируется от нее, не преобразует коренным образом, не создает «вторую» искусственную природу. Отметим, степень экологичности культуры напрямую не зависит от сознательного отношения. Данная степень является отрефлексированным остатком современной научной и обыденной рациональности и ранжируется именно по степени гонийности (ургийности – инновационности в преобразовании природы). Указанные выше запреты, в принципе, существуют в любой этнической культуре традиционного типа общества.

Невербальный корень собственного личного испытания в традиционном обществе весьма опосредован, можно даже сказать, что он отсутствует. Единственная опора остается за нормами, формирующими этническую систему шаблонных социальных действий, культивируемых за счет мифологически структурируемых устных фольклорных жанров и обрядовых ритуалов. Регулируют данные нормы «социальные трамплины» аффирмации человека в человеческой же предназначенности, выделенности на фоне царства других живых организмов, а «спусковым механизмом» как раз и являются мифологический способ интерпретации отвлеченных онтологических абстракций порядка, - вторичных этнических псевдосимволов. Организуют эти мифологически инициируемые аффирмации базовые конституции человеческой предназначенности в этом мире.

Принцип запрета на неопределенные последствия твоих действий для сложной системы существует в науке в методолого-гносеологическом и онтологическом аспекте описания/понимания подобных сложных диссипативных систем. Их же дееспособность (в экологическом ключе) - «не навреди» природе – имеет место лишь в традиционную эпоху при наличии работающих механизмов мифологического кодирования реальности. В современной ситуации экологические принципы автоматически не включены в культурные формы. Механизм их трансляции сугубо рефлексивный - на уровне юридических норм, законов, сознательных действий индивидов. В традиционном же обществе данный принцип автоматически символизирован (этническим псевдосимволизмом) и возведен, таким образом, в конститутивный элемент человеческого достоинства и самоуважения.

Этнический культургенез традиционного общества наших предков – коневодов, скотоводов, рыболовов, охотников и земледельцев можно представить моделью порождения четкого спектра символических констант, как связанных с природно-климатическим и хозяйственным ландшафтом, так и собственно формирующим его. Пространство живых символов зарождающегося этноса порождает вокруг себя расширяющееся пространство культурных формализмов, псевдосимволов и просто знаков. Философско-христианский онтогенез и последующий

символообмен в дальнейшем эволюционном движении культуры неизбежно трансформируется в нормативизм и знакообмен.

Реальность, в которую погружены современные северяне, можно охарактеризовать как транзитивную. Метафизические основания их мировоззрения остаются мифологически концепированными. Трансцендирование природных оснований в связи с вышесказанным апеллирует к мифологическим структурам сознания. Последние рождают внутренний конфликт за отсутствием сознательных схем оценки природы. С одной стороны, природа для северянина - дом родной, с другой, - она изолирована от него техносферой и нормативным знанием научно-технических предписаний. Нормативизм недеяния и наказания/вины за причинение ущерба природе не срабатывает – не лежит в них теперь элемент человеческого достоинства. Действительно, покажется смешным запугивать современного нефтяника наказанием со стороны духа речки или леса, которые они загрязнили или вырубили.

Остается два основных варианта:

а) мифологизировать действительность. Последнее можно встретить и в околонаучных концептах. Так, широкий научно-популярный пласт экологической науки апеллирует к анимистическим и гилозоистским мифологическим концептам, например, пангеи-земли, благоговения перед жизнью, философскими основаниями которых являются неклассические типы рациональности, формализованные (мифологизированные) культурой;

б) оставлять метафизический зазор для человеческого достоинства через наполнение метафизическим смыслом «устаревших» этнических псевдосимволов с обязательным включением последних в новые формы культуры.

Таким способом мы мифологически концепированные этнические символы расширяем метафизическим способом прочитывания. Решение противоречия лежит в возможностях деконструкции формализмов культуры за счет придания конвенциональным знаковым связям, задаваемым мифологически организованными концептами, нового метафизического основания, воздействующего, прежде всего, на этнический символизм. Данный способ будет вполне дееспособен для этносов, переживающих интенсивную трансформацию своей социальной реальности.

Литература

1. Пудов А.Г. Кодирование транзитивной социальной реальности на основе синтетического символизма сознания: вопросы этномодернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 4-х ч. Ч. I. - С. 152-158.

А.С. Саввинов,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Субъект-субъектный характер взаимодействия человека и природы

Понятие «природы» в философском смысле обозначает совокупность всего сущего и совпадает с такими философскими категориями, как «Бытие», «Реальность», «Универсум». Мы будем вкладывать в понятие «природа» более узкий, естественнонаучный смысл – естественную среду обитания человека. Но даже такое сильное ограничение содержания понятия природы не обеспечивает строгость и точность её определения, поскольку природа не перестает быть «гуманистической системой», включающей самого человека, его участие, деятельность. Такая «размытость» и «абстрактность» понятия природы, с одной стороны, содержит в снятом виде огромное множество смысловых оттенков и требует умения конкретизировать понятие «природы» в зависимости от конкретной ситуации, а с другой, ограничивает его конструктивный потенциал. В частности, последнее обстоятельство касается осознания жизненно важных проблем современности, определяющей эффективность объединения усилий всего человечества по предотвращению загрязнений, освоению мирового океана и космического пространства, обеспечению человечества сырьем и продовольствием.

Великий мыслитель XVII века Рене Декарт определил содержание материального мира как взаимодействие корпускул, т.е. все многооб-

разие электрических, магнитных, оптических, тепловых явлений, происходящих в этом мире, определил взаимодействием корпускул. Правда, в понятие взаимодействия вкладывал чисто механический смысл – давление, соударение частиц.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» конкретизировал характер взаимодействия, выделяя соответствующие формы движения: механическая, физическая, химическая, биологическая и социальная формы движения. Классики диалектического материализма выводили источник социальной формы движения из способа общественного производства, определяемого диалектикой производительных сил и производственных отношений. Все формы движения, за исключением социальной, и лежащие на их основе взаимодействия, имеют достаточно строго определяемый естественнонаучный смысл.

Исключительная форма социального движения отражается и в истории взаимоотношения человека и природы. Обычно выделяют три этапа:

а) мифологический этап, предполагающий персонификацию природных явлений и признающий господство природы над человеком;

б) научно-технологический этап, когда человек осознает себя «земным богом» и пытается преобразовать природу в соответствии со своими потребностями;

в) диалогический этап, когда человек пытается гармонизировать отношение с природой.

Нетрудно заметить, что такое разделение истории взаимоотношения человека и природы носит формально-логический характер и основывается на утилитарно-прагматическом отношении к природе как бесконечной кладовой для удовлетворения человеческих желаний и потребностей.

Считается самоочевидным, что древний человек, вооруженный мифологическим мышлением, распространял коммуникативные отношения на всю окружающую его реальную действительность, причем природа выступала ведущей стороной диалога. Итак, субъект-субъективный характер диалога диктовался достаточно примитивным, мифологическим уровнем развития сознания первобытного человека, отсюда и следует персонификация природных явлений. Несмотря на

всю самоочевидность подобной реконструкции взаимоотношений человека и природы, она относится к миру возможного прошлого. Принцип монотеизма радикально меняет мировоззрение средневекового человека, он осознает себя высшим творением Бога, в его глазах природа обесценивается и выступает всего лишь как носитель скрытых смыслов божественного плана. Ситуация усугубляется в эпоху Возрождения идеей пантеизма. Человек осознает себя «земным богом».

В Новое время человек, вооруженный естественной наукой, т.е. математическим естествознанием и экспериментальной наукой, начинает «творить» природу в соответствии со своими потребностями. Такая картина взаимодействия природы и человека отражает уже мир сущего.

В 1968 г. Н.В. Тимофеев-Ресовский выдвинул концепцию коэволюции природы и человека, которая была призвана определить оптимальное соотношение интересов человечества и всей биосферы, избежав крайностей взаимодействия природы и человека – господства природы над человеком и господства человека над природой. Согласно принципу коэволюции, человечество должно не только изменять природу, но и изменяться само, приспосабливаясь к требованиям природы. Таким образом, предполагается достичь динамически устойчивую целостность системы «природа – человек», т.е. её своеобразный симбиоз или состояние ноосферы. Были сформулированы экологические императивы, следование которым обеспечит такой переход:

первое требование – совокупность запретов на виды человеческой деятельности, которые чреваты необратимыми изменениями в биосфере;

второе требование – изменение мировоззрения людей, его поворот к общечеловеческим ценностям, умение ставить общие интересы превыше частных, пересмотр потребительских идеалов и т.п. Предполагаемая картина взаимоотношений человека и природы относится к миру долженствования.

Итак, анализ взаимоотношений природы и человека приводит к последовательной смене трех миров, которые взаимообуславливают друг друга: мир возможного, мир сущего и мир долженствования. Кажется самоочевидным искусственный характер такой последователь-

ности. Естественному положению вещей отвечает другая последовательность: мир сущего – мир долженствования – мир возможного. И главная причина такой несуразности – научная традиция – традиция придумывания законов.

Кажется самоочевидным, что в основе социальной формы движения лежит ментальное взаимодействие, которое практически не актуализировано в контексте проблемы взаимодействия природы и человека.

Особое место среди многообразия природных явлений принадлежит геопатогенным зонам и аномальным явлениям. Люди с древнейших времен чувствовали существование мест, которые благополучно или неблагополучно воздействуют на них. Их интенсивное изучение началось с первой половины XX столетия с привлечением аппарата научной методологии. В то же время глубокое изучение природы геопатогенных зон и аномальных явлений выходит далеко за пределы классической научной методологии. В этом отношении представляет огромный научный и методологический интерес книга Слепцова Н.И. «Тяжелое дыхание вечной мерзлоты». Автор книги – физик по образованию, выпускник Томского госуниверситета, в 90-е гг. прошлого века обнаружил в себе такие качества, которые позволили ему профессионально заниматься изучением геопатогенных зон и аномальных явлений.

Николай Иннокентьевич в приложении к своей книге достаточно подробно рассматривает историю изучения геопатогенных зон: их структурирование – обнаружение сетей Хартмана, Пейро, Виттмана, диагональной сети Курри, изучение их влияния на растительный, животный и человеческий миры.

Научный подход на уровне феноменологии оказался достаточно плодотворным в плане выяснения новых эмпирических закономерностей, достаточно долго проигнорированных официальной наукой. Однако попытки более глубокого изучения этих вопросов приводили к серьезным методологическим трудностям. Это обстоятельство хорошо иллюстрируется в осмыслении вопроса биолокации. Например, поиск объективных причин, вызывающих вращение биолокационной рамки. Но здесь-то как раз и проявляется сущность природы как «гуманистической системы».

Прорыв в этом вопросе был ещё сделан гениальным мыслителем И.В. Гёте, который интерпретировал человека-лозоходца как самый совершенный физический прибор, а «волшебный жезл» всего лишь индикатор этого прибора. Это не означает, что движение стрелки прибора есть результат рефлекторных сокращений мышц оператора. Причина этого движения не элементарная, а системная, непосредственно связанная с конкретным механизмом взаимодействия человека и природы. Как утверждает Николай Иннокентьевич, непосредственное использование биолокационной рамки как индикатора дает лишь низший уровень работы. Чтобы выйти на высокий уровень работы, оператор должен уметь включить свое подсознание и использовать индикатор для чтения информации. В качестве примера рассматривает простой алгоритм чтения информации. Однако высочайший уровень работы оператора связан с непосредственным взаимодействием оператора с природой, т.е. общением оператора с природой. В этом отношении богатейший материал для деятельности оператора биолокации дает традиционная культура народа саха. Такие понятия, как «открытые места», «тропа злых духов», «дорога шамана», места с «тяжелым дыханием», «үөр» так или иначе отражают взаимодействия человека и природы.

Европейский читатель, наверное, впервые ознакомится с такими понятиями, как «гиблые места», «үөр», «чөчүөккэ», которые естественны для якутского слуха. Реабилитация этих понятий связано с глубоким пониманием конкретными механизмами взаимодействия природы и человека. Огромное количество фактического материала книги Николая Иннокентьевича связано с аномальными явлениями. Правда, Николай Иннокентьевич не раскрывает свою «рабочую кухню» – нейтрализацию этих аномальных явлений ментальным методом, т.е. путем общения. Да и простому смертному не нужно знать эту кухню, ибо если нет дара от природы, то эти знания бесполезны. Вряд ли существует общая технология общения с аномальными явлениями, скорее всего, каждый одаренный оператор создает свою собственную технологию общения. А простой смертный просто должен и обязан знать свою традиционную культуру общения с природой, ибо каждая культура, каждый народ в течение своей долгой жизни вырабатывают нормы правильного общения с природой.

Николай Иннокентьевич Слепцов-Сылык, будучи оператором высочайшего уровня по биолокации, показал:

– исключительную эффективность непосредственного общения с природой;

– связь аномальных явлений с аномальными зонами;

– появление геопатогенных зон в Якутии в результате оттаивания вечной мерзлоты;

– самостоятельную жизнь энергоинформационных полей, с которыми можно общаться, например, в форме «үөр».

Таким образом, книга «Тяжелое дыхание вечной мерзлоты» Н.И. Слепцова-Сылык фундирует, доказывает, объясняет, что мифологический этап взаимодействия человека и природы, когда весь мир воспринимается человеком одушевлённым образом, не является плодом его примитивного сознания и фантазии. Более того, судьба человека, его рода непосредственно зависит от уровня его духовного развития.

Воистину мир меняется лишь тогда, когда меняется сам человек.

Вышесказанное преимущественно относится к теоретической стороне вопроса. Это не означает, что практика сведена на нет. Действительно, книга Н.И. Слепцова-Сылыка по сути своей практикоориентированная, непосредственно касающаяся жизни каждого человека в её повседневной реальности. Не случайно первое издание книги, вышедшее на якутском языке, вызвало огромный читательский интерес. Располагало к этому интересу само название книги «Геопатогенные зоны и здоровье человека». Настоящее издание книги на русском языке с существенно обновленным материалом под названием «Тяжёлое дыхание вечной мерзлоты» включает материал первого издания и ориентирует внимание читателя на культуру общения человека с вечной мерзлотой.

Хорошо известно, что криосфера – это оболочка Земли, характеризуемая отрицательной температурой, при которой вода может существовать в твердом агрегатном состоянии. Огромные территории Евразии, Северной Америки, Антарктиды содержат себе мерзлоту – многолетнемерзлые грунты или, как широко используется в обиходе, вечную мерзлоту. Они составляют почти половину площади территории Монголии, Китая, Норвегии, Швеции, Гренландии, Аляски,

Тибета. Общая площадь вечной мерзлоты составляет почти четверть всей земной суши. Даже по этому простейшему показателю ясно, что проблема, поднимаемая автором, носит не локальный характер. Тем не менее, глобальность проблемы определяется общим уровнем культуры взаимодействия человека и вечной мерзлоты.

В разделе «Причина образования локальных аномальных зон и их нейтрализация» автор указывает на исключительную роль человеческого воздействия в образовании «открытых» мест. Даже, казалось бы, такой естественный процесс, как эрозия почвы, во многом обусловлена деятельностью тяжелой техники. Однако было бы глубоким заблуждением попытка свести специфику человеческого воздействия только к различным уровням физической энергии, как количественной меры различных форм движения. Речь идет прежде всего о колоссальном потенциале духовной энергии. Недаром автор акцентирует внимание читателя на исключительную эффективность ментального воздействия в процессе нейтрализации патогенных воздействий и, в то же время подчеркивает, что в настоящее время практически отсутствуют физические методы нейтрализации аномальных зон. Это обстоятельство во многом определяет значимость обсуждаемой работы в жизни каждого человека. Уровень интеллектуального багажа, духовно-нравственный потенциал, мировоззренческая ориентация – они имеют решающее значение в судьбе человека. Не нужно относиться к природе подобно малолетнему несмышленышу к любящей и всепрощающей маме. Удар природы может оказаться жестким, беспощадным, судьбоносным.

Огромную практическую значимость имеют размышления автора в контексте социальной реальности – анализ месторасположения населенных пунктов, статистика суицида, влияние локальных аномальных зон на результаты спортсменов. Эти размышления могут служить в качестве руководящих идей для учителей, врачей, государственных чиновников различных рангов.

В целом теоретическая и практическая значимость книги делает её уникальной. Хочется надеяться, что эта очень нужная и полезная книга будет востребована широким кругом российского читателя.

Т.Е. Сидорова,
Арктический государственный институт
искусств и культуры (г. Якутск)

Эволюция понятия природы в художественных стилях нового времени

1) «Усовершенствование природы». В Позднем Возрождении оформилось ощущение недостаточности природного совершенства в таких стилях, как маньеризм и барокко, следствием чего был отход от традиций жизнеподобия в кубистических изображениях на рисунках Л. Камбьязо и Дж. Брачелли, в портретах-анаморфозах Дж. Арчимбольди. Классицизм продолжил линию поздневозрожденческого «украшательства» в концепции «облагороженной природы», предложив усовершенствование природы по принципу целостности и законам гармонии. Страсть, природное начало в человеке должны быть преодолены во имя общественного долга, утверждала классицистская трагедия. Классицистский пафос преодоления природы был подхвачен прогрессистской концепцией большинства просветителей.

В концепциях рококо и либертинажа классицистское сопротивление природе во имя морали становится неприемлемым, трактуется как глупость, ханжество, лицемерие, в либертинаже провозглашается ценность свободы страстей.

2) «Природа – идеал». В рококо природе придается ценность в пасторально-идиллическом смысле, что переходит в сентиментализм. В сентиментализме и руссоизме природа становится критерием оценки человека благодаря понятию «естественности», возникает представление о «благородном дикаре», о неиспорченности и близости к природе простых людей, провинциалов. Понятие природы связывается с благородным чувством и чистой душой.

3) «Природа-поверхностное» и «природа-глубинное». Романтизм раскалывает понятие природы на презираемую «низменную прозу» действительности и на «жизнь», «дух», «глубинное». Природа как глубинное в романтизме духовна, вечна, непостижима. Это представление порождает понятие «скрытой сути» в символизме, которое затем

переходит в различные течения модернизма: фовисты ищут скрытую суть бытия в цвете, кубисты – в пространстве, абстракционисты – в форме, футуристы – в движении, сюрреалисты – в абсурдных образах подсознания, экспрессионисты – в объединяющей людей истине.

Литература

1. Сидорова Т.Е. История мировой культуры: учебное пособие, 2010, зарегистрировано в качестве электронного издания на СД-Р ФГУП НТЦ «Информрегистр».

2. Сидорова Т.Е. Эстетика: учебное пособие, 2011, зарегистрировано в качестве электронного издания на СД-Р ФГУП НТЦ «Информрегистр».

В.П. Старостин,
Якутская государственная
сельскохозяйственная академия (г. Якутск)

Философия благоговения перед жизнью

Преподавание философии в высшем учебном заведении для негуманитарных специальностей является занятием и легким, и трудным одновременно. Действительно, на первый взгляд может показаться, что нет ничего легкого, как изложить аудитории известные всеобщие законы, определения, категории, а затем ждать, когда студенты вызубрят и выложат их вам. Однако это совершенно не подходит для исследователя, серьезно занимающегося педагогической деятельностью, не довольствующегося начетничеством, желающего от обучающихся получить не столько повторения известных истин, а сколько сделать так, чтобы почерпнутые познания стали полезными человеку в его реальной жизни. Вот почему вопрос о том, что изучение истории философии необходимо каждому культурному человеку, является актуальнейшим в эпоху прагматических преобразований и внедрения практичных идеологем.

Продолжительный личный опыт преподавания философии в аграрном вузе заставляет сделать вывод о необходимости введения обяза-

тельного курса этики для будущей сельской интеллигенции. Достижение гармонии с самим собой, другими людьми, окружающей природой должно стать основой понимания общечеловеческой ценности Жизни. Альберту Швейцеру – мыслителю-бунтовщику и основателю философии жизни, удалось отстоять идею мыслящей этики. Настаивая на примате ценностного представления об объекте и различая его с научным, он писал: «О том, что хорошо и что дурно, о побудительных мотивах, в которых мы черпаем силу делать одно и избегать другого, никто не может говорить с себе подобными языком ученого. Каждый в состоянии сообщить другим лишь то, что найдет в себе самом способного затронуть и взволновать всех людей, возможно продуманнее, сильнее и яснее, так, чтобы невнятный шепот превратился в полнозвучный голос». Философ считал, что первостепеннее и значительнее является индивидуальное субъективное представление, предпочтение, оценка. И такой аксиологический подход к отражению действительности нисколько не противоречит исследованию биологической природы, как основы человеческого, с использованием естественнонаучного метода. Только такое отношение к Жизни, как к главной ценности, будет носить всеобъемлющий характер без качественных оценок, без деления на «хорошо» и «плохо», «выгодно» и «бесполезно». Для этого человек должен охватить жизнь всем своим сознанием всю, понять и осознать кровную связь с жизнью всей природы на земле.

По мысли Швейцера, жизнь – это страдание, это мука. А суть этики – в сострадании всему живому. Из этого сознания выводится этика благоговения перед жизнью. Такая позиция издревле культивируется в буддизме и индуизме. Буддийский монах смертельно бледнеет, если раздавит нечаянно муравья или букашку. Вместе с тем, такая мука не является мучением в прямом смысле этого слова. Жизнь всегда индивидуальна. Швейцер лишь логично распространяет представление о ценности человеческой индивидуальности на все живое. Индивидуум тварен, а значит – смертен, и осознание этого приводит к пессимизму. Но если человек охвачен, всеобъемлюще окружен, имплицирован в жизнь окружающую, то он – спасен. Только тогда мы поймем, как говорил В.И. Вернадский, что мы не есть нечто случайное, независимое от окружающего (биосферы или ноосферы) свободно действующее

природное явление [2]. Человек составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет.

Литература

1. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 8.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера // В.И. Вернадский; предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2007. – С. 253.

А.Ф. Ушканов,
Дворец детского творчества (г. Якутск)

Опыт рефлексии над интерпретацией времени А. Тоффлера

При сопоставительном анализе многих интерпретаций времени обнаружилось, что «проблема природы времени» родилась в религиозных, художественных, математических, геометрических и иных интерпретациях времени богословов, философов, ученых и деятелей культуры разных народов и поколений [Долинский Л.М.].

В связи с этим интересно будет обратиться к вышедшей впервые в 1970 г. книге американского социолога Алвина Тоффлера «Столкновение с будущим». В ней он делит последние 50 тысяч лет существования человечества на 800 условных поколений по 62 года каждое. Жизнь первых 650 поколений прошла в пещере. Для последних 70 поколений появление письменности сделало возможной межпоколенную связь. Печатное слово стало доступным для шести последних поколений. Более или менее измерять время научились четыре последних поколения. Лишь последние два поколения пользовались электромотором. Большинство всех материальных ценностей нашей повседневной жизни впервые было создано при жизни последнего, 800-го поколения [А. Тоффлер]. По мнению А. Тоффлера, ускорение времени порождает эфемерность, быстротечность отношений между людьми.

Из вышеизложенного видно, что по мере развития технологий время как бы ускоряется, уплотняется. При этом возникает вопрос: насколько интенсивно «бежит» время после описанных Тоффлером 800 поколений?

Жизнь условного 801-го поколения, начиная с 70-х гг. XX в., проходит под знаком стремительного развития сверхтехнологий. Появились интернет-пространство, нанотехнологии, биотехнологии, цифровые космические корабли, сверхмощные космические обсерватории, квантовые компьютеры, которые стирают понятие пространства и времени.

В начале 3-го тысячелетия, по мнению Долинского Л.М., возникла необходимость радикального пересмотра утвердившихся в науке и философии субстанциональной и реляционной концепций времени, которые привели в тупик его понимания. Приходит понимание того, что все происходит в едином часовом ритмическом порядке, основанном на онтологическом принципе сосуществования.

Так, еще 40 лет назад было очевидным, что ускорение темпов повседневной жизни порождает ощущение быстротечности, эфемерности, неустойчивости во взаимоотношениях людей.

Литература

1. Тоффлер А. Футурошок. – Лань, 1997. – 464 с.

2. Долинский Л.М. Время в ритмах природы и на отстающих часах Эйнштейна (От сложного и непонятного к простому и очевидному). – М.: Издательство «Спутник+», 2011. – 123 с.

Р.Д. Ушканова,
Высшая школа музыки РС (Я) (г. Якутск)

К вопросу о культуре природосообразности

По мере того, как развивается социально-гуманитарное знание, обнаруживается, что те или иные социоприродные и социокультурные феномены издавна являются фундаментальными основаниями бытия

людей. Проблема выживания порождала определенную культуру поведения сообразно месту проживания.

Если долгое время человек «брал» от природы столько, сколько необходимо для выживания, то по мере технологического развития «аппетит» человека возрастал и растет поныне. Он начал смотреть на природу как на источник своего обогащения. Жизнь в гармонии с природой довольно долго считалась уделом каких-то там первобытных обществ. В погоне за материальными ценностями человек перестал замечать природу, что окружает его. Однако природа сама заставила человека пересмотреть свое отношение к ней.

В любом народе есть люди, которых отличает особая культура понимания природы. Таких людей в народе называют по-разному: духовные наставники, целители, экстрасенсы и т.д. На первый взгляд, упоминание людей с экстрасенсорными способностями вряд ли является предметом обсуждения научной конференции, но отрицать феномен экстрасенсорных способностей было бы не совсем правильно, так как установлено, что такие способности усиливаются в период глобальных климатических изменений. Нам с вами «повезло» жить именно в такой период.

За последние годы одной из интересных российских телепередач стала «Битва экстрасенсов», где на глазах многомиллионной публики раскрываются самые запутанные преступления. Можно допустить подтасовку фактов и постановочные эффекты, но, как говорится, народ не даст соврать. Способность человека локально воздействовать на погоду тоже не является абсурдом.

Таким человеком является якутская Эдьиий Дора. Эдьиий означает Старшая, что говорит о большом уважении и признании народа. Она чувствует направление подземных вод, не подозревая, что существует мировой водный конвейер, пронизывающий всю планету. Себя она считает всего лишь продуктом полноводной Эбэ в период ее локального расцвета (так якуты уважительно называют местность, где проживают). Вода «уходит», и жизнь замирает. Эдьиий Дора «видит» озоновые дыры, не представляя, что это такое. Она просто предупреждает об опасности для живого организма, исходящей из «открытого неба».

Так она ощущает глубинную связь с природой. Такие люди, как Эдьиий Дора, несомненно, есть в каждом народе, и именно они, в первую очередь, наводят на мысль о культуре природосообразности, учат уважать природу, прислушиваться к ней и считаться с ней. В противном случае, мы не заметим, как «рубим сук», на котором сидим.

Литература

1. Протопопова Н.И. Эдьиий Дора / Н.И. Протопопова. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 240 с.

П.И. Григоренко, А.В. Гукова, Е.О. Яткина,
Томский государственный университет (г. Томск)

Этика благоговения перед жизнью как принцип взаимодействия с окружающей средой

Формирование взгляда на окружающий мир тесно связано с этическим развитием человека. Одним из наиболее выдающихся и известных мыслителей XX века, сформировавших свою позицию отношения человека к природе, является Альберт Швейцер, эльзасский теолог, философ, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира, гуманист, собственной жизнью показавший возможность своей этической позиции. Особенностью его учения, получившего название «этика благоговения перед жизнью», стало то, что он полагал, что этический человек несет ответственность за все, что живет. Швейцер считал, что человек должен думать не только о ближнем своем, но и обо всем окружающем мире, будь то собака, полевой цветок или муравей. Человек не должен разрушать и уничтожать живое. Нравственный человек не может получить удовлетворение, зная, что хотя бы одна жизнь страдает. Философ осознавал, что даже при большом желании невозможно полностью реализовывать такую позицию, ведь в любом случае любому организму необходимо передвигаться, питаться, а эти процессы если и не уничтожают какую-то жизнь, то, по крайней мере, причиняют ей вред. При всей этой неизбежности, «зло остается злом даже тогда, когда оно абсолютно неизбежно. Поэтому человек обречен жить с нечистой совестью» [3, с. 221].

Позиция Швейцера таким образом приходит к неутешительным выводам: человек, который будет задумываться о том, как он взаимодействует с окружающей средой, и который будет стараться жить согласно правилу о непричинении вреда Жизни, не только никогда не

сможет полностью достичь своей цели, но будет несчастен, сколь бы минимальным ни был ущерб, причинённый им природе.

Несомненно, позиция, в которой сформулировано на редкость четкое понимание того, какое отношение к природе должно быть у нравственного человека, заслуживает особого внимания. Вместе с тем, проблемным полем остается и вопрос о недостижимости счастья человека, старающегося поддерживать природу в ее естественном состоянии, не причиняя ей вреда.

Литература

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
2. Герберт Ф.П. Альберт Швейцер. Картина жизни. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
3. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
4. Швейцер А. Жизнь и мысли. – М.: Республика, 1996. – 528 с.

Н.В. Гоноцкая,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Вариативность мифологизации природы в самосознании культуры

Мифологизация природы - устойчивый лейтмотив в истории культур, однако образы природы в сознании человека претерпевали безусловную трансформацию от эпохи к эпохе. Античный космос представлял собой абсолютизацию всех материальных стихий, которые были для древних греков не только «живыми», но и «духовными» элементами мироздания. Как писал Лосев, «в древности мифология была несравненно выше каждого отдельного человека, и каждая человеческая личность оказывалась там только ничтожной эманацией космического целого, с которым она была даже несоизмерима».

Воскрешение античной мифологии природного и человеческого происходит в философии романтизма. Если античная мифология была, безусловно, выше человека, то романтическая была исключительно человеческим созданием. Элиминация принципиального различия между природой и духом, их взаимопроникновение, слияние, казалось бы, реанимируют древние мифологические формы мышления. Однако место человека в мироздании и та роль, которая ему отводится в романтизме, значительно отличается от той, что была отведена древнему греку, цель которого была в достижении гармонии внутри самого себя, упорядочивании души, приведении в соответствие своего внутреннего строя и согласование его с надчеловеческим общим космическим порядком. У романтиков материя природы отождествляется с божественным, а это значит, что и каждая отдельная вещь, каждый фрагмент действительности представляет собой сжатый образ космического, божественного, духовного, но не в явном, а скрытом виде. Задача же человека – расшифровать эти символы, вдохнуть жизнь в зашифрованные молчаливые формы материи. Творческая интерпретация сущего выдвигается на первый план, а художник как дешифровщик скрытых смыслов и создатель новой реальности становится ключевой фигурой в процессе возвращения Абсолюта к самому себе.

Вопреки рационализациям прошлых веков, отношение к природе в эпоху постмодерна вбирает в себя все иррациональные мотивы, отбрасываемые современной культурой. Здесь присутствуют и пантеистические мотивы, и религиозно-эстетические, и мифологические. В мифологии современного человека смысловая и ценностная нагруженность понятия «природа» варьируется от идиллических представлений о ней до прямо ей противоположных: она предстает то утраченным раем, новым Эдемом, то источником и средоточием злых сил, враждебных человеку и представляющих для него реальную угрозу.

Литература

1. Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы. – Киев, 1998.

2. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре / А.Ф. Лосев. Дерзание духа. – М., 1989.

3. Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. – Л., 1936.

4. Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. – М., 1966.
5. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994.

✣ ✣ ✣

А.А. Исаев,
Уфимский юридический институт МВД России
(г. Уфа, Башкортостан)

Экзистенциализм о существовании человека в созданном им мире

Перед сегодняшним человеком встала, пожалуй, главная в современной ситуации проблема. Если раньше физическому существованию человека угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. К. Ясперс пишет: «Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от него, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни» [1, с. 399]. По сути дела, этот угрожающий нам мир можно определить как мир техники. И никто, кроме самого человека, не сможет решить дилемму: стать рабом технического мира или создать новые, безусловные принципы бытия в этих условиях.

Вот как характеризует М. Хайдеггер влияние техногенных процессов на бытие человека: «Земля и атмосфера Земли превращается в сырье. Человек делается людским материалом, который в нужный момент пускается в ход ради достижения предварительно поставленных целей. Преднамеренное составление мира неукоснительно пробивает себе путь, а все это устраивается как состояние человеческого приказывания – вот процесс, который выступает наружу из скрытой сущности техники...» [2, с. 39]. В такой ситуации человеку открывается его свобода. Что же необходимо делать? Ясперс так отвечает на этот вопрос: «Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала... К нему

предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удается в становлении его самости или же, если он всех отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу ни человеком, ни животным» [1, с. 399].

Литература

1. Ясперс К. Духовная ситуация времени / Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994.
2. Хайдеггер М. Доклад о Р.М. Рильке. 1946 / Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире. – М., 1990.

Г.Г. Кириленко,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Природа как метафора

Использование метафор в нашем освоении мира не есть просто необязательная фигура поэтического языка. С помощью метафор мы говорим о том, о чем не можем, или не хотим говорить. Метафора – это своего рода удочка, с помощью которой мы можем дотянуться до далекого, таинственного, недоступного для рационального мышления. Можно сказать, что метафора – это своеобразный щит Персея. Только увидев в нем отражение ужасной Медузы Горгоны, герой смог смотреть на нее, сражаться и победить.

Бинарно-оппозиционный характер культуры трудно представим в единой рациональной модели культуры, но создание единой модели культуры вполне осуществимо в результате знаковой операции «заместительства». Именно природа оказывается той бинарно-оппозиционной моделью культуры, которая молчаливо представлена в метафоре. Природа есть своего рода **апофатически-проективная** модель культуры, она не имеет артикулированного языка, поэтому нечувствительна к противоречиям. Природа противоположна культуре, поэтому, согласно логике бинаризма, в ней возможно все то, что невозможно

в культуре. Природа, функционирующая по непреложным законам, и одновременно природа как некий первичный хаос, как творческий порыв. Метафоризация природы открывает новые возможности для сближения природы и культуры, создания **регулятивно-партнерской модели «природа – культура»**.

«Природа» как «инаковость», как «некультура» позволяет применить так называемую технику **бриколажа**. Понятие природы заменяется на понятие «естественного», естественной установки. В свою очередь, «естественное» сближается с понятием живого. Затем живое – с понятием жизненного мира, в котором природа предстает в ином, «нестрашном» обличье, вещи сплетены с нашим представлением о них, мы сами занимаемся нашим жизнеустроением. Использование метафор позволяет увидеть бесконечную смысловую и деятельностно-практическую перспективу наших отношений с природой.

Литература

1. Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы. – Киев, 1998.

2. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.

3. Захарова О.А. Экологические коммуникации в социокультурном пространстве. Природа и культура. – М., 2008.

4. Кириленко Г.Г. Тело: тактика ускользания // Философия и социальная теория. Выпуск 3. – М., 2004.

О.Т. Кирсанова,
Ростовский государственный экономический университет (г. Ростов-на-Дону)

Значение природы для мышления и культуры (концепция К. Леви-Стросса)

Проблема определения смысла и значения природы для нашего бытия непосредственно связана с проблемой экологической безопасности. Природа задает структуру мышления, задает способы и резуль-

таты культурного творчества, способ речевой организации мышления. Утрачивая природную среду обитания, человек лишается импульса для своего культурного существования. Эти суждения мы надеемся обосновать с помощью идей философии структурального анализа, высказанных в работах К. Леви-Строса (1908-2009), А. Одрикура (1911-1996), Н.С. Трубецкого (1890-1938).

От чего зависит порядок нашего мышления и культурных оценок? Вероятно, от порядка природы и вещей природы. Образ мирового дерева, имеющийся во всех мифологиях мира, репрезентирует мировой порядок: временную ось и пространственную структуру, а также ценностную семантику. Имеется достаточный материал у этнографов по изучению семантики дерева в мифах народов Севера.

Антрополог К. Леви-Строс считает, что «структурализм учит нас больше любить и почитать природу... понимая, что растения и животные… не только доставляли людям средства к существованию, но с самого начала были источником их самых сильных эстетических чувств, а в интеллектуальном и моральном плане – источником первых и последующих глубоких размышлений». Лингвист А. Одрикур проводит параллели между клоновым способом культивирования ямса, клановой организацией общества и религиозными воззрениями в Новой Каледонии (острова Меланезии). Философ и лингвист Н. Трубецкой в русле евразийской концепции месторазвития делает свои фонологические открытия.

Таким образом, гуманитарные междисциплинарные исследования в области изучения когнитивных связей между культурой и природой показывают наличие таких связей, переводят наше отношение к природе из утилитарной сферы в сферу духовного взаимодействия.

Литература

1. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

2. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.

3. Haudricourt André G. Nature et culture dans la civilisation de l’igname : l’origine des clones et des clans// L’Homme, Année 1964, Volume 4, Numéro 1, p. 93 – 104// http://www.persee.fr (дата обращения: 01.01.2008).

В.А. Нехамкин,
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (г. Москва)

Географический детерминизм: в поисках детерминант исторического процесса

Взаимодействие природы и общества – сложная тема, которая с различных позиций рассматривается в рамках социального познания. Одно из таких направлений – возникший в XVIII в. географический детерминизм, исходивший из того, что среда проживания человека определяет ход исторического процесса. Данный подход представлен концепциями Ж. Бодена, Ш. Монтескье, Л. Мечникова, которые необходимо классифицировать в устойчивые группы. Существующие здесь позиции целесообразно разделить на ряд блоков. Каждый из них включает: базовый фактор, периодизацию прошлого, модель социальной психологии.

1. Климатоцентризм. Исходит из того, что ход исторического процесса определяется климатом. Так, Боден выделил на земле ряд зон: «…Мы отдадим 30 градусов жаре, столько же градусов – холоду и отведем 30 градусов той температурной зоне, в которой можно жить удобно и счастливо» [цит. по: 2, с. 80]. На основе климатических поясов Боден выявил следующие великие «эпохи» (продолжавшиеся по 2 тыс. лет), когда доминировали народы: 1) Востока, жившие на юге в жарком поясе; 2) Средиземноморья (умеренный климат); 3) Севера (холодный климат).

В сходном ключе рассуждал Монтескье. Он выделил стадии истории и разделил народы исходя из господствующего типа климата на: 1) северные (климат – холодный); 2) южные (жаркий); 3) умеренные (средний) страны. Соответственно климату изменяется и психология наций: «В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах». В последних люди ленивы, «исполняют всякую трудную обязанность только из страха наказания» [цит. по: 1, с. 55].

2. Аквацентризм. Утверждает, что основа человеческой истории – вода, близость той или иной нации (образующей цивилизацию) к водоемам. Выделяет (в концепции Л. Мечникова) следующие виды цивилизаций: речные, морские, океанические.

Недостаток такого подхода – преувеличение воздействия одного фактора на ход исторического развития. Некоторые государства не вписывались в классификацию Мечникова. Например, объяснить цивилизационную принадлежность России, имеющей крупные реки (Днепр, Волга), выходы к морям (Черному, Балтийскому), океанам (Северному Ледовитому и Тихому) – невозможно. Она – одновременно речная, морская, океаническая цивилизация.

Таким образом, географический детерминизм в обоих проявлениях (климато-, аквацентризм) сводится к абсолютизации одного фактора, преувеличении его влияния на ход исторического процесса. Значит, по моему мнению, проблему взаимодействия природы и общества целесообразно решать на принципиально иных методологических основаниях, включающих в орбиту анализа несколько факторов.

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс, 1993.

2. Боден Ж. Метод легкого познания истории. – М.: Наука, 2000.

Anastasia Nikolopoulou,
University of Cyprus School of Humanities

UNESCO's new humanism, transdisciplinarity, and environmental studies

In this paper I explore the concept of 'new humanism' that has recently emerged as a 'credo' for UNESCO, and how it might become a working concept for integrating the humanities within transdisciplinary approaches to environmental studies. 'New humanism' suggests the creation of a more

inclusive society in a climate of empathy, belonging and understanding, and respect for human rights. It is a concept that attempts to promote a new pedagogical curriculum, the foundation of which should enable the rise of "a public realm of values". Hans D' Orville, Assistant Director General of UNESCO for Strategic Planning, argued that at the core of this new humanism one finds "education, the sciences, culture and communication and information," and defined it as a "conceptual framework to inspire 'cooperative action in a global context.'" He further adds that 'new humanism' also encourages a Renaissance in the way disciplines merge together.

I explore how the new humanism challenges traditional disciplinary boundaries and promotes transdisciplinary approaches to environmental studies. Instead of relying solely on expertise, it emphasizes skills such as lively dialogue "conversation, exchange, debate and so on, the software of our life and societal interaction."

UNESCO's approach to "soft knowledge as dialogue" can play an important role in environmental studies allowing us to embrace transdisciplinarity as a threshold to humanist pedagogy rather than as a mechanistic exchange of expert knowledge. The humanistic approach to dialogue is also found in earlier philosophical writings in which dialogue, the care of the self, and living in harmony with oneself and the environment are given much greater value than what Socrates calls the "momentary and fleeting" epistemic knowledge. Similar approaches to humanism as dialogue and care for the self, others, and the polis, are found in writings from the Greco-Roman, Renaissance, and Enlightenment traditions; e.g. Seneca, Montaigne, Rousseau.

The paper will also provide examples of pedagogical uses of new humanism with particular reference to the Erasmus Intensive Summer School program that was coordinated by the University of Cyprus in 2011: "Reconfiguring Values and Knowledge for Sustainable Communities".

Г.Н. Паранина,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Информационные модели мира: приоритеты времени

Адекватная информационная модель Мира (ИММ) является результатом адаптации – основой устойчивости и развития общества. Многогранное отражение природных процессов в материальной и духовной культуре – необходимое условие выживания, поэтому реконструкции прошлого, адекватное понимание настоящего и корректное моделирование будущего неосуществимы без применения методов и подходов естественных наук, включая учение о биосфере В.И. Вернадского и системный анализ потоков вещества, энергии и информации в географическом пространстве [1-5, 13].

Предлагаемая концепция ИММ раскрывает структурообразующую роль потока информации о пространстве-времени (опыт навигации и отражение пространственно-временного континуума) в формировании картины мира на разных этапах социального развития. Структура модели определяется различием функций, выполняемых элементами и блоками. Базисным и каркасным элементом являются навигационная информация, включающая объекты и понятия, связанные с движением и ориентированием в пространстве-времени. Кодирование (копирование, дублирование и тиражирование наиболее универсальных элементов жизненно-важной информации) осуществляют лингвистический, семиотический и прочие элементы модели, построенные на навигационной содержательной основе. Узловое интегрирующее положение в ИММ на протяжении всей истории человечества принадлежит системе сакральных объектов и приоритетов древних традиций, сохраняющих и воспроизводящих условия поддержания непрерывности Жизни.

Семиотика географического пространства и анализ различных пластов древней и современной культуры [3, 6-9, 11, 12. 14-16] позволяют выделить этапы визуализации информационного потока и сформулировать один из основных алгоритмов кодирования информации: «природный процесс – геометрический знак – художественный образ»,

позволяющий понять единую природную основу широко употребляемых сегодня знаковых систем, известных мифологических образов и сюжетов [6]. Этой основой, как и следовало ожидать, оказалось представление о пространственно-временном континууме – естественный фундамент развития любой культуры.

Ретроспективный анализ показывает, что комплекс современных экологических, экономических и социальных проблем можно рассматривать как результат смены социокультурной парадигмы в недрах городской культуры, которая ограничила приток природной информации, вытеснила приоритеты Времени-Вечности идеалами материальных ресурсов и пространства, подменила диалектическое мышление процессами на метафизическое оперирование объектами и понятиями, подавила интуицию и экологическую ментальность. Сегодня восполнение потерь духовных ценностей и восстановление достижений прошлого ещё возможно при обращении к опыту, заключенному в древнем природном и культурном наследии.

Литература

1. Арманд А.Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. – М.: Наука, 1988. – 261 с.

2. Викторов А.С. Основные проблемы математической морфологии ландшафта. – М.: Наука, 2006. – 252 с.

3. Керн Г. Лабиринты Мира. – СПб.: Азбука-классика. 2007. – 430 с.

4. Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. – Петрозаводск, 1990. – 152 с.

5. Паранин В.И. История варваров. – СПб., 1998. – 284 с.

6. Паранина Г.Н. Свет в лабиринте: время, пространство и информация. – СПб.: Астерион, 2010. – 123 с.

7. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Лабиринт: ориентация в географическом пространстве и эволюция знака // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: материалы IV Поморских чтений по семиотике культуры (Пинежский заповедник, 7-11 июля 2009 г.). – Архангельск: Поморский ун-т. 2009 – С. 516-518.

8. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами

культуры // Общество. Среда. Развитие. – СПб.: Астерион, 2009. – № 4. – С. 120-134.

9. Паранина Г.Н., Паранин Р.В., Субетто Д.А. Северный лабиринт – отражение Арктического пространства и времени // Известия РГО. – Т. 141. – Вып. 6. – СПб.: Наука, 2009. – С. 66-75.

10. Паранина Г.Н., Марсадолов Л.С. Объекты культурного и природного наследия как информационный ресурс геокультурного пространства // Развитие туризма в Балтийском регионе: предпосылки, современное состояние и перспективы: конференция с международным участием 18-19 ноября 2010 года. – Псков: Псковский педуниверситет, 2010. – С. 24-27.

11. Скворцов А.П. Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М., 1990. – С. 282-300.

12. Смирнов С.С. Двенадцать лучей звезды Петербург. Космография северной столицы // Время. Ландшафт. Культура: материалы научн.-практ. семинара «Этнокультурная география и семиотика географического пространства». – Вып. 2 – СПб.: Астерион, 2011. – С. 126-129.

13. Субетто А.И. (науч. ред.) Ноосферизм. Арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XX веке. Роль Арктики и Антарктики в стратегии ноосферного развития человечества и выхода из глобального экологического кризиса в 2-х кн. – СПб.: Астерион, 2009. – 1094 с.

14. Субетто Д.А., Кузнецов Д.Д., Шевченко В.П., Лудикова А.В., Сапелко Т.В., Субетто Г.Д. Палеолимнологические исследования колебаний уровня Белого моря в голоцене на Большом Соловецком острове // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (Апатиты, 12-17 сентября 2011 г.). – Апатиты, 2011. – Т. 2. – С. 250-252.

15. Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. – М.: Наука, 1992. – 200 с.

16. Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. – М.: Мир, 1977. – 268 с.

А.В. Разин,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Отношение к природе как нравственная проблема

Противоречие между обществом и природой является постоянно обостряющимся, неустранимым, требующим все больших и больших усилий людей, направленных на его разрешение.

Первоначально это получает выражение в тезисе «борьба с природой». Развитие средневекового общества и первые три столетия развития общества капиталистического прошли в полном согласии с этим лозунгом. Такое отношение к природе находилось также в согласии с христианской религией, поставившей человека в центр творения, сделавшей его властелином мира.

Однако на современном этапе общественного развития становится ясно, что воздействие общества на природу приобретает характер ее глобального изменения, а вместе с этим – и нарушения условий существования человека. Человеку начинает не хватать ресурсов, чистого воздуха, незагрязненной воды, наконец – просто природного пространства его обитания. Соответственно возникает новая установка нравственного сознания, установка бережного отношения к природе, и она в большей степени связана с древними представлениями мифологического сознания, в которых человек стремился к сохранению равновесия с природой.

Сейчас такие представления, конечно, не могут быть воспроизведены в их непосредственном виде, но они сохраняют свое значение в новом аспекте, в связи с такими представлениями человека о самом себе, которые можно назвать космологическими. В этой парадигме человек наделяется особым типом ответственности, которая связывается с эволюционным процессом, предположениями о предустановленных целях эволюции, о самом человеке как носителе сознания, являющегося венцом эволюции.

Все это заставляет по-новому взглянуть на природный процесс, в частности в связи с задачей сохранения многообразия форм жизни.

В нравственном плане это выражается в преодолении антропоцентристского взгляда, распространением идей сострадания и представлений о справедливости на другие формы жизни.

Литература

1. Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. – Киев: Путь к истине, 1991.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. – М.: Айрис пресс, 2004.
3. Bell D.R. Political Liberalism and Ecological Justice // Analyse & Kritik. – 2006. – Vol. 28.
4. Singer B.A. An Extension of Rawls's Theory of Justice to Environmental Ethics // Environmental Ethics. – 1988. – Vol. 10.

В.С. Рымарович,

Курский государственный университет (г. Курск)

Образ природы в языческой и христианской картинах мира

В современных естественнонаучных и гуманитарных исследованиях особой актуальностью и непреходящей дискуссионностью обладает вопрос о мировоззренческих истоках экологического кризиса. История взаимодействия человека и природы – это последовательность смены одних отношений другими. Если архаичное отношение к природе характеризуется такими определениями, как «стихийное», «созерцательное», то отношение человека к природе в капиталистическом, техногенном мире можно охарактеризовать как «потребительское», «хищническое». Ретроспективный анализ данной проблемы обращает нас к особенностям восприятия образа природы в языческом и христианском мирах.

Языческое сознание отражает мир природы, Космоса как близкий и родной человеку, его можно сравнить с образом дома. Человек не выделяет себя из природы, он ее дитя. Соответственно существует жесткое табу на то, чтобы эту гармонию нарушить, иначе Космос может превратится в хаос, чего так боится язычник.

Христианство предлагает жестко иерархизировать субъект-объектные отношения в мире. Оно «строит» «лестницу существ», на которой каждому виду участников Мироздания строго определено свое законное место и уготованы отношения господства-подчинения. Выше всех Бог, затем следуют Его ангелы, посередине – люди и земная действительность, далее – животный и растительный природный миры (которые подчинены человеку) и завершают лестницу в самом низу существа ада. Таким образом, «…христианство не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божья именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей… Разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [1].

Мы полагаем, что если язычество содержало установку «природа как среда обитания», христианство утверждало установку «природа как ресурс», то современное сознание должно сформировать установку «природа как ценность».

Литература

1. Алтфилд Р. Этика экологической ответственности // Глобальные и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 196-202.

2. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М., 1995.

3. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Гарбовского. – М., 1994.

С.Н. Рымарович,
Курский институт социального образования
(филиал) РГСУ (г. Курск)

Природа как источник духовности русской культуры

В современной науке «попытки исследователей вычленить доминанты в национально-специфическом восприятии природы представ-

ляют безусловный интерес. В этой связи необходимо изучать такие поддающиеся науке сюжеты, как ориентирование народа, нации в географическом пространстве, их жизнь в определенной географической среде, формирование «своей» среды «по-своему». Без изучения этих аспектов невозможно осмысление проблем самоидентификации стран и народов, в частности, России и русских» [3, с. 90]. Данная работа посвящена анализу особенностей бытия природы в социокультурном пространстве российской цивилизации.

В отечественном философском и литературном наследии природа осмысливается как источник духовности и одно из оснований русской социокультурной традиции. Однако понимание природы зачастую противоречиво. Так, природа выступает, с одной стороны, как «бремя» русской истории (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин), хоть и временный, но враг человечества (Н.Ф. Федоров), а с другой стороны, природные ценности способны сыграть основополагающую роль в формировании смысложизненных ориентиров русского человека (Л.Н. Толстой), вылечить «интеллигентные» боли современной эпохи (В.В. Розанов).

Следует отметить, что русский человек, восхищаясь природными богатствами своей страны, в то же время не умеет ими грамотно распорядиться, поддерживать экологическое равновесие своей малой родины, что объясняется климатическими особенностями, огромными пространствами, неисчислимыми природными ресурсами, не способствующими интенсификации трудовых процессов, особенностями российской истории (в частности последствиями многочисленных войн), а также спецификой русской ментальности.

Тем не менее, именно природа России может сыграть роль интегрирующего фактора российского народа, послужить смыслообразующей основой национальной идеи. По словам исследователя проблем экологии культуры Е.А. Когай, «для России почитание ее природы, естественной красоты может стать предметом настоящего культа, идеей, способной в созидательном плане объединить ее народы» [5, с. 156].

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. – Ростов-н/Д, 1997.

2. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – № 1.

3. Егоров В.К. Философия культуры России: контуры и проблемы. – М., 2002.

4. Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Одинокий художник. – М., 1993.

5. Когай Е.А. Человек и природа: ценностные регулятивы экологического сознания. – М., 2001.

6. Розанов В.В. Природа и история: сборник статей. – СПб., Тип. М. Меркушева, 1900.

7. Степун Ф.И. Дух, лицо и стиль русской культуры // Вопросы философии. – 1997. – № 1.

8. Толстой Л.Н. Война и мир. – М., 1991.

9. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – М., 2008.

Н.А. Яровицкая,
Харьковский национальный технический университет строительства и архитектуры (г. Харьков, Украина)

Культура как аутентичная «природа» человека

Человек как социобиологическая сущность на протяжении своей эволюции предстает в нескольких обличиях: «человек разумный» – Homo sapiens (витальный модус бытия); «человек делающий» – Homo faber (творец в образе архитектора мироздания), что было актуальным в эпоху средневековья и начала Ренессанса; «человек играющий» – Homo ludens, теория философа культуры Й. Хейзинги относительно того, что сама культура разыгрывается. Данные «имена» обнажают людскую природу в ее поливариативных смыслах: от тварного существования до постижения метафизических истин, которые прорывают конечность, временность человеческого бытия.

Культура как аутентичная «природа» человека реализуется благодаря триаде: «общий дух народа» (Ш. Монтескье); первоэлемент

культуры, заключающий в себе ее «коллективную душу» – гештальт (О. Шпенглер); архетипы бессознательного, проявляющиеся посредством символов (К. Юнг) [2, с. 52]. Так, понятие «общего духа» включает обычаи, законы, традицию, примеры прошлого, принципы правления [1]. Гештальты культуры реализуют специфику культурной идентичности той или иной нации. Например, дорога для египетской культуры олицетворяет предначертанность судьбы, тело (божественное или человеческое) в греко-римской традиции – доктрину телесности, пластичности. Арка в арабо-византийском наследии – соприкосновение с тайной, магией; шпили соборов в западноевропейской культуре – бесконечность [3]. Также и символизм, порождаемый архетипами, будет различен для той или иной мифологии, традиции. Так, двойственность в мифологии Заполярья формирует идею замкнутости и свободы духа одновременно – «состояние психологического баланса и ощущения целостности личности» [2, с. 50-51].

Таким образом, феномен культуры есть средоточие человеческого в человеке, который детерминирует процессы этногенеза, формирования традиции, аксиологической иерархии, ментальной, социополитической, религиозной самобытности.

Литература

1. Момджян Х.Н. Французское просвещение XVIII века. – М.: Мысль, 1983.

2. О'Коннелл Марк, Эйри Раджи. Знаки и символы [пер. И. Крупичевой]. – М.: Эксмо, 2009. – С. 50-52.

3. Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880-1936). – М.: Новая и новейшая история, 1996.

РЕЗОЛЮЦИЯ
международной междисциплинарной научной конференции «Природа и культура»

13-15 июня 2012 г. в Якутске состоялась международная междисциплинарная научная конференция «Природа и культура», инициатором и организатором проведения которой выступил Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, соорганизаторами – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Якутское региональное отделение Российского гуманистического общества.

В адрес конференции поступило приветствие от Северного социально-экологического конгресса.

С приветствием к участникам конференции обратились заместитель министра охраны природы Республики Саха (Якутия) Добрянцев Анатолий Анатольевич и заместитель министра культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) Лёвочкин Владислав Валерьевич.

Главной целью проведения конференции в связи с реализацией российских мегапроектов стало привлечение внимания к междисциплинарным теоретическим и практическим аспектам взаимодействия природы и культуры.

Для участия в конференции поступило более 110 заявок от специалистов из 8 стран. Наряду с учеными из 24 российских учебных заведений и научных центров, в программных мероприятиях конференции приняли участие ученые из Украины, Белоруссии, Польши, Германии, Норвегии, Франции, США и Кипра, среди них: член-корреспондент Российской академии наук, действительный член РАЕН и Российской экологической академии, член-корреспондент МАНПО, 24 доктора наук и профессора, 54 кандидата наук.

В рамках программных мероприятий конференции:

- состоялось пленарное заседание по ключевым проблемам социокультурного взаимодействия природы и человека;

- организована работа четырёх секций: «Природа, культура, этнос: образ природы в структуре идентичности», «Экологическая культура:

духовный и практический опыт», «Природный ландшафт: этнокультурные репрезентации», «Человек и природа: экологический коллапс или коэволюция»;

- проведён «круглый стол» на тему: «Природа и культура: синергия традиционного и инновационного».

- национальная библиотека РС (Я) и научная библиотека СВФУ организовали выставку научной литературы «Природа. Время. Человек».

В рамках конференции также организована работа летней научной школы «Природа и культура», где ведущими российскими и зарубежными учеными прочитано 15 открытых лекций и проведены консультации по темам исследования слушателей школы.

Участниками и гостями конференции заслушано 47 докладов.

Участники конференции выразили тревогу в связи с рассогласованностью духовного и практического, традиционного и инновационного в актуальном взаимодействии природы и человека на Севере.

Участники конференции отметили, что проведение таких мероприятий способствует дальнейшему развитию международных междисциплинарных антропоэкологических исследований в Якутии под эгидой СВФУ, сближению российских и зарубежных ученых в решении антропоэкологических проблем и выработке направлений дальнейшего сотрудничества.

На конференции отмечен опыт Республики Саха (Якутия) в гуманизации социоприродного взаимодействия Человека и Природы, создании условий для гетерогенности образа жизни северного социума.

Конференция продемонстрировала высокий научный уровень и позволила сделать ряд важных выводов по её тематике.

Подтверждена роль философского мировоззрения в решении задач по обеспечению синергии традиционного и инновационного.

На конференции выработан ряд новых гражданских гуманитарных технологий и подходов в вопросах взаимодействия природы и культуры.

Характерной особенностью конференции стало ее объединяющее значение, выразившееся в синтезе естественно-научных и гуманитарных исследований в области природы и культуры.

Участники конференции пришли к выводу, что назрела необходимость создания центра инновационных гуманитарных технологий и гражданских инициатив как главного инструмента по интеграции гуманитарных и естественно-научных исследований в области природы и культуры.

Участниками конференции рекомендовано шире применять гуманистический потенциал философско-гуманитарных дисциплин в реализации социально-экономических проектов и шире использовать позитивный опыт управления и жизнедеятельности региональных социумов и муниципальных и территориальных сообществ на территории северных регионов.

Конференция предложила:

- вузам и научно-исследовательским институтам, другим образовательным и научным структурам активизировать проведение антропоэкологических исследований, сочетающих достижения гуманитарного и естественно-научного знания;

- в целях привлечения внимания общественности к социогуманитарным аспектам проблем гармоничного взаимодействия природы и человека Севера организовать цикл передач на региональных телеканалах;

- научным подразделениям и структурам северных регионов подготовить к изданию брошюры и методические пособия по гуманитарным технологиям в сфере взаимоотношений природы и культуры;

- рассмотреть вопрос об издании периодического межвузовского информационного бюллетеня по проблемам синергии природы и культуры.

Конференция призвала межгосударственные, государственные, правительственные, неправительственные, общественные организации и движения объединить усилия по переориентированию социоприродного взаимодействия с техногенной парадигмы на антропогенную.

Для интегрирования интеллектуальных усилий по выработке, апробации и практическому внедрению гуманитарных технологий, способствующих гармонизации социокультурного взаимодействия человека – общества – культуры, участники конференции приняли решение о

создании Центра гуманитарных технологий Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Конференция обращается к органам исполнительной власти северных регионов Российской Федерации и зарубежных стран поддержать инициативы конференции.

Организаторы конференции выражают искреннюю признательность и благодарность всем, кто оказал духовную и материальную поддержку в проведении международной междисциплинарной научной конференции «Природа и культура».

ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции
Якутск, 13-15 июня 2012 г.

Часть 2

Ответственный редактор
Павлова Наталья Степановна

Редактор *О.А. Капитонова*
Компьютерная верстка *А.М. Соловьева*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60х 84/16.
Печать цифровая. Печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 200 экз. Заказ № .
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Отпечатано в типографии ИД СВФУ